

Яков Кальницкий
ИПСИЛОН

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

Leo
2018

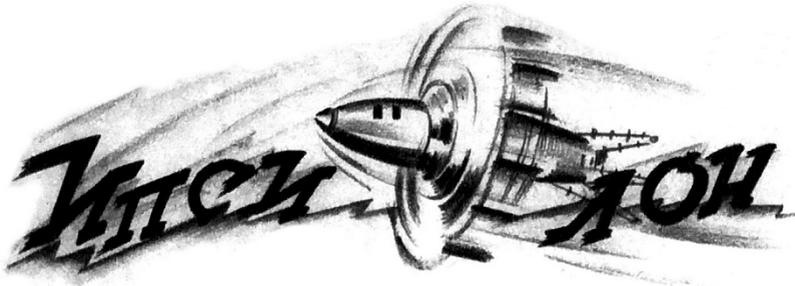
**ЯКОВ
КАЛЬНИЦКИЙ**

ИПСИЛОН

Фантастический роман и
приключенческие
повести

I ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

Электрические огни тонули в тумане. Ровное гудение моторов центральной силовой станции подчеркивало тишину.

Час, когда третья смена заняла свои места у машин: закончены все заседания, закрыты театры, клубы, рестораны. На оживленной улице Либкнехта не видно пешеходов. Но дежурный милиционер стоит на бетонной площадке, точно перед ним еще мелькают сотни машин, тысячи пешеходов.

Неожиданно сверху упали тяжелые звуки. В разных концах города загремели рупоры:

- Республика в опасности!
- Все на оборону!

Из мрака выступили тысячи квадратов: зажглись огни в домах, на улицах; над городом коническим куполом сошлись лучи прожекторов.

На площадях вспыхнули серебряные экраны.

- Все на оборону!
- Сохраняйте спокойствие!

У экранов уже собирались люди. Мелькали слова первого военного сообщения:

*На площадях вспыхнули
серебряные экраны.*

«Объединённая фашистская эскадрилья в 2 ч. 30 мин. пролетела над нашей границей. Силы ее не установлены. Сохраняйте спокойствие, будьте готовы к обороне».

Милицонер на углу улиц 1-го мая и Карла Либкнехта оправил шинель, затянул ту же пояс и, вынув из чехла жезл, занялся обычным делом.

«Хищники осмелились напасть на наш Союз.

Их аэропланы сеют яд, их снаряды разрушают наши заводы. Вспаханное поле гибнет под танками. Чтобы отбить охоту к

подобным налетам, Совет труда и обороны приказывает:

— Настал час последнего боя с капиталом. Мы войны не хотели, но мы к ней готовы! Страна объявляется на положении чрезвычайной обороны. Красноармейцы и командиры запаса вскрывают мобилизационные пакеты.

Горсоветы принимают меры к охране государственных учреждений. (Инструкция № 710312). С наступлением темноты прислушивайтесь к предупредительным сигналам. После третьей сирены ни один луч света не должен падать на улицу. О приближении воздушных сил неприятеля, о составе воздуха и о

ходе военных действий население будет оповещаться радиokinoбюллетенями. Настраивайте приемники! Волна 1312 метров; карманные — через станцию радиократа — волна 65 метров» ...

Утром к зданию ВУЦИК'а двинулись с заводов и окраин, из окрестных сел и колхозов колонны людей с строгими, загорелыми лицами, с решимостью в глазах. Улицы пламенели кумачом, гремели голосами:

—| Долой фашистов!

— Смерть капиталу!

— Да здравствует мировая революция!

Войсковые единицы разворачивались в соединения.

С ураганной напряженностью вращались моторы. Ревело радио, грохотали миллионы машин; трудовой дым заводов разрисовывал небо зловещими узорами. Все многомиллионное население думало об обороне страны.

II ПЕРВЫЕ ЖЕРТВЫ

Рабфаковец Антон Дикий только-что растянулся на своей жесткой постели, укрылся ветхим, драным пальто и уже готовился захрапеть, когда из его самодельного громкоговорителя понесся рев:

— Республика в опасности!

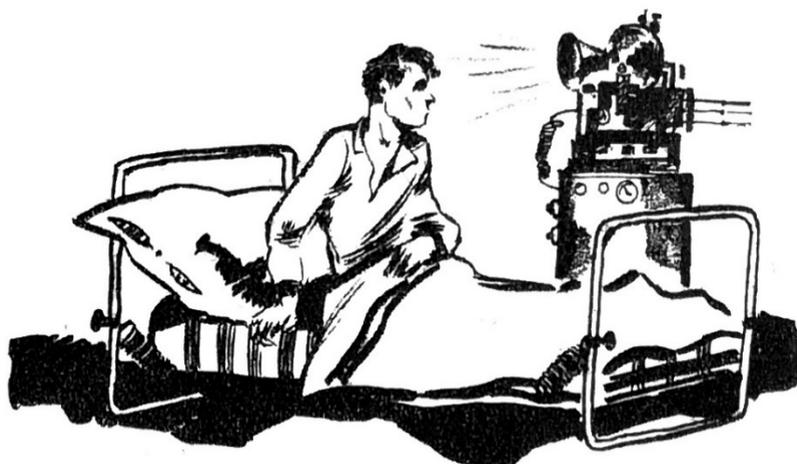
— Все на оборону!

Он вскочил с постели.

— Знаю, знаю... Опасность всегда была. Переговоры, разговоры, смокинги, банкеты... Ножом в горло. Сволочи! — бормотал он.

Быстро оделся и вышел на улицу.

Антон вскоре попал на улицу Либкнехта и стал пробиваться в густой толпе людей, заполнивших площадь у ВУЦИК'а. Он энергично работал локтями и коленями, но чем дальше, тем трудней было продвигаться вперед. Толпа предстала плотной стеной. Он попробовал пробить эту стену головой, плечами, но, убедившись в бесцельности этих попыток, стал заботиться только о том, чтобы не быть раздавленным.

Из самодельного громкоговорителя понесся рев...

Над его ухом прозвучал бодрый, веселый голос:

— Антон, ты? Здоров!

Перед Антоном был его лучший друг, земляк, и сотрудник — рабфаковец Семен Долбня.

— Ну, что? Заварилась каша? — сказал, пожимая руку друга, Антон.

— Радоваться-то не особенно приходится. Уж лучше бы ты ошибся.

— Об этом и говорить нечего, но бояться ее тоже не стоит. Диалектика брат! К тому же теперь машина полетит. Да еще как!

— Тебе бы только твоя машина летела... Несерьезный ты человек, вот что я тебе скажу...

Семен долго еще ругал бы друга, если бы его не заглушил радиорупор.

«Неприятельская эскадрилья в составе 18 машин, вооруженная опрыскивателями Геринга, держа курс на восток, в 5 ч. 10 м. пролетела над Киевом. Последствий опрыскивания еще нет. В случае налета, граждане принимают меры, указанные в обязательном постановлении № 00912457.

Запомните автоматы: №№ 317-42, 317-43 и 968! Вызывайте инструкторов радиоавиахима!»

Где-то далеко, точно земля кашлянула, рывкнул выстрел. Через несколько секунд сквозь шум улиц снова донесся далекий удар.

— Зенитная? — спросил Семен.

— Угу...

Улицы опустели. Где-то нарастало — сначала тихо, потом все сильнее и сильнее — резкое, настойчивое гудение моторов.

— Ага? Общественные вентиляторы... Чудесно! Ну, и герой же этот Галайда, настоящий герой!

Ветерок вырós вдруг в бешеный вихрь и завертел, вздымая столбы пыли. Обломки, вывески, шляпы плясали на тротуарах и в воздухе... Все это мчалось куда-то за угол. Мгновенно улицу оголило, точно ее только-что вымыли. Вцепившись друг в друга, Семен и Антон напрягли все силы, чтобы устоять на ногах. С трудом натянули они на лица карманные респираторы.

— Ну, а сейчас домой. За работу!

Тупо и монотонно грохотали пушки.

Высоко в небе злобно ревели аэропланнные моторы. На земле им вторили гром и гул общественных вентиляторов и центробежных насосов, установленных в узлах канализации.

III. «ДИКИЙ 1»

Антон Дикий, как говорили его друзья, «был больной на голову». В этом виноват был аэроплан. Антон решил, что современные конструкции устарели, и мечтал изобрести такую машину, которая разрешила бы все проблемы авиации.

— Почему винт должен быть впереди или сзади? Зачем воздушные экипажи строят по типу земных? Голова, хвост... Ведь при такой конструкции для равновесия нужен жироскоп, а для жироскопа нужен новый мотор... Пропеллер должен быть и жироскопом. Для этого он должен помещаться под машиной. Остальное — мелочи, детали. Старые системы вертолетов нужно использовать на современной технической базе. Тогда машина будет подниматься и опускаться вертикально, в воздухе не будет испытывать качки...

Антон начал проводить свои мысли в жизнь. На фабрике стали собирать деньги для покупки мотора и постройки по чертежам Антона легкой планерной конструкции.

После коррективов изобретателя, планер превратился в предмет странной формы; нечто без головы, без хвоста, подобное кубу на кубе. Кабина летчика была на крыше; вместо колес, аппарат опирался на двухсаженную треногу. Пропеллер предполагалось поместить между ногами машины.

Как товарищи ни старались, больше чем на старый автомобильный мотор 8-ми сил собрать не могли. И с этим «импотентным хламом», как окрестил Антон свой мотор, сделать

ничего не удалось. Антон обливался потом; сопел, пыхтел, а мотор упорно не хотел работать.

Однажды, когда после новой капитальной сборки мотор побормотал, и, как всегда, смолк, Антон решительно плюнул, выругался и дал слово никогда с ним больше не связываться.

Две недели после того Антон ходил как помешанный. Но он должен доказать! Он докажет! Вскоре работа кипела снова.

На этот раз Антон строил машину «Дикий I» на совершенно новых принципах. Чертежи и рисунки изображали толстую сигару, укрепленную на высокой треноге. Центр машины был окружен непропорционально большим диском, вооруженным небольшими зачерпывающими лопастями.

Неприятельский аппарат упал в районе парка.

Но как мизерны были его средства по сравнению с планами! Вместо дюралюминия на постройку кабины пришлось употребить фанеру да скрепить ее простым шинным железом. Мрачно выглядела эта продукция человеческого упрямства.

Чем дальше, тем труднее становилось работать и тем упорнее становился Антон; свои напряженные мозг и мышцы он противопоставил материальным затруднениям. В помощники он

пригласил своего лучшего друга и сокурсника Семена Довбню. Вдвоем они перечеркивали, перерассчитывали части, детали. Сотни раз они переделывали и улучшали кабину.

Непреодолимым препятствием встала проблема мотора и диска. Мотор не менее 400 сил, диск из легкого, крепкого малонагревающегося металла. Собрать машину—доже дело не легкое. На все это нужны деньги. У них же весь капитал был исчерпан, а резервный не превышал 3 р. 40 к.

Бюро изобретений, куда обращались друзья, отказалось признать за Антоном права изобретателя до окончания работ и опыта с машиной. Это окончательно обезоружило друзей. На государственную помощь, таким образом, надежды больше не было. «Финансовые затруднения», казалось, готовы были погубить одно из гениальнейших изобретений XX века. Но тут на помощь друзьям совсем неожиданно пришел штаб воздушных сил республики.

Начальник воздушных сил т. Ройге — один из самых популярных командиров в Союзе, кавалер трех орденов Красного знамени, был известен всему миру своим беспримерным перелетом над обоими полюсами без посадки. Он серьезно и внимательно отнесся к проекту Антона. Ознакомившись с рисунками и таблицами, он пришел к выводу, что аппарат нужно строить. С этого момента дело Антона, как он сам говорил, было «на мази». На государственных заводах отливали и обтачивали части. Специальная бригада надежных монтеров была откомандирована в распоряжение Антона.

В момент, когда неприятельские аэропланы нарушили мир, машина Антона была уже готова. Оставалось только отделать кабину и установить мотор. Это было вопросов нескольких дней работы. Из сферы абстрактных научных проблем работа Антона вошла в жизнь, и новая волна творческого энтузиазма подхватила

друзей. Они спешили закончить работу, чтобы усилить средства обороны Союза.

Возле высокого амбара, который был одновременно и амбаром, и мастерской, и лабораторией Ани она, размеренно ходил часовой. Лицо его было скрыто резиновым противогазом. Едва друзья подошли к амбару, он грозно вскинул ружье; вся его поза говорила:

— Не подходи!

Напрасно пытался Антон объяснить, что в амбаре его собственная модель, что никто не имеет права запретить ему пройти в амбар. Часовой, выставленный в его отсутствии, был неумолим.

Белая маска, грозный блеск остро оточенного штыка... Ничего не поделаешь. Пришлось идти домой.

В своей комнате Антон надавил кнопку маленького фонографа, который помещался на столе, рупор к рупору с громкоговорителем, и фонограф начал докладывать:

«Наша артиллерия сбила неприятельский аппарат в районе Коммунального парка.

Над разбитой машиной поднялось газовое облако.

Ветер — юго-восток. Жителям района Журавлевки, Выселок и Поповки принять меры «чрезвычайной газовой обороны». Пожарной команде № 4 остановить облако химической завесой. Действие всасывающих центробежных насосов городской канализации временно приостанавливается».

«Изолируйте пищу и воду. Чаще вспыскивайте нейтрализующим раствором газонепроницаемые шторы. Не

*Часовой был
неумолим.*

останавливайте вентиляторов. Закрывайте холостые трубы и поддувала. Держите наготове баллоны с кислородом» ...

Две-три минуты после этого сообщения фонограф хрипел, фыркал, точно откашливался, потом из рупора снова понеслись раздельные звуки:

«Эскадрилья неприятельских машин повернула на запад. Ее преследуют наши летчики. Улица очищена от яда.

Через 15 минут можно будет выйти на улицу. Во время налета неизвестного состава погибло двое граждан от яда.

Спасти их не удалось. На лечении находится 17 тяжело отравленных.

73-м гражданам помощь оказана на дому» ...

— Двадцатый век, — пробормотал Антон А все-таки прогнали... Это им не Африка.

Валик фонографа продолжал вертеться, и из рупора неслись слова:

«Слушайте извещения! Товарища Дикого в 14 часов ждут в штабе воздушных сил... В 18 часов в доме ученых чрезвычайное собрание для выработки обращения к ученым Запада. Сегодня в клубе имени III Интернационала» ...

Но тут заревел громкоговоритель и заглушил фонограф. Слова, вылетавшие из обоих рупоров, переплетались, и комната наполнилась диким шумом. Антон остановил фонограф; из рупора радиоговорителя послышалось:

«Действующая армия. Сводка № 1. На границе Шепетовского округа наши части остановили танковые отряды противника. Попытка сбить заслоны не удалась. У наших заграждений лежит семь подбитых машин. Команда взята в плен. Солдаты принадлежат к армии фашистского объединения «Лига защиты мировой культуры».

«Совет труда и обороны приказал промышленности продолжать нормально работу, применяя все директивы приказа об обороне Союза. Незаменимые специалисты, рабочие квалификация, помеченных пунктами приказа от 1930 года «ЖМК», мобилизации не подлежат.

«Конкурс на наиболее простой и рациональный проект газовой обороны села закончен. Первую премию получил неизвестный за проект, с девизом «Ипсилон», не явившийся за получением премий. Вне зависимости от конкурса, проекты можно подавать и в дальнейшем в комиссию гражданской обороны СТО».

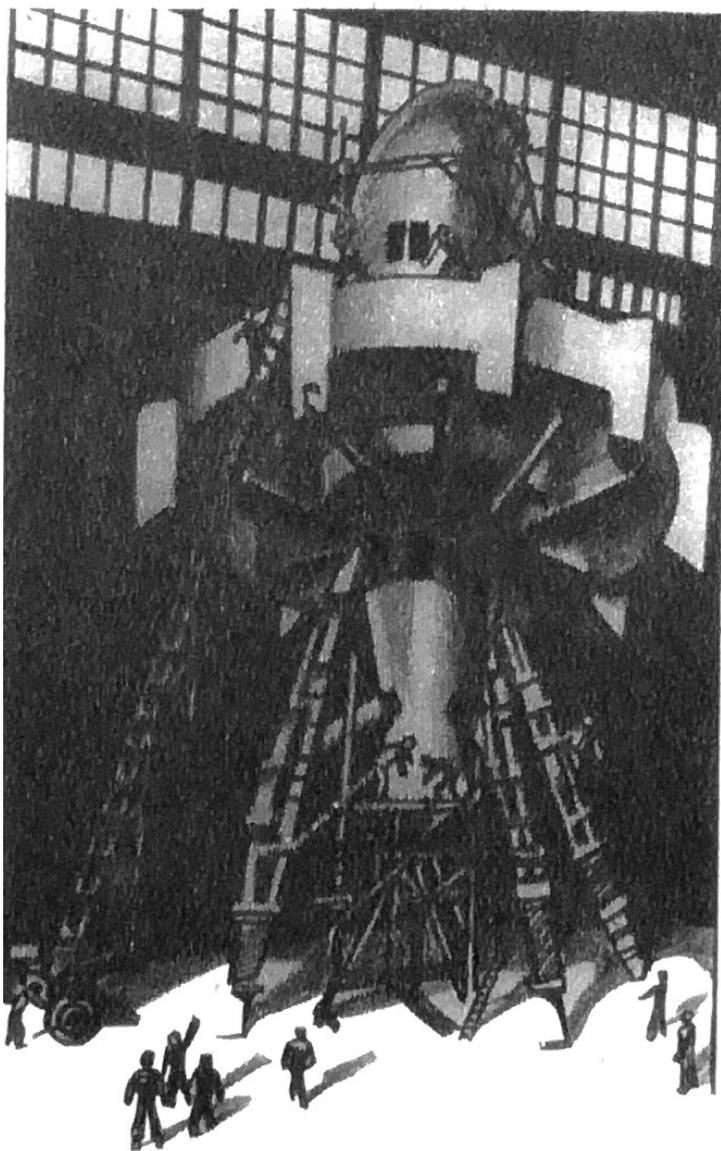
Радиопередача работала без перерыва. Антон послушал еще немного, потом глянул на часы —13.40! —Пора к Ройге. Он снова завел фонограф, сменил валик, разбудил уснувшего было Семена и вместе с ним пошел в штаб.

IV ПЕРЕД ПОЛЕТОМ «ДИКОГО I»

Спокойно и коротко Ройге заявил: — Все части машины готовы- Первую модель перевозит из ангара на авиазавод, чтобы впоследствии передать Военно-историческому музею. Бригада монтеров приступает к сборке под наблюдением Антона. Пробный полет — через три дня. В случае удачи Антон получает диплом военного летчика, аппарату присваивается название «Дикий 1», Антон назначается заведующим производством новых аппаратов.

О большем друзья и не мечтали. Они радостно поспешили согласиться; пожали руку товарищу Ройге и помчались к своему ангару.

Через полчаса, замаскированную машину перевезли на авиазавод, а в сборном цехе начали собирать и пригонять части. С

... Начали собирать и пригонять части.

глазами, полными огня, с лицом, выпачканным маслом, Антон бегал вокруг своей машины. Семен энергично помогая ему и орудовал гаечным ключом.

На площадке подкатили небольшой 12-цилиндровый мотор «Украина»; подъемный кран дернул его вверх и опустил в раскрытую верхнюю часть кабины. Тотчас застучали ключи, завертелись на болтах гайки; двенадцать монтеров-коммунистов работали внутри машины, двое прилаживали спустившийся откуда-то из-под потолка огромный сверкающий диск. Антон с Семеном лично занялись укреплением конусов — вверху и внизу аппарата, — одетых, как шапки, на тело кабины. От этих конусов по диагоналям опускались стальные прутья, поддерживающие диск снизу и сверху. Диск этот был уже укреплен в роликовом гнезде перпендикулярно вертикальной оси кабины. Достаточно было Антону слегка толкнуть один из прутьев, чтобы вся система легко, плавно и бесшумно завертелась вокруг сигарообразной кабины. Через час, когда машину подняли на треножник, пришлось раскрыть двухстворчатую крышу ангара. Машина высоко подымалась над нею, напоминая собой древнюю боевую башню.

По ступенькам одной из ног машины Антон взобрался в машинное отделение. По рукавам и трубам побежала в баки нефть, потекло масло, и зафыркала в баллонах вода.

Когда зарядка мотора была окончена, Антон повернул рычаг и дал первую искру. В чреве машины послышался рокот. Аппарат задрожал. Антон крикнул в рупор:

— Берегись!

Монтеры и рабочие кинулись во все стороны. Поворотом рычага Антон включил ходовой механизм. В помещении ураганно загудело, задрожали легкие стены, зазвенели стекла... Огромный

диск, опоясывавший машину, мгновенно исчез. На том месте, где он только что висел, вспыхнули золотые лучи.

А забытый кем-то молоток плясал под потолком какую-то нелепую пляску, его старался догнать Антонов пиджак с порванной подкладкой. Людей крепко прижало к стенам. Никто не мог двинуться. Антон увлекся и все добавлял газ. Приближалась катастрофа. Еще несколько минут—и, пожалуй, люди вместе со стенами ангара улетят в поле. К счастью, Семену удалось нащупать в своем кармане радиопередатчик — подарок Антона. Он семь раз нажал кнопку репетира, — сигналы тревоги. Антон почувствовал в своем кармане семь условных ударов и немедленно остановил мотор. Перепаханная салом голова его показалась в окне кабины.

— Ты чуть не поубивал нас, чёрт! — зло крикнул Семен. К его ногам гулко упал молоток, а вслед за ним плавно опустился ему на голову Антонов пиджак.

Стоя на балкончике кабины, Антон хохотал и выкрикивал:

— Тут, брат, не только она полетит, тут и ангар полетит, все полетит...

К машине сбегались монтеры, рабочие, красноармейцы. Они махали руками и кричали:

— Поздравляем, поздравляем. Вот машина, так машина! Всем машинам — машина!

Антон больше не сомневался в успехе своего дела. Семен же, наоборот, все больше волновался. Диск действительно вращается легко и плавно. Сила, развиваемая вращением, огромна, но всего этого ведь мало. А вдруг зачерпывающие лопасти не смогут концентрировать воздушный поток! Тогда вся сложная система превратится в большой вентилятор — не больше.

Последние два дня друзья приводили в порядок кабину, машинное отделение, проверяли действие сложных приборов и обдумывали, как лучше вооружить аппарат для военных целей.

Ройте ничем их не ограничивал. Все, о чем мечтал, о чем мог мечтать Антон, было осуществлено. Холодильники протянули опирали труб по всем помещениям, гарантируя нормальную температуру. Они же охлаждали отработанные газы и масло, которые в свою очередь охлаждали диск и гнездо, в котором он вращался. Таким же способом охлаждались и конуса. Все три этажа кабины пронизывала вертикальная труба; с помощью нехитрого приспособления в виде блока изнутри кабины в трубу подавались газовые бомбы, для которых был отведен нижний этаж кабины. Не забыл Антон и мелочей: кухня работала отработанным газом, радиоаппараты работали от трансформатора центрального мотора; читальня, фотокамера, прожекторы, уборная... — все было на своем месте.

V ПОЛЕТ

23 мая радиогазета известила: «Сегодня в 11 часов состоится пробный полет нового аппарата «Дикий 1». Вход на военный аэродром по пригласительным билетам».

Экран и радиогазеты показывали фотографию юного изобретателя. Но пресса и научная критика пока еще об изобретении не высказывались, так как никто не знал, в чем суть изобретения.

В 11 часов утра военный аэродром был полон народа около ангара под брезентом стояла машина. Из-под брезента виднелся гигантский треножник; неясные контуры не позволяли определить форму аппарата. Часовые не пускали близко к машине. Около нее

стоял, одетый в кожаную одежду военного летчика, Антон Дикий. Он разговаривал с начальником воздушных сил тов. Ройге. Семен Довбня показался только один раз. Потом он поднялся по одной из ног и скрылся под брезентом.

Множество объективов было направлено на группу у аппарата. Репортеры радиогазет с помощью карманных передатчиков каждую минуту посылали своим редакциям сообщения.

Молодежь толпилась у загоронок, стараясь протиснуться поближе. Слышались возгласы:

— Где он? Да вон! Дикий? Инженер? Рабфаковец! Какой же он молодой, совсем мальчишка!

Вскоре на дороге зафыркали автомобили членов правительства и ЦК. Машины подкатили прямо по полю. Ройге отреккомендовал Антона.

По знаку командующего сорвали брезент. Все увидели сигару, взятую в пояс огромным блестящим диском, покоящуюся на трех длинных коленчатых ногах.

Члены правительства вошли в кабину. За ними не замедлили полезть и репортеры. Гости все рассматривали, всему удивлялись, все хвалили... Репортеры щелкали фотоаппаратами.

Представитель радиогазеты умудрился навести свой фотопередатчик на группу, во главе с Антоном Диким и старым вождем, разглядывавшую устройство машинного отделения, и тотчас эта группа появилась на 732 экранах дневной радиокино-фото выставки.

Когда гости покинули аппарат, Ройге и Антон вышли на балкончик верхнего этажа. Из-за них выглядывала голова Семена. Над балконом взвился красный флаг. Загрохотал мотор.

Ройге опустился по ноге машины и отошел в сторону. В бешеном вращении исчез диск. Над полем пронесся громкий крик

многотысячной толпы. Звуки марша многих оркестров сопровождали то повышающемуся, то понижающемуся реву мотора. Председатель ВЦИК'а дал знак.

В окне показалась рука, машущая красным флагом.

Машина, как гигантский журавль, дернулась, прыгнула в воздух и мгновенно превратилась в далекую, далекую, еле видную в чистоте неба точку.

Крики радости и восторга разносились над площадью. Звуки оркестров потонули в этих криках. В небо полетели тысячи фуражек, шляп...

— Слава! Слава! Да здравствует Антон Дикий! Да здравствует непобедимый комсомол! (Антон Дикий только недавно был передан комсомолом в партию).

А маленькое пятнышко все уменьшалось, уменьшалось и скоро исчезло из глаз: машина неслась на восток.

VI ОПЯТЬ НА ЗЕМЛЕ

Антон даже подпрыгнул от радости.

— Двести сорок! — кричал он.

— Наддай еще! — кричал Семен.

— Двести - семьдесят две! — кричал Антон. (У них на лицах были телемаски, позволявшие сноситься даже в диком шуме мотора и вращающегося диска).

Несмотря на то, что передача усиливала их голоса в 14 раз, им все же трудно было понять друг друга.

Внизу уже не видно было отдельных построек. Канва с рядом неясных узоров обозначала только что покинутый город. Огромный лес, что чернел на восток от города, казался маленьким гладеньким ковриком. Дороги напоминали натянутые струны. Все

линии выглядели геометрически правильными; скоро друзья перестали различать их, и земля на их глазах превратилась в огромную бурю маску, изрытую оспой, покрытую волдырями и ссадинами.

Диск бешено вращался. Но с той огромной высоты, на которой находились наши летчики, перед лицом огромной земли полет был еле заметен.

— Где мы, Антон? — опросил Семен.

— Сейчас будет Ростов.

— Что? Шестьсот километров?

— Это, брат, ерунда! — радостно закричал Антон. — Мы летим шестьсот тридцать в час, и это не предельная скорость.

— Повернем, — сказал Довбня.

— Отлично. Только раньше попробуем высоту.

Земля покрылась туманом и исчезла. Далеко внизу простирались серебристые облака, вокруг машины носились клочья туч. Стало трудно дышать.

— Сколько? — прохрипел Довбня.

— Одиннадцать тысяч метров!

Внизу опять показалась земля. Теперь она чернела огромным полушарием с котловиной посредине. По всем направлениям, окружая и обволакивая ее, клубились сверкающие облака.

Друзья задыхались. Не было сил говорить. Семен показал рукою вниз. Антон взял в зубы конец стеклянной трубки и протянул другую Семену, затем открыл краник кислородного баллона.

С огромным напряжением машина рвалась вверх. Но это уже не было ровным и плавным движением. Аппарат каждую минуту обрывался, скользил, чтобы через секунду снова вбираться вверх, скользя, как муха на стекле.

Наконец, мотор отказался подымать машину. Как бешено ни вращался диск, она только подпрыгивала на месте.

Земли уже не было. Только далекие вихри туч показывали то место, где она неслась в пространстве.

Антон повернул рычаг. Движение диска стало замедляться. Через две минуты он совсем остановился. Плавно покачиваясь, машина спускалась по вертикали. Антон повернул рычаг на доске, — диск превратился в крылья; они поднялись над машиной, и спуск превратился в простое падение.

Подымались и приближались линии горизонта. Вскоре под машиной выросли крохотные квадраты построек. Антон поставил рычаг на место; крылья опустились, диск завертелся, и машина помчалась к аэродрому.

VII

«ЛИГА ЗАЩИТЫ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

В то время, когда Антон Дикий и Семен Довбня, под радостный гул толпы и ликование оркестров, спускались на харьковский военный аэродром, в одном из особняков берлинской Унтер ден Линден состоялось собрание совета местного отдела «Лиги защиты мировой культуры».

В большом зале, за длинным столам, покрытым черным бархатным покрывалом, сидели одетые в черное люди. Черные стены, черный потолок, черные сюртуки... На этом фоне лица кажутся зелеными, глаза становятся глубокими и пронизывающими. И если долго смотреть в эти лица, они начинают казаться расплывшимися масками утопленников. Все приглушено, зловеще-таинственно...

«Лига защиты мировой культуры»

меньше приспособлена к борьбе с нами деревня. По этому поводу прошу определенных инструкций».

«Сегодня на харьковском аэродроме состоялась проба нового летательного аппарата типа «Дикий I». По непроверенным сведениям, он достиг высоты 19,5 километра. Быстрота достигает будто бы 700 километров в час. По своей конструкции он совершенно отличается от летательных машин современных типов. Я принял меры к получению чертежей»:

— Итак, господа, мы можем начинать... Кажется, все налицо.

— Грюнфельде нет, — сказал кто-то в другом конце стола.

— Позвольте собрание Берлинского совета лиги считать открытым. Раньше, чем начать обсуждение вопросов, позвольте сообщить последние шифрованные радиogramмы, содержание которых сразу введет вас в курс дела.

От нашего московского резидента: «Из сообщений видно, что нападение объединённой эскадрильи не нанесло больших потерь и убытков. Города готовы к дальнейшей обороне. Гораздо

Теперь, уважаемые господа, маленькая телеграмма международного бюро. Подтверждается основное постановление о методах борьбы. Особенно настаивают на линии сохранения крестьянских симпатий. Таким образом, вопрос, затронутый нашим московским резидентом, отпадает. Методы остаются прежние: разрушение городов, пропаганда на селе. Этим мы не только нейтрализуем село, но и добьемся восстания против советской власти. Несмотря на то, что в сообщении московского резидента о признаках недовольства ничего не сказано, мы все же имеем данные, что украинское крестьянство готовится к восстанию.

Еще предлагаю заслушать информацию итальянского бюро по вопросу о пересмотре германских границ.

Гм... Гм... Донесение польского резидента... «Настроение рабочих резко переменилось. И, представьте себе, этот старый паралитик — президент то ли играет в Наполеона, то ли недоволен разрешением немецкой проблемы, а может быть, боится своих рабочих, но, как передают надежные осведомители, готов нарушить нейтралитет в пользу СССР. Очевидно, последнее предложение французского правительства о превращении Польши в базу для наступления международной армии стало известно старому идиоту раньше времени».

Итак, предлагаю перейти к основному вопросу повестки — о мерах помощи нашей объединённой армии.

— Позвольте к порядку, — поднялся представитель Баварии.

— Пожалуйста!

— Я полагаю, что польский вопрос следует обсудить немедленно. Потому что от решения этого вопроса зависит и решение основного вопроса о помощи наступающей армии.

В зале раздался гул голосов. Кто-то откашлялся.

— Господа, возражений нет? — спросил председатель. — Итак, принято. О положении на фронте — докладчик доктор Мерк, о внутреннем положении Советского союза — господин Наймарк и об отношении Польши к войне — господин Карл Шмидт.

— Господа, — начал доктор Мерк, — вчера только я вернулся из полета вдоль фронта. Должен признать, что практика не оправдала наших расчетов. Могучие быстроходные танки больше двигаться не могут. То, что красные сделали на границе Шепетовского округа, напоминает сказочную работу циклопов. Целые пласты земли перевернуты так, точно там было землетрясение. Танки

встречают непреодолимые горы, поднимающиеся вертикально на сотни метров. Дорогу к этим, самим по себе непреодолимым, препятствиям прикрывают глубокие искусственные озера. Сотни батарей, электрические фугасы, стальные заграждения и миллионная армия решительных, развитых, хорошо вооруженных бойцов. Воздушные атаки тыла не дали желанного эффекта. На фронте их и подавно не боятся...

Докладчик—доктор Мерк.

Красные отлично подготовлены к борьбе с нашими эскадрильями, прекрасно умеют ликвидировать яды. Ясно поэтому, что надеяться на быстрый разгром большевиков с помощью одной техники нельзя.

— Нужно бросить армию на армию!

— Но можем ли мы заставить союзные правительства дать нам потребную живую силу?! Конечно, можем. А сможем ли мы заставить эту живую силу драться с красными? На этот вопрос, я думаю, никто не даст положительного ответа. Все, вероятно, помнят те, мягко выражаясь, препятствия, которые возникли во время дебатов о войне в прошлом году. К тому же все знают, чего стоила нам кампания текущего года. Если бы не помощь американских синдикатов, пожалуй, нам не пришлось бы выступить на защиту мировой культуры.

Сказавши это, оратор поднял глаза к небу, глубоко вздохнул и скрестил на животе руки. Затем он продолжал тем же ровным, сладковато масляным голосом: — Если мы имеем относительную возможность бороться за уничтожение опоры азиатчины — СССР, то только потому, что не требуем от культурного населения Европы и Америки ни материальной, ни физической поддержки. Ни одного пролетария в рядах соединенной армии нет! Надежда на помощь советских селян, которые в кабале Советского союза вынуждены насильственно коллективизироваться, тоже не оправдалась. Наоборот, селяне идут в Красную армию, снабжают ее лошадьми, продовольствием и проч. Больше того, очевидно, под влиянием войны, за последнюю неделю на Украине организовано 7.129 новых коллективных хозяйств. Наше решение — не дразнить села, действовать на него не газами, а пропагандой, чтобы помочь освободиться от большевистского ига, — оказалось детским подражанием красным и является огромной тактической ошибкой. Вместо того чтобы уничтожить село, подорвав этим в

корне боеспособность красных, мы пощадили его. И если естественный союзник — советское крестьянство — изменил нам, значит, нужно искать другого, более надежного союзника. К нашим услугам наука! Этот союзник надежней дикого крестьянства. Наука знает способы уничтожения, против которых физическая сила — нуль. Нам нужно уничтожить большевизм и всех его носителей, даже не непосредственных. Раз наши танки, газы и яды этого не сделали, значит, нужно найти что-нибудь другое...

— Конкретно! Ваше предложение? — послышалось кругом.

Доктор Мерк откашлялся и торжественно посмотрел на собравшихся.

— Я предлагаю, — сказал он, процеживая слова, — привить стране советов чуму, коллективную чуму. Они ведь так любят коллективизм.

— Вы кончили? — мягко спросил председатель.

— Кончил, благодарю вас.

— Господа, будем сейчас обсуждать предложение уважаемого д-ра Мерка или потом, после других докладов?

— Сейчас, сейчас!

— Кто просил слова? Вы? Пожалуйста! Слово имеет господин Людвиг Форейн, представитель саксонской организации.

— На мой взгляд, — начал Людвиг Форейн, — проект д-ра Мерка страдает существенными дефектами. СССР не на острове. Изолировать его нет физической возможности. И, естественно, если в СССР вспыхнет чума, то и мы погибнем от нее.

Все возражения против проекта доктора Мерка были приблизительно в этом же роде. Никто из присутствующих не пытался подойти к вопросу по-человечески, никого не беспокоила участь десятков миллионов детей и женщин.

Доктор Мерк взял слово вторично, после всех, и успокоил собрание следующим заявлением:

— Медицина, — сказал он, — обладает новым великим оружием. Мы располагаем вакциной, которая совершенно гарантирует от заражения чумой. Но об этом я сделаю специальный доклад медицинской комиссии. Скажу только, что с помощью этой вакцины мы не только уничтожим красную заразу в СССР, но и тут, у нас, избавимся от ненужных элементов: от промышленного балласта, беспокойных рабочих, коммунистов и т. п. Короче, мы можем произвести чистку населения земного шара! Ибо рецепт и формулы вакцины знаем только мы. Итак, отныне «отбор» по Дарвину будем делать мы сами, а не «природные случайности».

Сообщение доктора Мерка было настолько важно, что все остальные вопросы, даже вопрос о неожиданно натянувшей узду Польше, отодвинулись на задний план.

VIII Профессор Ипсилон.

Антон Дикий возился в своей лаборатории, работая над усовершенствованием микроскопического двустороннего радиоаппарата. Его задачей было создать аппарат, с помощью которого можно было бы «секретно» принимать Запад. Стараясь не только уменьшить теперешние модели, но и увеличить их силу, он занят был опытами с короткими волнами при аккумуляторах высокого напряжения. Антенною новому аппарату служила левая рука Антона, с проводом под одеждой. Достаточно было положить аппарат в жилетный карман, поднять Руку и включить механизм, чтобы аппарат начал работать.

Он поднес ко рту свои золотые часы, приподнял крышку, служившую мембраной, поднял левую руку и, нажимая кнопку часов правой рукой, произнес:

— Алло, Сенька, слышишь?

— Слышу, — донеслось из крышки.

— Хорошо слышно?

— Прекрасно!

Так начался разговор, который вскоре перебил дежурный курсант. Войдя, он доложил:

— Товарищ командир, вас спрашивает какой-то чужак. Говорит — только лично. Спрашивал имя, говорит — профессор Ипсилон, а на профессора не похож.

Занятый работою, Антон частенько забывал, что уже нет Антона Дикого — рабфаковца, а есть военный летчик, командир строительства аппаратов типа «Дикий», Антон Александрович. Поэтому и сейчас в первую минуту он даже не сообразил, что франтоватый курсант обращается именно к нему и что «товарищ командир» — это он, вчерашний голодный рабфаковец.

— Просите.

Не успел Антон произнести этого слова, как быстро открылась дверь, и в комнату влетел среднего роста, слегка сгорбленный человек в больших синих очках. Его голову покрывали редкие седые волосы, торчавшие во все стороны. Казалось, что тонкий острый нос вертится во все стороны, а длинные оттопыренные уши хлопают, как у зайца. В новом сером костюме, он казался неопрятно одетым. Нервно покашливая, мотая головой, руками, шурясь, он начал:

— Добрый день! Вы меня не знаете? Профессор Ипсилон.

Антон недоуменно пожал холодную скользкую руку.

— Я украл вашу короткую волну в два с половиною метра. Красота, молодой человек! Красота! В короткой волне все дело.

Антон растерялся, а странный гость продолжал:

— Я видел, как вы летали. Хвалю. Первое условие гениальности — отказ от шаблона. Багаж — багажом, а голова — головой. Хвалю! — и он еще раз пожал Антону руку.

Неловкость прошла. «Несмотря на непрезентабельность гостя, Антон почувствовал что-то похожее на симпатию к нему. Казалось, они давно знакомы; что-то родное и теплое было в хлопотливом, напряженном лице Ипсилона.

— Очень приятно, садитесь, пожалуйста!

— Я давно вас искал, — продолжал Ипсилон, — не так вас, как вашу голову. Собственно, даже не голову, а мозг — аккумулятор. Понимаете? Такую нешаблонную голову, как ваша. Всю свою жизнь я посвятил изучению электрических волн. Я, знаете, пришел к мысли, что электричество — основа всякого движения. Его тончайший элемент. Это постоянное напряженное движение превращается на одном полюсе в невидимую энергию, по своей организации близкую к мыслительной, на другом — противоположном — в обычную материю, какую

*Профессор
Ипсилон.*

мы видим и чувствуем. Я думаю, что электричество не только начало движения, но и начало материи. Вы меня понимаете?

Антон только удивленно смотрел на странного гостя, который, чем дальше, тем больше ему нравился.

— Это, — указал Ипсилон на лежавшие на столе радиочасы, — только игрушка, паллиатив. Человек — наилучший передатчик, наилучший приемник. Рост — антенна, мозг — аккумулятор. Вы меня понимаете? Рот — громкоговоритель, организм — исполнитель. Вы меня понимаете?

Не ожидая ответа, Ипсилон продолжал:

— Все дело в том, что люди еще не научились принимать радиомозговолн. Ясно? Мы ходим в тумане людских переживаний и мыслей. Эти мысли и переживания людей ритмически движутся волнами разной длины сквозь нас и вокруг нас. А мы этих волн не можем поймать. Только случайно бывает нечто подобное схватыванию чужих мыслей, и тогда говорят: «телепатия». Ерунда, вот что я вам скажу! А почему? Очень просто! Что говорят лучшие невропатологи, гипнотизеры и другие? Они говорят: — Напрягите свое внимание и направьте его на объект. А что такое этот объект? В этом-то и ошибка. **Объект — не человек с его внешними признаками, а мозг человека, с его внутренней работой.** Это и есть объект, или, по-нашему, приемник. Чтобы до него дошла наша передача, нужно звать этот мозг, нужно уметь настроить два мозга на одинаковую волну. Поэтому профаны говорят про родственность душ и прочую ерунду. Эта родственность есть не больше, как способность однотонной настройки. Вся беда в том, что человек — наиболее капризное из созданий. Одинаковые мысли у него идут неодинаковыми волнами. Ясно? Незначительная смена оттенка, мысли, нюанса изменяет и напряжение мозга, а с ним — в длину и силу волн. Ясно? Вот сейчас я думал о миниатюрном радиоприемнике,

который своим действием походил бы на действие мозга, и принял ваши мысли об аппарате лилипуте-разведчице в стенах, часах, булавках и т. д. Мозгом принял и пришел. Ясно? Мне нужны ваши мозги.

Антон растерялся: либо перед ним гениальный шарлатан, либо гениальный изобретатель.

— Подождите, гражданин профессор, — сказал он смущенно. — Мои мозги мне самому нужны. Я думаю еще жить и работать.

Ипсилон залился высоким неприятным смехом.

— Ну и чудак же вы, ха-ха-ха!.. Никто на вашу жизнь не покушается. Речь идет только о том, чтобы изучить те волны, на каких работает ваш аккумулятор. Я уверен, что есть какая-то единица меры. Ясно? Основной элемент мысли, равный основной единице — иксу электрической энергии. От его комбинаций и зависит длина и напряжение волны. Но основная единица — едина!

— А почему не наоборот? — спросил Антон.

— Наоборот? Пожалуйста! Сделайте одолжение! Значит, по-вашему, единица электрической энергии вызывает, дает толчок соответствующей единице мышления? Не спорю. Это только подтверждает мои мысли. Для чего, по-вашему, я изучаю особенности мозга? Очень просто: если можно так сказать, влияние электричества на мозг я уже изучил. Теперь, наоборот, мне нужно изучить влияние мозга на электричество, вернее на свойства электрических волн. Ясно? Поймите, в конце-концов, что одно пропорционально другому. Если одни мысли вызывают определенные радиоволны, то и наоборот, вызванные этими мыслями радиоволны или возникшие в природе подобные им вызывают те же мысли, т.-е. наблюдается вечное взаимодействие. Каждый мозг имеет свою радиоформулу. И, скажу вам открыто, я

уверен, что тут разноголосица, как и во всей природе, кажущаяся. Если разбить мозг на характерные группы по мышлению и изучить их особенности, они дадут приблизительную картину всеобщего движения мыслительной энергии человечества, так сказать, картину единого всечеловеческого мозгового радиоаккумулятора. Тогда уже не трудно вывести и коллективную и индивидуальную формулы, а также найти основную электроединицу мышления.

Теперь Антон был уверен, что перед ним, во всяком случае, не мошенник. Но гость все больше походил на сумасшедшего. В самом деле! Эти движения, эти слова, такие странные, необычные... Антон много читал о телепатии и гипнозе, но так далеко не заходил ни один авторитет ни один фантаст.

И далее, если перед ним действительно профессор, а не сумасшедший самозванец, то почему при такой гигантской эрудиции его достижения неизвестны советской общественности? Ведь если его предположения правильны, то все понятия, все привычки — техника, наука, все полетит вверх ногами. Но тут Антон вспомнил свои недавние мытарства. Если бы не помощь тов. Ройге, то и о нем никто не знал бы, и «Дикий I» не летал бы назло скептикам...

— Вы принимаете меня за сумасшедшего? Вы не уверены в моих знаниях, — перебил его мысли странный профессор. — Однако вот вам доказательства. Сейчас, когда мы с вами заняты одинаковыми мыслями, наши мозги излучают одинаковую энергию, и я легко читаю ваши мысли. А вы попробуйте, напрягите свою волю, так сказать, настройте свой приемник, и я уверен, вы будете читать мои мысли, так, как я читаю ваши.

Антон подумал: «Это еще не фокус. Ничего особенного нет в том, что он догадывается о своем сумасшедшем виде» ...

Но не успел он оформить свою последнюю мысль, как Ипсилон сказал:

— Вот, начинается... Теперь вы думаете, что на моем месте каждый подумал бы, что его принимают за сумасшедшего... Я от вас ожидал большей оригинальности. А теперь вы думаете, что действительно ваш образ мыслей ничем не отличается от образа мыслей любого мещанина, поставленного в подобные же условия... Вот сейчас вы пытаетесь думать о любимой девушке, чтобы избежать моего передатчика. Но я отлично знаю из ваших же мыслей, что этой девушки на свете нет и что она — произведение вашей фантазии.

Так продолжалась эта игра в течение получаса. И как ни старался Антон вырваться из-под психологического контроля своего странного гостя, он не мог этого сделать. Он больше не мог сосредоточиться

— Ну, теперь кончено, — сказал Ипсилон. Ваш аккумулятор разряжен. Наступила моя очередь. Сейчас все станет ясно, и мы придем к соглашению.

Ипсилон начал внимательно глядеть в лицо Антона, а в глазах его вспыхивали, меркли и гасли огни. Они изменили выражение его лица.

«Это так смело, так гениально! — думал Антон. — Эта теория выше всего того, что знают современные наука и философия. Творец теории — перед ним. Простой, умный человек. Как он этого не замечал раньше! Ведь все это ясно и понятно. О, теперь, вдвоем с Ипсилоном, они разрешат ряд мировых проблем. Война станет невозможной. Но захочет ли этот профессор отдать свои могучие знания и опыт на борьбу за мир, за победу советской власти?!»

Антон не успел задуматься над этим, как Ипсилон протянул ему руку и сказал:

— Согласен!

IX НА ФРОНТЕ

Темная ночь. Луна освещает хаотически разбросанные глыбы, ее лучи скользят по мертвой поверхности озер, напоминающих гигантские стеклянные плиты. Ветерок приносит перекатный гул далеких взрывов, рокот звона, приглушенные шёпот, кашель, храп...

Глубоко под землю, в бетонных убежищах, на широких нарах спят красноармейцы. На поверхности размеренно ходят часовые и то и дело склоняются над небольшими рупорами, чтобы произнести сторожкое:

— Не спи!

И в ответ доносится издали:

— Обороняю революцию!

Люди отдыхают, точно они не на фронте, а у себя дома.

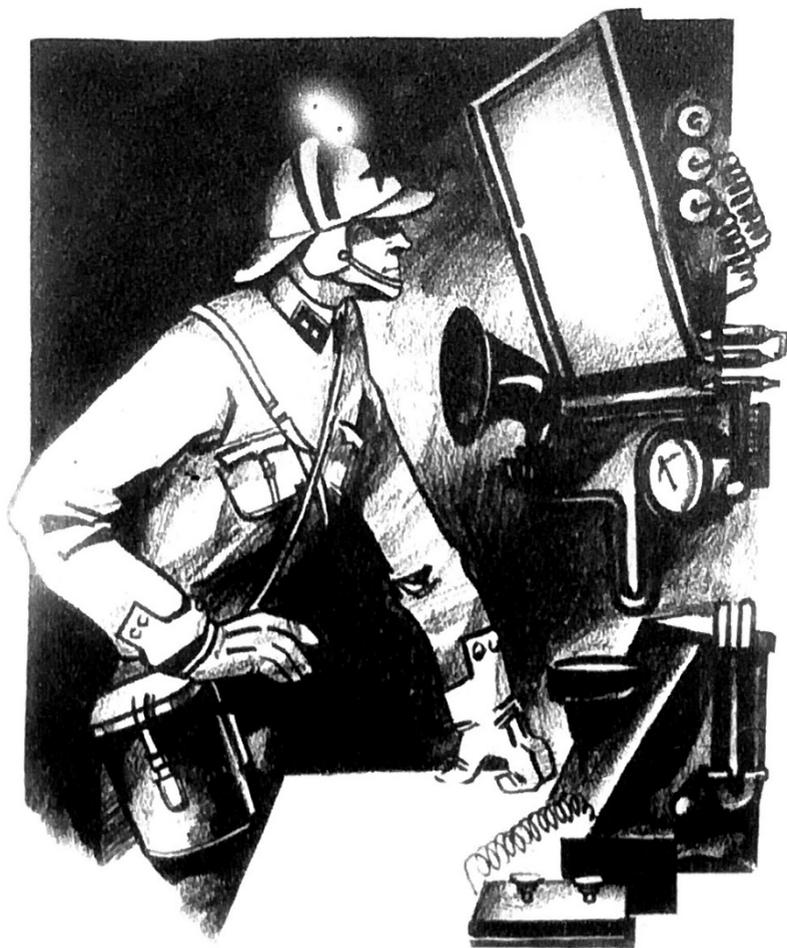
В небольшой комнате седьмого яруса подземных убежищ командир роты следит за картой участка. Ползет по небольшому экрану тьма; кое-где сереют пятна хилого света. Тогда на экране плывут фантастические контуры укреплений.

Командир часто поглядывает на аппарат, помещенный на столике у экрана: под стеклом—тонкая металлическая трубка, краник; а на нем лоскут розовой бумаги. Это — газометр. Если на поверхности появятся газы, цвет бумаги изменится.

Полыхнуло пламя. Комната озарилась розовым светом. Экран вспыхнул. Молния прожектора прорезала пейзаж от угла до угла. Замелькали диковинные силуэты, напоминающие гигантских черепах. Они появлялись и исчезали, пересекая огненную дорогу.

Могучий голос загремел:

— Готовьсь! Восемнадцатая атака танков началась!

...Командир роты следит за картой участка.

Этот предостерегающий рев прогремел во всех помещениях подземного убежища. Люди посрывались с нар. Трижды ударил

колокол. С последним ударом красноармейцы уже стояли стройными, напряженными колоннами, готовые к бою.

Командир роты все еще следит за экраном. Уже не видно танков, зато часто и ярко, точно вспышки магния, возникают сполохи разрывов.

Он не забывает поглядывать и на газометр. И вот он видит, что розовый клочок краснеет, синее и скоро становится подобен клочку радуги. Тогда командир произносит в микрофон:

— Над окопами комбинированные газы!

И в тот же миг во всех комнатах гремят рупоры:

— Над окопами комбинированные газы!

Красноармейцы открывают сумки, проверяют противогазы, резиновые костюмы. Доносится рокот сотен вентиляторов.

В огне, на экране, мечутся черные туши танков.

Во всех помещениях гремят рупоры:

— Зажжены нефтяные поля. Неприятельские танки отступают. Ждите приказа.

Молодой командир нажал на доске кнопку. Поле битвы начало спускаться, освобождая место багровому небосклону. Огненные тучи носились по небу и поглощали острые лучи прожекторов. Иногда меж ними, точно светляки, мелькали зловеще сверкающие крылья аэропланов. Вокруг них рвались снаряды.

В это время газочувствительная пластинка аппарата посерела и вскоре стала нормально розовой. По всем помещениям убежища загремело:

— Газы унесены нагретым над горящими нефтеполями воздухом. Плацдарм свободен!

Еще с минуту гремели вентиляторы, потом замолкли.

Командир снова нажал кнопку. Панорама неба начала подыматься, и появился клочок боевого участка.

Попрежнему мрачно багровели холмы, из ярко-красного пламя уже переходило в сиреневое, оранжевое.

Громкоговоритель оборвал наблюдения.

— Все наверх! — грянул он.

Точно наэлектризованный, командир вскочил и кинулся в общую комнату.

— Выполняйте свои обязанности! — набегу крикнул он, направляясь к лифту.

Каждый взвод кинулся к своему подъёмнику... Свисток! — Три площадки помчались вверх.

Красноармейцы слышали, как вздрагивает от взрывов земля. Сверху падал гул ударов.

Подъем кончился. По трое в ряд красноармейцы кинулись к бетонным лесенкам. Очутились в освещенном прожектором тоннеле. 200 метров! И тоннель переходит в глубокий коридор.

Пламя лижет землю, пылает небо, гремят пушки, ревут громкоговорители, цокочут пулеметы...

В это время, точно вихрь, какое-то сверкающее тело промчалось над окопами и скрылось на неприятельской стороне. Никто не успел разглядеть, что это было. За ним бешеной спиралью вращался клубок света, но и он мгновенно исчез.

Пока красноармейцы ломали себе голову над природой таинственного предмета, с неприятельской стороны долетел глухой гул взрыва. Сотрясение было настолько велико, что обвалилась часть хода сообщений; людей разбросало во все стороны.

— К выходному, в атаку!

Красноармейцы ускорили шаг.

Протяжно завывала неприятельская сирена. Наскоро перекидывали мосты, под которыми уже журчала нефть, нагнетаемая сильными моторными насосами.

Х ГАХАНИ

В ту же ночь известный в Хемнице астроном Лянче отметил падение громадного болида где-то на севере. А обсерватория в Лейпциге нанесла на карту новую комету, назвав ее «Лизбет», по имени жены и дочери

*Астроном Лянче
отметил падение
громадного болида.*

счастливого открывшего ее астронома.

Товарищ Гахани — индус (коммунист и философ) в это время отметил совсем другое.

— Пора, сказал он и вышел на аллею, прорезывавшую огромный парк в окрестностях Берлина, дача Гахани, как и другие соседние дачи, пряталась и

густом пожелтевшем лесу. Молодой индус, невысокий, но стройный, с сияющими глубокими, черными глазами, от которых все лицо светилось бодрой, радостной уверенностью, эластично двигался по аллее. В отличие от других пешеходов, он не размахивал руками, не болтал головой; Гахани скорее напоминал законченную в своем совершенстве механическую конструкцию, чем нервного и неуравновешенного человека XX века.

Под ногами шелестели листья, треща, лопались сучья. Он обернулся, взглянул на краснеющую в желтой листве черепичную крышу что-то пробормотал и направился в глубину аллеи.

Казалось, он ни о чем не думает, будто не замечает ничего вокруг, не интересуется ничем. Но если бы в эту минуту кто-нибудь заглянул в его карман, он стал бы свидетелем странных явлений. Тонкие красивые пальцы Гахани плясали на кнопках, окружавших царгу часов. Это напоминало танец слона на бутылках в миниатюре.

Иногда Гахани прижимал ко лбу рукоятку своей трости или почесывал ею нос, не переставая барабанить пальцами другой руки по кнопкам на часах.

Никто бы ни поверил, что этот спокойный и выдержанный человек выстукивает в кармане пляску энтузиазма и радости. Только так и можно назвать эту музыку счастья, что цвела под его пальцами.

— Дорогой Ипсилон, — передавал он, — мое сердце слушает тебя, мои мысли в твоем мозгу. Твой образ со мной. Я иду к тебе, любимый, родной старик.

На это Ипсилон спокойно отвечал, а палка передавала:

— Очень приятно, дитя мое, не наведи на наш след собак.

Аллея вытянулась в тропинку и побежала в поле.

Вдали выла собака. Унылую песнь пел в облысевших деревьях ветер. Ночь пришла в синем тумане.

Прямо против Гахани высилась группа деревьев. Пожалуй, лесничий Гроль, изучивший лес до последней былинки, никогда бы не поверил, что эти деревья только что появились на поляне. Они так гармонировали с окружающим пейзажем, что казалось, будто они здесь всегда были.

Гахани сошел с тропинки и прямо по сырому полю двинулся к деревьям. Когда он был в 20 шагах от ближнего ствола, раздался свист коростеля.

Он сложил руки рупором и дважды свистнул в ответ.

По стволу дерева скользнула веревка с небольшой доской на конце. Гахани стал на эту доску и ухватился за веревку. Раздалось чуть слышное гудение, и веревка быстро подняла его наверх. Через полминуты он находился в уютной кабине гостиной «Дикого I».

На мягком диване сидели Ипсилон и Дикий. Семен Довбня следил за маленьким экраном, на котором передвигались аллеи, вершины деревьев, дачи, заборы одинокие прохожие и даже собаки.

Друзья крепко пожимали друг другу руки. Ипсилон рекомендовал Гахани товарищам. Из его отрывистых рассказов Антон давно знал о Гахани, во всяком случае достаточно, чтобы радостно протянуть ему обе руки.

— Очень рад, очень.

— И я рад, — сверкнув зубами, сказал Гахани. — Мы с вами давно знакомы, только не видели друг друга до этой минуты.

Дикого поразил голос Гахани. Мягкий, глубокий и бархатисто-теплый, он сразу же проникал в сердце.

Антон рассказал новому другу подробности последнего боя: про удачный взрыв артиллерийских складов противника с помощью радиозажигателя, про опрыскивание мертвой зоны и т. д.

Гахани внимательно слушал Дикого, глаза его сверкали.

Через два часа, когда месяц скрылся за черными тучами, висевшими над лесом, чьи-то тени пересекли поляну между группой новых деревьев и лесом, а еще через 15 минут закрылась дверь дачи Гахани, пропустив хозяина, волочившего тяжелую корзину.

Семен Довбня вернулся в кабину «Дикого I» и сообщил, что без всяких приключений проводил Гахани до дачи.

Затем над сонным Берлином пронесся вихрь, а с поляны исчезла группа деревьев; над землей снова появился болид, метеор, — как больше нравилось тому или иному дежурному астроному.

«Дикий I» мощно устремился на восток. Ипсилон и Довбня крепко храпели в каюте. Антон вел машину.

XI ФОНИГОРА.

В центре Берлина, на площади Освобождения, открылся новый магазин восточных редкостей. Молодой индус — хозяин магазина — делал все, чтобы привлечь покупателей. Открытие магазина напоминало торжественное открытие больницы или школы. Многие влиятельные люди откликнулись на приглашение восточного купца.

На карточке с золотым обрезом было сказано, что индусский ученый Фонигора открывает свою торговлю с исключительной целью дать возможность европейским ученым ознакомиться и овладеть тайною восточной культуры. Далее сообщалось, что в день открытия будут продемонстрированы еще неизвестные Европе аппараты, объясняющие секреты факиров и йогов, и, кроме того, будет дан сеанс новейшей психомагии, основанной на

соединении последних достижений радиотехники с древними тайнами Индии.

Неудивительно поэтому, что среди гостей встречались люди с громкими именами. Были тут и представители товарищества «Друзей Индии», и влиятельные сотрудники министерства иностранных дел по восточному отделу, и члены товарищества «Связи с невидимым миром», и старые генералы в отставке, в свое время принимавшие участие в восточном походе... Вся берлинская и приезжая знать почтила своим присутствием открытие магазина.

Во всем этом торжестве самым удивительным было то, что никто из прибывших не считал приглашение лавочника дерзостью. Вельможа, встретившись на торжестве открытия коммерческого предприятия с вельможей, вместо удивления выказывал непосредственную радость, «недостойную высоких чинов, и положения».

Гости ходили из комнаты в комнату, с галереи на галерею, осматривали странные и красивые вещи с непонятным назначением, с формами, неуловимыми в своей нереальности. Внимание фатально рассеивалось. Они ни на чем не могли сосредоточить внимания. Ни один предмет не оставлял в памяти следов, и это создавало такое настроение, что высокие гости потеряли способность думать последовательно. Способность эта пропала вместе с способностью воспринимать формы окружающих предметов.

Странное чувство овладело каждым. Мысли приобрели необыкновенную легкость: они выплывали одна за другой, не задерживаясь в сознании, непонятные, точно сотканые из радужного тумана.

Низкими вибрирующими звуками гонга гостей пригласили в зал, обставленный и украшенный так, что ни одна вещь, ни один предмет не напоминали знакомой симметрии, привычных форм.

На высоких нотах поплыла приятная, совершенно непонятная мелодия. Эта музыка наполнила зал чем-то тяжелым, душистым, но приятным и неотступным.

Никто из гостей, расположившихся на шелковых коврах и подушках, не знал, откуда эти звуки, никто не видел музыкантов. Никто не понимал и не старался понять, почему все так странно вокруг. Почему все они не те, какими были час назад. И, наконец, никто не подумал, что в высшей степени странно быть в гостях и не видеть хозяина.

Все казалось таким простым и естественным и к тому же все чувствовали себя необычайно свободно и хорошо.

Потекла беседа, чувства заняли место рассудка: министры и генералы, точно дети, спешили блеснуть дешевым анекдотом, прихвастнуть пигмейским успехом. Гости жестикулировали, перебивали друг друга, говорили все одновременно и не замечали, что каждый говорит о своем и что никакой связи в этой беседе нет. В комнате плавал дым курений, пахло чем-то ароматным, но дурманящим...

А музыка ритмичными легкими волнами все глубже проникала в сознание и сковывала волю.

Откуда-то появились закуски, вина и опять — ни сервировка, ни блюда ничем не напоминали привычных форм цветов, запахов и вкусов. И странно: чего бы гость ни пожелал, не успевал он подумать об этом, как желание его исполнялось.

Зал стал широким, огромным; раздвинулись стены, улетел потолок... Полные красоты пейзажа Индии, чудные формой и архитектурой постройки, неведомые звери, прекрасные женщины — все это странным образом дико мелькало перед глазами забывшихся гостей.

...Утром каждый из них очнулся в своей постели, расслабленный, но довольный. Одеваясь, все старательно

вправляли в петлицы рубиновые розетки — подарок незнакомого купца на память о нелепом, прекрасном, как сон, вечере открытия.

XII ОРГАНИЗАЦИЯ БЕЗНОГИХ

Фрау Меклер встретила в очереди с изящной, но скромно одетой девушкой, назвавшей себя учительницей рукоделия Полиной Куртц. Времени было достаточно, и пока новые знакомые придвигались к двери хлебного магазина, фрау Меклер успела рассказать учительнице, что она жена инвалида империалистической бойни Рупрехта Меклера, получающего в компенсацию за обе ноги 12 марок в месяц, что муж ее научился плести корзины, но теперь, в виду отсутствия лозы, ничего не зарабатывает, и на ее, фрау Меклер, плечах муж и четверо детей.

Учительница была очень внимательно, все время мягко смотрела в ее глаза, не перебивала ее и только изредка сочувственно кивала, своей гордой головкой.

Фрау Меклер в молодости служила в хороших домах и поэтому была уверена, что вполне правильно определила в лице своей новой знакомой представительницу аристократического, но обедневшего рода. Радуюсь возможности поговорить с интеллигентным человеком, она дошла до того, что пригласила фрейлин Куртц к себе. Женщины с пакетиками в руках направились в недалекий проулок Трех Святых и поднялись на чердак 7-этажного дома, принадлежавшего господину советнику фон-Краузендорфу. Здесь за загородкой ютилась хлопотливая семья Меклер.

Старик, ветеран войны 1914—1918 гг., не выходил из своей комнаты с 1918 года. Он ничего не знал о том, что происходит в пышной столице.

Он просил ничего ему не говорить о ней, не показывать газет, не принимать людей, — безграничная злоба наполняла все его существо. Но чувствуя свое бессилие мстить, старик замкнулся в себе, мечтая только о смерти.

Понятно поэтому его возмущение, когда жена его возвратилась с молодой веселой гостьей. Скрыться было некуда, и старик на руках отполз в угол, забился в щель между шкапом и

... Старик уполз в угол...

кроватью, чтобы не видеть и не слышать нового человека. Но голос гостьи вдруг показался ему теплым и ласкающим, — одним из тех голосов, которые еще в детстве западают в память и всю

жизнь потом, — в минуту ли большой радости или большого несчастья, — звучат ободряющими нотами. Вот таким и показало старику голос учительницы.

Как ни старался инвалид уйти от сегодняшнего дня, но кое-какие новости все же до него доходили, о войне он знал и до прихода учительницы.

В голосе ее было столько теплого и искреннего участия, в особенности в те минуты, когда она говорила о том, что буржуазии удалось обмануть мировой пролетариат, не втянув его в войну и искусственно подняв его жизненный уровень, — а этим самым изолируется героический пролетариат СССР, — что старик невольно насторожился.

— Мы сами готовим себе могилу: гибель СССР означает и нашу гибель, — закончила гостя.

Он выполз из своего убежища, подвинулся к ней и, глядя снизу-вверх, хрипло прокричал:

— А что делать? Что прикажете делать? Вы, образованные... Все пропадем, как собаки!

Она спокойно посмотрела в его побагровевшее лицо, положила свою руку с тонкими длинными пальцами на его седую всклокоченную голову и сказала:

— Вы, безногие, можете сделать больше, чем мы, здоровые. Со времени подавления последней германской революции международными фашистскими силами не было ни одной серьезной попытки свергнуть фашистское иго. Нужно двинуть массы. Кому-то нужно пожертвовать собой, чтобы вовлечь их в борьбу. И, конечно, фракция трудящихся женщин седьмого района Берлина, существующая нелегально, несмотря на арест председательницы Генимайер, правильно оценила момент, когда постановила впереди колонн индустриальных рабочих двинуть на демонстрацию протеста безногих инвалидов. В вас стрелять не

посмеют, если посмеют, — им же хуже, потому что тогда ярость пролетариата разнесет вдребезги их оборону. А потом, скажите, товарищ Меклер, по совести — неужели вы отказались бы умереть за общее дело?..

— Умереть, милая барышня, не штука; легче во всяком случае, чем жить без ног, без помощи, обузой для своей семьи, — сказал инвалид. — Но умереть надо так, чтобы польза от этого была: с толком умирать надо в наше время. И от такой смерти, я думаю, ни один рабочий не откажется, тем более инвалид. Нам все равно дорога одна — на удобрение. Много я об этом передумал в окопах, много слышал и от товарищей в больнице: ведь я — ни много ни мало — 2 года пролежал... И, скажу по правде, пришел к такому сознанию, что уж если служить удобрением, так лучше для своих, для пролетариата, для справедливости, чем для буржуазии...

Это впервые за много лет так разговорился инвалид Меклер. Все, что жило в нем, что жгло и душило, было выражено Сановники в этих коротких и резких словах.

Фрейлин Куртц, точно иначе быть не могло, перебила старика деловым предложением:

— Все ясно. Мы поручаем вам переговорить с товарищами инвалидами седьмого района, потерявшими обе ноги, чтобы организовать берлинский комитет безногих жертв империалистов; цель — содействовать победе рабочих в их борьбе с интернациональным фашизмом.

Старик не выказал удивления, точно именно такое предложение и должно было исходить от этой прекрасной и строгой девушке — первой посланницы нового мира, рождающегося где-то там, внизу.

Жена его, не в пример другим женам, не испугалась и не только не стала отговаривать мужа, но, наоборот, сама приняла участие в дальнейшей беседе, перешедшей в прямое

инструктирование первого члена и руководителя берлинской организации жертв империалистов.

XIII ПОСЛЕДНЕЙ КРИК МОДЫ

Сановники, присутствовавшие на торжестве открытая восточного магазина, очень гордились розетками — подарком гостеприимного хозяина невидимки.

В этих маленьких рубиновых жетонах было что-то притягивающее и волнующее своей восточной таинственной красотой. В них переливались все оттенки пурпура от нежно-розового цвета лепестковой невинности до жгуче-красного тяжелого огня преступления. И если взглянуть в такой жетон, каждый, сообразно своим мыслям, в неясных, мерцающих контурах может увидеть то, что особенно тревожит или интересует его. Для разглядывающего исчезают масштабы, соотношения, симметрия — все его темные, обычно подчиненные культурной воле, страсти фиксируются в маленьком сердце рубинового жетона.

Во всех салонах Берлина только и говорили о таинственном индусе и об его чудных подарках. Те, у кого были рубиновые розетки, становились центром внимания в салонах. Иметь розетку — значило иметь успех и пользоваться вниманием. Поэтому неудивительно, что дела индуса шли прекрасно. Представители аристократии и финансового мира навещали его магазин, чтобы увести в петлице маленькую розетку. Наисолиднейшие дельцы должны были уступить своим женам и гоняться за «красным фетишем», как называли в Берлине розетки.

Из Берлина эта мода перекинулась в другие центры Европы и Америки.

Из центров — в провинцию. Но из верхов общества мода эта на низы никак не могла распространиться. Розетки стоили очень дорого.

Индус торговал не только розетками. Любители таинственного Востока очень часто вывозили из его магазина странной формы вазы, статуэтки, янтарные яйца, часы с каменными механизмами и т. п.

Все эти вещи представляли собой удачную комбинацию старинной чисто индусской работы с европейским механическим оформлением, приспособлявавшим ее к работе в современных условиях; например, копыто зебу, на котором по преданию ездил сам Шива, в магазине Фонигоры служило подставкой для настольных часов, а окаменевший глаз павлина из садов Вишну был отравлен в хрустальный подсвечник. Немудрено поэтому, что пресытившиеся аристократы записывались в очередь на посещение магазина Фонигоры.

Неудачная война с Советским союзом значительно повысила популярность индуса. Слухи о «райских сеансах», с которых собственно и началось его знакомство с аристократией, распространялись с телеграфной быстротой. Все эти богатые и на вид независимые люди обращались к Фонигоре, чтобы облегчить невидимый груз волнений, чтобы вернуть бодрость, растраченную бессонными ночами.

Фонигора стал желанным гостем в самых аристократических салонах.

Вскоре к увлечению спиритизмом присоединилось также увлечение индуизмом. Индуса звали во все города старого и нового света. Его имя было связано с представлениями о нирване без наркотиков; вспоминая Фонигору, многие почему-то начинали думать о связи с космосом, о жизни вне времени и пространства. И, действительно, индус мог удовлетворять самые дикие желания своих клиентов, не выходя в то же время из рамок кажущейся реальности.

В хронике большого света его называли великим гипнотизером. Упоминалась его способность покорять толпу и держать ее в своей власти и после сеанса. Фонигора успешно лечил пьяниц, наркоманов, kleптоманов, мифоманов и других манов... Буржуазное общество в клиентуре ему не отказывало.

Но бедные к нему доступа не имели. Они проклинали этого целителя богатых, этого слугу сытых. Фонигора к этим проклятиям не прислушивался и очевидно вполне был доволен своей ролью.

Но, несмотря на всю его популярность, никто из его клиентов не задумывался над тем, что не знает его в лицо. Если спросить кого-нибудь из них, как же выглядит их друг, учитель и слуга: высокий или низкий, белый или черный, толстый или тонкий, — никто бы не дал на эти вопросы ответа.

— Такой себе... приятный, восточный...

И если такие вопросы возникали, то каждый думал, что он просто временно забыл внешность индуса, как это часто бывает с переутомленными людьми.

XIV

«ЛАБОРАТОРИЯ ТРЕХ»

В то время, как на фронте готовились к решительным боям, а в культурной Европе увлекались индуизмом, Антон Дикий, Семен

Довбня и профессор Ипсилон удалились от людей в свою лабораторию, расположенную в пустынном парке, неподалеку от столицы, и занялись серьезными опытами. Эта в высшей степени секретная работа была строго распределена...

Целые дни Семен проводил у радиоприемника новой конструкции и принимал сообщения. Он сидел за столом, по которому ползли 6 бесконечных бумажных лент, и читал покрывавшие их часто непонятные слова и обрывки слов на немецком, французском, итальянском, английском и испанском языках, начертанные русскими знаками. Иногда попадалось и японское слово. С помощью словарей все эти донесения переводились на русский язык.

В этом кабинете под руками Довбни сосредоточивались донесения 1.300 микропередатчиков или радиоразведчиков, которые с помощью Гахани, через лавку Фонигоры, были распространены среди влиятельных деятелей «культурного света» в индусских розетках, подсвечниках, часах и других прекрасных вещах, вывезенных из экзотического, таинственного старого Индостана.

Благодаря феноменальной скорости «Дикого I» и его маскирующему приспособлению, друзьям было совсем не трудно в один и тот же день закупить на базарах Дели и Бенареса необходимые Гахани вещи, перебросить их в Берлин и вернуться в свою лабораторию под Харьковом.

На даче Гахани под Берлином работал небольшой радиомотор, который транслировал все впитываемые микроприёмниками звуки непосредственно в лабораторию друзей.

Радиоразведчики были распределены на 6 групп по важности. Каждая группа работала на своей волне. Аппаратами первой группы Гахани снабжал исключительно немцев, аппараты второй группы шли французам, аппараты третьей группы — англичанам,

четвертой—итальянцам и японцам, пятой группы — американцам и шестой —фашистам всех остальных стран.

Таким образом, пока в культурном свете восхищались дорогими восточными диковинами, Семен Довбня сидел в Харькове за столом и без отдыха следил за нескончаемыми шестью бумажными лентами.

Профессор Ипсилон успел констатировать у Семена ослабление зрения на 30%, но тот упрямо не хотел бросать своих наблюдений над психологической картой мира, что ползла перед ним в виде 6 белых полосок.

Тут было столько интересного. Они буквально знали все тайны мировой дипломатии, все замыслы врагов Советского союза.

Больше они знали про все семейные сцены, любовные приключения и пошлые сплетни, из которых состояла жизнь представителей «большого света». Это был период, когда ни одна влиятельная особа не могла чихнуть или кашлянуть, чтобы об этом сейчас же уведомил наших харьковских друзей один из аппаратов.

Благодаря этому верному способу в лаборатории стало известно, что план заражения населения СОСР чумой безнадежно провалился.

Оказалось, что прививки противочумной вакцины доктора Мерка «своим», при самой быстрой работе могли быть окончены не раньше как через три года, иммунитет же от прививок действовал только один год. Таким образом отравители попадали в круг безнадежных прививок, не имея возможности приступить к рассеиванию бактерий без риска погибнуть самим.

Антон Дикий был занят гораздо более интересной работой. В его кабинете помещался самый чуткий приемник, с помощью которого он следил за отдельными лицами. Этот аппарат принимал сообщения только 18 передатчиков. Но этими

передатчиками, не зная об этом, владели лица, руководившие антисоветским движением. Вернее, эти 18 аппаратов в том или ином виде были украшением, кабинетов или особ 18 членов совета «Лиги защиты мировой культуры».

Ипсилон уверял товарищей, что «психоформула» — уже наполовину действительность. Часто, когда характерное слово подчеркивало резкое движение или мысль того или иного члена совета «Лиги защиты мировой культуры», Ипсилон в Харькове выкрикивал:

— Так, так... Нашупал. Держу.

Однажды Антон спросил:

— Что нашупал, что держишь?

— Мозг, мозг держу, — ответил Ипсилон. — Эх, если бы так ловить не звуковые, а мозговые волны!

И пока Антон о Семеном работали над донесениями радиоразведчиков, Ипсилон начал исключительно сложную работу анализа механики мысли.

Пользуясь данными изучения «психослова 18», — так он назвал данные, добытые аппаратом Антона, — Ипсилон упорно, Фаг за шагом, измерял силу и свойства психонапряжения объектов, по характерным словам, и

*Ипсилон начал анализ
механики мысли...*

репликам, чтобы определить, наконец, неуловимую единицу психонапряжения. Основным дефектом своей работы он считал отсутствие прямого влияния на мозг объекта, необходимого, чтобы установить силу и быстроту вызванного этим влиянием, рефлекса.

Перед ним был «аккумулятор наисильнейшей зарядки», — так он называл мозг Дикого. Вполне правильно он считал, что достаточно изучить радиоформулу одного мозга, чтобы извлечь единицу радиодейтельности мозга, общую для всех людей. Ибо говорил он:

— Единица есть атом мозгового напряжения, единый для всех мозгов; вся суть в комбинациях. И если мы будем иметь точные сведения о существовании этой единицы, то частоту, с которой работает человеческий мозг, и длину волны в переводе на язык радио не трудно вычислить на рефлексах каждого отдельного человека.

Ипсилон принимал во внимание все особенности своего объекта. Он учитывал и чрезмерную усталость Антона, и некоторую еще юношескую легкость, с которой Антон относился к своей важнейшей работе, влияние среды и т. д.

Иногда ему казалось, что он уже схватил эту скользкую единицу.

— Вот, вот... От полета звука до рефлекса — 0,0835 секунды... плюс икс, минус 0,835... от невысказанной мысли, по глазам, до рефлекса 0,04725 секунды—икс плюс 0,04725...

Таковыми записями были заполнены все странички его блокнота и перепачканы все манжеты. Числа часто достигали космической многозначности, а неуловимая единица танцевала меж пальцами и никак не попадала под карандаш профессора.

Нужно было обладать его неслыханной энергией и упорством, чтобы не бросить дела наполовину, чтобы самому не запутаться в бесконечной веренице цифр, среди формул и

наблюдений, выкладок и предположений, от которых выход — только в дом сумасшедших.

Но эти, абстрактные пока, опыты не мешали нашим друзьям делать ценное практическое дело. С помощью своих радиоаппаратов они оказали красному командованию ценные услуги. Много ошибок было избегнуто благодаря своевременному предупреждению из «лаборатории трех».

XV БЕЗНОГИЙ БУНТ

Министру внутренних дел в кабинете Гальмера, господину фон-Диттерихсу, доложили, что к нему явилась делегация инвалидов давно забытой всемирной войны. Господин министр выпятил нижнюю губу, полунедоуменно, полувозмущенно развел руками и опросил секретаря:

— Чего им надо?

Секретарь подобострастно склонил голову, на которой меж аккуратно причесанными жидкими волосами блестел пробор, и оказал:

— Очевидно, о своём положении.

— Но не могу ведь я заниматься мелочами! Какие-то инвалиды, о каком-то положении... Тут поговаривают о коммунистах, о забастовке, а эти инвалиды -со своими, делами... Скажите, что я занят.

Высокий и тощий секретарь выплыл на своих рессорных ногах в приемную и оказал труппе людей, самый высокий из которых едва достигал ело колена:

— Министр занят, не принимает... Подайте заявление.

Тогда предводитель безногих оттолкнулся от тола, и простая деревянная тележка, на которой покоилось его туловище, с

противным скрипом покатила по зеркальному паркету прямо, к двери кабинета министра. За ним покатались остальные 6 тележек. Нудный скрип взбудоражил чинный покой министерской канцелярии. Открылись все двери, и в приемную заглянули полтора десятка любопытных голов.

Журавлеобразный секретарь пытался было остановить это движение калек. Но его стиснули меж двух тележек, толкнули, дернули, и он покатился на пол. Раньше, чем он успел подняться, семеро, инвалидов обступили письменный стол министра.

Господин фон-Диттерихс особой храбростью не отличался, да и она и не требовалась буржуазному министру в век механизации, электрификации, радио и победы над воздухом... Ведь в буржуазной стране все покупалась не ценою настойчивости, мужества, терпения, а за деньги. Естественно, что, открыв рот от удивления, он забыл закрыть его от страха. С выпученными глазами глядел он на семерых укороченных людей и, тяжело дыша, думал о том, что он, министр фон-Диттерихс, растерял все свои фразы вместе с высоким достоинством и не может теперь ни о чем думать толково.

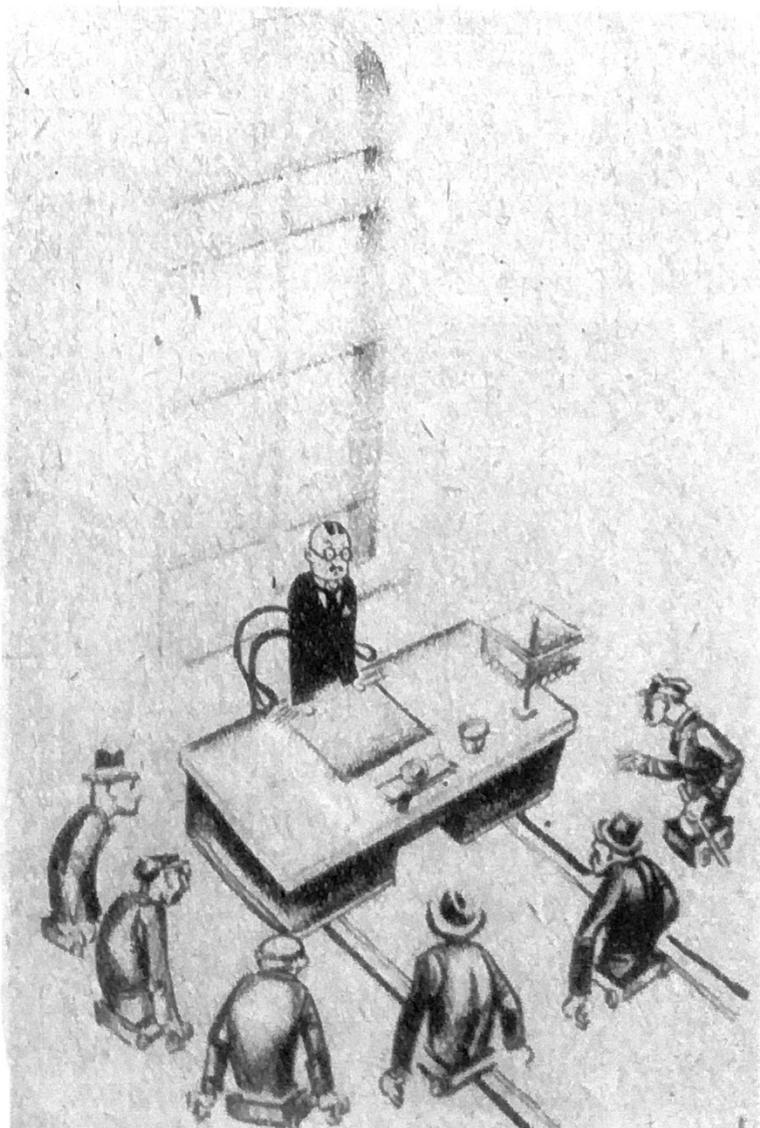
Предводитель безногих, Рупрехт Меклер, уже известный читателю, ударил своей колотушкой по столу, так, что зазаенети чернильницы, и сказал:

— Какого чёрта, я хотел бы знать! Что значить, министр занят?! Мы — хозяева страны, а не ниши слуги. Мы отдали наши ноги за самостоятельность Германии. Кто смеет нас не пускать сюда?

Резкий голос Меклера привел министра в чувство. Заикаясь и задыхаясь, он с трудом выдавил:

— Э... э... э... че-че-чего вы хотите, господа?

— Мы требуем человеческого отношения! — закричали все семеро разом.

...Инвалиды обступили министра...

— На ваши двенадцать марок собаку не прокормишь, — сказал Меклер.

— Это надо обсудить, — заикаясь от страха, проговорил министр.

— Мы отсюда не уйдем, пока вы с нами не обсудите. Мы — делегаты 432 тысяч членов союза безногих Германии. От имени у поди омочивших нас инвалидов мы требуем немедленной конференции.

Овладевший собою министр теперь уже явно стремился выиграть время. Отвечая инвалидам ничего не значащими фразами, он с надеждой поглядывал на дверь. И ожидания не обманули его. Вскоре дверь распахнулась, и вслед за секретарем в комнату вбежали шутцманы. Без всяких разговоров они подхватили под руки инвалидов, выволокли их из кабинета, протащили через приемную, по коридору, по ступенькам и, вытолкнув на улицу, захлопнули за ними дверь.

— Благодарите своего бога, что у вас ноги на войне оторвало. Не то мы сегодня их повыдергивали бы, — сказал полицейский офицер.

Но безногие не унимались. Они раскатывали на своих тележках взад и вперед у подъезда, потрясали колотушками, угрожая кому-то, и громко кричали:

— Это за наши ноги, за нашу кровь!

Перед зданием министерства собралась большая толпа. Были здесь и студенты, и женщины с корзинками, и покрашенные барышни, и безработные мастера; даже несколько солдат армии обслуживания тыла войск, ком-плинтовавшийся еще частично из пролетариев, затесался сюда. Толпа тесно обступила инвалидов и возмущалась вместе с ними.

В конце концов толпа готова была штурмовать дворец министерства. В это время завывли сирены, и с двух сторон

показались отряды легких танков, украшенных изображениями черепов и берцовых костей — эмблемой фашистской власти.

Наэлектризованная толпа не собиралась расходиться, и это стихийное собрание могло окончиться дикой бойней. Но в это время из переулка выкатился автомобиль, которым управляла молодая женщина, в черном спортивном костюме, красиво обтягивавшем ее стройное тело, и, поравнявшись с толпой, закричала:

— На площади Освобождения дают хлеб!

Толпа схлынула. Люди устремились за хлебом ближайшими переулками. У подъезда министерства осталась женщина в автомобиле и семеро безногих калек. Она открыла дверцу, помогла им взобраться в машину и, дав полный ход, увезла в переулок Слепой девы.

Смертоносные танки сошлись, не встретив на своём пути ни одного человека, проделали несколько поворотов, поревели, повыли от все с тем же грузным грохотом ушли.

XVI ОПЫТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Странную картину представляла собой психолоборатория Ипсилона. Небольшая комната — без окон, без дверей, круглая, полная ровного света, который лился неизвестно откуда. Ни один звук извне не проникал в эту комнату. Все было рассчитано на то, чтобы не развлекать и не привлекать внимания. Эта комната изолировала человека от всех внешних шумов, волнений, оставляя его исключительно в кругу своих мыслей.

Ипсилон сделал все возможное, чтобы обстановка психолоборатории к началу опыта давала бы «абсолютный минус волнений».

Антон сидел в спокойном кресле посреди комнаты, а Ипсилон рассказывал ему интересную историю и, внимательно вглядываясь в его лицо, быстро делал стенографические заметки на манжете.

Ипсилон нажал кнопку маленького механизма... в то же мгновение кресло, на котором сидел Антон, перекинулось, и «объект» полетел на пол. Маленький передатчик, с помощью которого Ипсилон опрокинул радиофицированное кресло, был еще и наиточнейшим хронометром. Чтобы определить время от восприятия до рефлекса, достаточно было прикоснуться пальцем к стеклышку, и время отмечалось с точностью до одной десятитысячной секунды.

Но желанного эффекта не было. Антон спокойно поднялся, смахнул пыль со штанов и казал:

— Дальше?

Ипсилон сам готов был потерять спокойствие. Он снова посадил Антона в кресло, затем, вооружившись ружьем странной формы, приготовился стрелять в потолок.

Когда Ипсилон надавил спуск, вместо ожидаемого выстрела вдруг раздался резкий свист соловья.

Антон стал вслушиваться, а профессор с хронометром в руке поспешил отметить: минус 0,4379, минус икс...

В это время откуда-то появился Семен Довбня. В его руке был клочок телеграфной ленты.

— Русская! Русская! — кричал он. Антон не пошевелился: он думал, что это очередной трюк. Ипсилон глянул на хронометр и снова начертил на манжете несколько иероглифов.

Захлебываясь, Семен начал рассказывать, как только-что по аппарату № 6 группы Антона он получил передачу на русском языке. Вот что было написано на ленте:

«Ник, вы должны немедленно выехать в Россию, чтобы положить конец этим таинственным работам Дикого. Обратитесь в 4-й отдел.

— Когда выезжать?

— Немедленно! Во что бы то ни стало! Сделайте так, чтобы...»

Дальше буквы русского алфавита перепутались с латинскими; прочесть больше ничего нельзя было.

— Значит, нужно ждать гостя, — сказал, скривившись Антон.

— А что, не видишь? Еще спрашивает, — кинул Семен.

— Да, только... — Антон снова скривился, — только я не знаю, что это со мной. Будто бы я охромел, — неожиданно сказал он.

Ипсилон окружил дом «радиоглазами». Это были аппараты, удачно сконструированные из обыкновенных стереоскопов с радиозэкранами. Стоило кому-нибудь появиться в поле зрения объектива, и его изображение немедленно появлялось на экране. Чтобы не терять времени на наблюдения, Ипсилон приспособил к экрану небольшой аппаратик, который подавал звуковые сигналы от изменения силы света в комнате. А эти изменения происходили, едва на экран попадало изображение.

Благодаря этим оборонительным средствам, друзья могли спокойно работать. Но теперь из ихнего рабочего календаря приходилось исключить опыты над «аккумуляторами» Дикого.

На фронте между тем продолжалась борьба. Уже приближалась осень, а конца войне не было видно.

Неприятельские эскадрильи больше не пытались разрушать тыл. От этого их быстро отучили радиоаэромины, изобретенные рабочим Кривоконом. Это были чрезвычайно простой конструкции аппараты: небольшой водородный баллон,

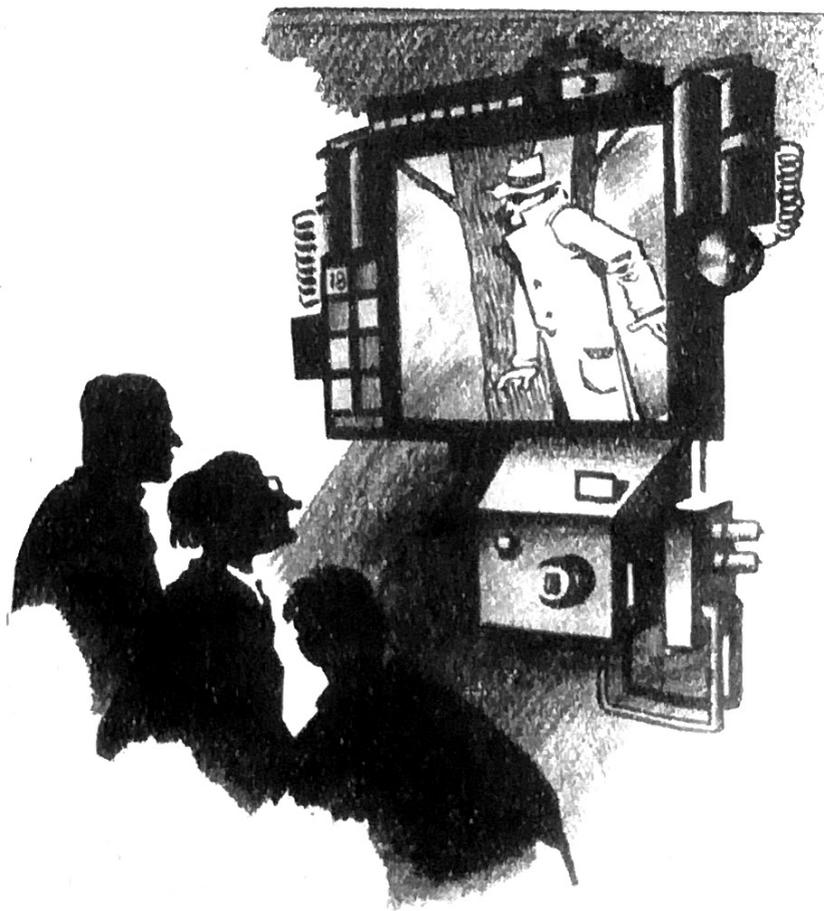
наподобие детского игрушечного, подымал в воздух микроскопическую, но сильную мину и крохотный радиоуправляющий аппарат. Едва аппараты предупреждали о приближении неприятеля, сотни таких баллонов выпускались в свободный полет. Остальное было до комизма просто. Как бы ни изворачивался летчик, как бы ни вертелся аэроплан, управляемая радиопередатчиком с земли аэромина быстро настигала машину и взрывалась при первом соприкосновении с ней. Таким образом проект рабочего Кривоконя удачно разрешал задачу обороны тыла.

XVII ВИЗИТ ШПИОНА

Антон сидит за столом. Бесконечными строками ползет перед ним запись фашистских слов. Он кривится, потирает ногу, бормочет. Но глаз с ленты не сводит. В кабинете рядом Семен следил за своими шестью лентами. В своей комнате Ипсилон ломает голову над формулами.

Тишину дома остро нарушил короткий звон. Через секунду он прозвучи вторично, на этот раз громче и дольше. Ипсилон вбежал в смежную комнату, где находился экран. Там уже были Антон и Семен. В момент, когда Ипсилон вошел в комнату, сигнальный звонок оборвался. На посеребрённой алюминиевой пластине, имевшей в длину и ширину приблизительно по метру, никакого изображения не было. Но друзья продолжали внимательно следить за экраном. Вдруг снова зазвенел сигнал и на экране появилась тень. Она быстро выросла во всю величину экрана, приняла контуры человека; ясно стало видно лицо, наполовину скрытое полями широкой фетровой шляпы.

В левом углу экрана появился номер стереоскопа — 18.

...И на экране появилась тень...

На стене висела карта сада. Ипсилон сделал на ней отметку ногтем, подчеркнув значок с № 18.

Когда снова зазвенел сигнал и экран показал ту же фигуру в другом положении, уже у стереоскопа № 7, Ипсилон сказал:

— Вся суть, конечно, в глупости. Когда человек непременно хочет быть выслеженным, мы не имеем права ему в этом отказать.

Он потер руки, точно ему стало холодно. Теперь он напомнил Антону того Ипсилона, который когда-то явился к нему для таких, казалось, странных разговоров.

Семен внимательно следил за лицом Антона и по мере того как кривилось оно, меняя свое выражение, стало кривиться и лицо Семена. Только на лице Антона была мука, а на лице Семена блуждала злая, саркастическая улыбка, которая была тем злее, чем больше муки было на лице Антона.

Ипсилон в свою очередь следил за Антоном. Одну минуту ему казалось даже, что вот-вот он схватит нужное выражение на лице, вызванное непосредственной опасностью, определит время и выведет формулу. Но Антон попрежнему вздыхал, кривил лицо, точно кто-то свечкой жег его кожу.

Снова зазвенел сигнал, экран показал стереоскоп № 4.

Это было уже у самого дома. Ипсилон повернул винт регулятора. Свет в комнате погас, изображение на экране начало быстро уменьшаться. Но теперь неизвестный был виден во весь рост, он скрывался в тени деревьев, обступивших дом.

Ясно было видео, как он прокрадывается от дерева к дереву, стараясь не попасть в полосу света, падающую в сад. Ипсилон включил основной стереоскоп, помещенный непосредственно на веранде дома. С помощью регулятора он заставил объектив поворачиваться вслед за движущейся фигурой. Сигнальный звонок тревожно заливался без перерывов.

Кутаясь в плащ, неизвестный приближался к дому. В его руке был небольшой пакет.

— Будет взрывать, чёрт! — хмуро сказал Антон.

Семен только усмехнулся. Ипсилон опять потер руки и зло сказал:

— Сейчас будет ванна номер первый... Хи-хи-хи... — он засмеялся противным смешком, каким смеются евнухи или мужеподобные женщины. — Так, так... Прекрасно. Иди, иди, голубчик. Вот сюда... Хи-хи-хи...

Он нажал кнопку на небольшой мраморной доске, что была в стене рядом с экраном. В то же мгновение неизвестный исчез. Только тоскливые тени деревьев в сером мареве дождя попрежнему раскачивались на экране.

Антон повернул выключатель, и небольшая комната приняла обычный вид. Ипсилон кинулся к двери, но Семен остановил его:

— Дорогой профессор, не допускаете ли вы, что наш гость был не один?

— Очень хорошо, что вы напомнили. Я, старый осел, однако не выпустил из виду эту подробность. У меня есть три сводки фашистской контрразведки. Наш гость один!

XVIII СЮЛЛИ ПОЛУЧАЕТ ЛАДАНКУ

Знаменитый Фонигора, ученый, купец и чародей, подал свою визитную карточку секретарю знаменитого ученого и председателя международного бюро «Лиги защиты мировой культуры», господина Эдварда Сюлли.

Прочитав титул и имя гостя, секретарь с церемонным поклоном попросил индуса подождать, а сам поспешил с докладом. Ровно через две минуты он провел модного индуса в кабинет своего патрона. Глаза Фонигоры, сквозь пленку безразличия и скуки, внимательно следили за всем. Ни одна подробность не ускользала от его внимания.

Эдвард Сюлли принял индуса очень любезно. На столе появился большой ящик чудесных гаван, за ним последовали кофе по-турецки, сэндвичи...

Сюлли давно уже подумывал о том, что совсем не плохо было бы использовать популярность знаменитого Фонигоры для усиления пропаганды войны. Чтобы и выдать своей радости по поводу неожиданного визита, он старался не выходить из рамок светской любезности.

— Фонигора учился мудрости йогов, Фонигора насчитывает среди предков одиннадцать славных факиров, — начал, отпив из чашки, гость. — Кому может предложить покорный Фонигора эту единственную под всеми небесами вещь, как не своему учителю, мистеру Эдварду Сюлли, чью славу воспевают брамины после имени Кришны!

Несмотря на всю неприхотливость этой лести, она все же понравилась солидному мистеру Сюлли. Если бы кто-нибудь из его знакомых попробовал льстить ему таким образом, он бы рассердился. Но слушать эти похвалы из уст прониры, сумевшего в короткое время уничтожить условности и покорить сердца всеземного бомонда, слушать эти слова из уст самого Фонигоры, хотя бы и в силу того, что он находит нужным льстить, мистеру Сюлли очень приятно.

*Глаза Фонигоры
свели за всем.*

— Мудрый и ученый, коллега мой, властитель мыслей Европы, знаменитый Фонигора преувеличивает заслуги мои и славу. Но, конечно, если мудрый и ученый Фонигора хочет наградить мои скромные труды чем-нибудь особенным и ценным, я не посмею отказаться принять этот подарок и заплатить за него, сколько прикажет потомок одиннадцати факиров и ученик -йогов.

Фонигора подобострастно поднялся, скрестил на груди тонкие руки с длинными пальцами и важно поклонился хозяину. Потом он извлек из одной из складок своей одежды небольшую ладанку и протянул ее Сюлли.

— Возьми, господин, эту вещь, она тебе пригодится. Это — дар великой эпохи великому человеку. Здесь скрыт механизм, которому много-много лет, и, не смейся, господин, если тоска или болезнь придут к тебе, если усталость скует тебя цепями, ты посмотри вот сюда. Ты видишь эту гладкую поверхность! Это не стекло, а застывшие слезы: в них ты найдешь мир и покой. Механизм, который питается этими слезами, не имеет ни одной металлической части. Он весь из наитончайших гранат и рубинов —из запекшейся крови; из опалов — окаменевшего человеческого пота; из сапфиров — окаменевших человеческих глаз. Кому, как не тебе, я могу предложить такую редкую вещь! Возьми и владей ею, и пусть тоска не посмеет коснуться тебя.

Сюлли принял из рук гостя ладанку. Та часть, в которой по словам гостя был скрыт чудесный механизм, сверкала помещенными в хрусталь пёстрыми яркими камнями. Мистер Сюлли долго не мог оторваться от этого вихря огней и красок. Он знал, что нельзя терять времени на разглядывание, что этикет требует перевести разговор на другую тему, что нужно, наконец, приступить к интересующему его вопросу.

Но в букете драгоценных камней было столько неожиданного, глубокого и захватывающего, что мистер Сюлли не

мог оторвать глаз от этой необычной красоты. И чем больше он вглядывался, тем больше видел новых комбинаций света, новых аккордов красок в этой музыке лучей.

Открывались какие-то невиданные горизонты и тонули в волнующейся поверхности,

Протягивались и запутанно двигались какие-то тени, пронизывая море красок. Свет, возникавший в радужных гранях, втягивая их, всасывал...

Сюлли начал терять представление об окружающем. В эту минуту он вышел из власти привычных ритмов. Секунда, день, год... Живет ли он еще на земле или в этом безграничном огненном вихре, заключенном в хрусталь, помещающемся на его собственной ладони?!

Глаза Фонигоры пылали. Казалось, что комната полна их огнем. Свет, струившийся из его глаз, впивался в голову Сюлли. Но председатель «Лиги защиты мировой культуры» не замечал этого. Как и раньше, внимательно глядел он в таинственную глубину хрусталя, путешествовал в неведомом ярком свете, забыв себя и окружающее.

Вскоре ноздри его стали прозрачными, и болезненная бледность покрыла лицо.

XIX

ПЕРВАЯ РАДИОФОРМУЛА

Холодный ветер рванул плащ. Затрещали мелкие капли осеннего дождя. Ипсилон и Дикий шли меж деревьями векового сада. Они пробирались неведомыми тропинками к блестящей под дождем тропинке. Вскоре они пришли к большому дубу, на ветке которого горела электрическая лампа. Свет ее падал на темный

предмет, раскачивавшийся под ветвями дуба на высоте трех метров.

Ипсилон нагнулся к корням дерева, повозился с полминуты, и темный предмет начал плавно опускаться.

Теперь можно было разглядеть человека, затянутого сеткой из тончайшей проволоки. Он не мог повернуться, двинуться, но всю свою энергию, всю силу своей ненависти он, казалось, сосредоточил в глазах. Эти глаза метали искры и дико вращались.

Когда человек в сетке очутился на земле. Ипсилон слетка приподнял шляпу и спросил:

— Ну, что? Гамак, кажется, не того...

Неизвестный сверкнул глазами и закричал:

— Это что за шутки? По, какому праву?!

— Тише, тише! Не спешите, — остановил его Ипсилон. — Зачем так нервничать? Вы спрашиваете о праве? Неужели вы не видите, в чем оно проявляется? Наше право — право разума. Ясно? Вы посоветовали бы вашим друзьям из лиги обзавестись не только подлыми людьми, но и разумными. Одной подлости, как видите, господин полковник, мало.

Пленник заскрежетал зубами.

— Кто вам сказал, что я полковник? На каком основании вы меня так называете?!

— Дело в том, — сказал Ипсилон, — что вам не мешало бы выпить чашку кофе. Вы, бедняга, здорово промокли.

Ипсилон снова нагнулся к корням дерева; сеть плавно поднялась: скрипнул блок, мелькнула тень. Откуда-то издалека доносилась еще брань полковника.

Друзья вернулись в свою лабораторию. За столом затянутый в сеть, уже сидел полковник, доставленный по проволоке подвесной дороги, а Семен Довбня кипятил в электрокофейнике кофе.

— Отлично, Семен, — сказал Ипсилон. — Нашему гостю горячее не повредит.

Антон Дикий, прихрамывая, подошел к связанному сетью полковнику, ослабил слегка путы и, откинув полу плаща, вытянул из кармана пленника пакет.

— Милейший, вам угодно было высадить нас в воздух...

— Это... это глушить рыбу.

— Антон, — сказал Ипсилон. — Дай мне познакомиться с этим уважаемым слугою идиотов. — Заслонив Антона, Ипсилон обратился к пленнику:

— Итак, уважаемый, позвольте отрекомендоваться: профессор чудак Ипсилон, завзятый враг дураков, мелких натур и ограниченных характеров. Затруднять вас не буду. 18 сего месяца, в 7 часов 16 минут вечера вы получили приказ выехать в СССР, чтобы уничтожить нашу лабораторию. Сегодня, 22-го вечером, вы прибыли в наш город, — хвалю за решимость, — соло, без сотрудников и свидетелей, и пробрались в наш сад, чтобы... глушить рыбу. Мне кажется, что вас самих немного оглушило. Мелочь, не падайте духом. Мы—народ не гордый. К тому же, все свои: вот Антон Дикий — он мастер летать на своем аппарате, а еще больше — на мыслях. Вон стоит товарищ Семен Довбня — мастер долбить непокорность природы без устали. Кстати, если позволите, я дам вам свободу. К чему эта сеть среди приличных людей?! Семен, освободите полковника... Э-э-э... полковника Лаврова, кажется. Я не ошибся?

Пока Семен разматывал сеть на остолбеневшем полковнике, Ипсилон что-то записывал на своей манжетке и следил за стрелками хронометра.

— Откуда вы все это знаете? Кто сказал вам мое имя? Я не такой дурак, чтобы упорствовать и дальше. Но я не трус.

Полковник Лавров не боится большевистских ученых, скажите имя предателя, и я вам все открою. Все, — понимаете?!

В голосе пленника явно звучали истерические нотки.

Ипсилон потер руки и спокойно сказал:

— Я так и знал. Оставьте оружие в кармане, прошу вас. Оставьте! — Его глаза потемнели, а лицо окаменело. Голос стал

строгим и повелительным. — Вас принимают как полусумасшедшего, а вы всеми силами стараетесь доказать, что вы сумасшедший. — Он сделал заметку на манжете. — Ваши признания нам не нужны. Но не волнуйтесь. Вашей жизни ничто не угрожает. Выпейте кофе и идите на все четыре стороны.

— Да кто вы? Черти? Люди? — закричал полковник. — Убейте, убейте меня, но не мучьте! — Он распахнул куртку. — Стреляйте, убейте, не боюсь!

Ипсилон снова глянул на циферблат хронометра и опять записал что-то на манжете.

— Если вы нам не верите, — сказал он полковнику, — то сделайте одолжение, вот ваш динамит, вот открытая дверь, идите без кофе на все четыре стороны. Всего лучшего.

Ипсилон широко открыл двери и настойчиво смотрел в глаза шпиона.

Тот стоял посреди комнаты, бледный и растерянный. Нижняя челюсть у него отвисла и дрожала.

Со рта капала слюна. Он нерешительно мял в руках фитиль динамитной шашки. Вдруг он зашатался, схватил Ипсилон за руку, протянул ему пакет с динамитом и закричал:

— Возьмите, возьмите, прошу вас! Возьмите я боюсь!

И не успел еще Ипсилон принять пакет, как пленник закрыл лицо руками и разрыдался:

— Что вы со мною делаете? Что вы делаете? Убейте лучше!
— выкрикивал он сквозь рыдания.

Ипсилон снова взглянул на циферблат хронометра и снова сделал отметку на манжетке.

— Садитесь, пейте, — властно приказал он.

Но было уже поздно. Полковник бился в истерике на ковре.

— Мм... слабо, — сказал Ипсилон и сделал очередную отметку. — Слабо. Ну, хорошо, попробуем. Антон, принеси аппарат!

Снова пленник был спутан сетью, хотя эта предосторожность и казалась излишней, так как после припадка он спал крепким сном. Но Ипсилон, невзирая на это, внимательно проверил все петли и пути, точно боялся, что сеть может порваться.

Принесенный им из лаборатории аппарат представляет собою нечто подобное колесу, покрытому снаружи сургучной пластинкой, а с внутренней стороны — по спицам — густыми рядами щетины.

Ипсилон обернул голову спящего крепкой розовой бумагой, потом прикрепил к столу свое подобие колеса, с таким расчетом, чтобы оно свободно вращалось, касаясь щетиной розовой бумаги на голове полковника.

На столе стояла последняя часть аппарата — маленькая, тончайшей работы динамо-машина. Одним проводом она была

соединена с миниатюрным моториком, а другим с чрезвычайно чутким микро-вольтметром.

Профессор Ипсилон включил второй провод моторика в колесо у головы пленника, предварительно пропустив этот провод через вольтметр.

Установка была закончена. Динамо-моторик, вольтметр, аппарат и голова полковника стали единой электропроводящей цепью. Источник энергии, таким образом, составлялся из равных половин работы динамо и работы мозга полковника.

Ипсилон приблизился к нему и сказал:

— Смею надеяться, что вы мешать нам не будете. Спите!

Антон Дикий стал у головы полковника, а Ипсилон сел к столу с приборами.

— Начинай! — сказал он Антону

Тот стал слегка вращать колесо вокруг головы полковника. Вскоре розовая бумага, окружавшая голову его, зацвела под щетками зелеными и синими искрами. Ипсилон регулировал динамо, стараясь попасть в ритм энергии, вызываемой трением щетины об электросберегательную бумагу.

С помощью заметок на манжетах эта задача скоро была решена. Моторик загудел, и колесо начало свободно вращаться.

Ипсилон вскочил с места, запрыгал, замурлыкал, как весенний кот:

— Антон, стопроцентный разгром мирового фашизма и тысяча чертей дьяволу в печенку! Ты знаешь, что это значит?! Дикий, чёрт! Ты понимаешь? На колени, старая кляча! На колени, Европа! Войте теперь со своими. мозгами! Вырывайте, эту гниль из своих черепов! К чёрту! Да здравствует единая радиомысль, свободная и быстрая, как свет!

Потом,
успокоившись, он
начал объяснять
Антону и Семену
сущность своего
открытия. Но, не имея
сил и терпения
объяснить все словами,
он принес из
соседней

комнаты радиопередатчик,
быстро настроил его на волну
соответствующей длины и
скомандовал:

— Антон, живо катай в свой кабинет. Будем с ним разговаривать без его ведома. Ну, и дела! Хи-хи-хи... — Эн начал быстро тереть свои руки одну о другую.

— Хи-хи-хи...

*... Склонившись над
микрофоном, Иpsilon тихо
сказал...*

Потом он включил свой передатчик в систему аппарата и одновременно освободил голову полковника от колеса.

Склонившись над микрофоном, Ипсилон тихо сказал:

— Вас предали пославшие вас.

Подождав немного, он послал другое уведомление:

— На такие дела без помощников не посылают. Неужели у вас ни с кем не было связи?

Так минут десять с помощью обыкновенного радиопередатчика Ипсилон вызывал психорефлексы у полковника Лаврова.

Потом он послал Довбню за Антоном. Тот пришел с записью приема своего аппарата. Сличив вопросы с ответами, друзья убедились, что в методе профессора Ипсилона ошибок не было. В записях аппарата Антона обозначены были переданные Ипсилоном фразы, но уже дополненные мыслями полковника. Не могло быть сомнений, что мысли эти вызваны были именно передачей Ипсилонa.

За фразой: «Вас предали пославшие вас» аппарат Антона записал:

«Я отомщу этой твари Мильрею».

После фразы Ипсилонa: «на такие дела без помощников не посылают» аппарат Антона записал:

«Нельзя доверять мистеру Пельнеру, несмотря на то, что он прекрасно законспирирован» ...

И так целый ряд секретных сведений.

Расшифрование разветвленной шпионской организации в СССР само по себе было делом чрезвычайной важности, но открытие формулы мозговой деятельности человечества было таким огромным достижением, что в ту минуту вряд ли кто-нибудь из трех представлял себе его значение и последствия.

В голове Ипсилонa уже роились смелые планы.

«Намагниченную электровсасывающую бумагу — к голове... Радиовсасыватель втягивает через нее волны... Записывается среднее напряжение. Волну укажет магнит».

Неожиданно Антон побледнел, подошел к Ипсилону, пожал ему руку и сказал:

— Приветствую. Поздравляю! Это все прекрасно. Только мне что-то не того, болен я...

Никто не заметил странного выражения на лице Семена Довбни.

В тот вечер в специальном шкафу лаборатории появилась первая карточка с формулой записи радиодейтельности человеческого мозга.

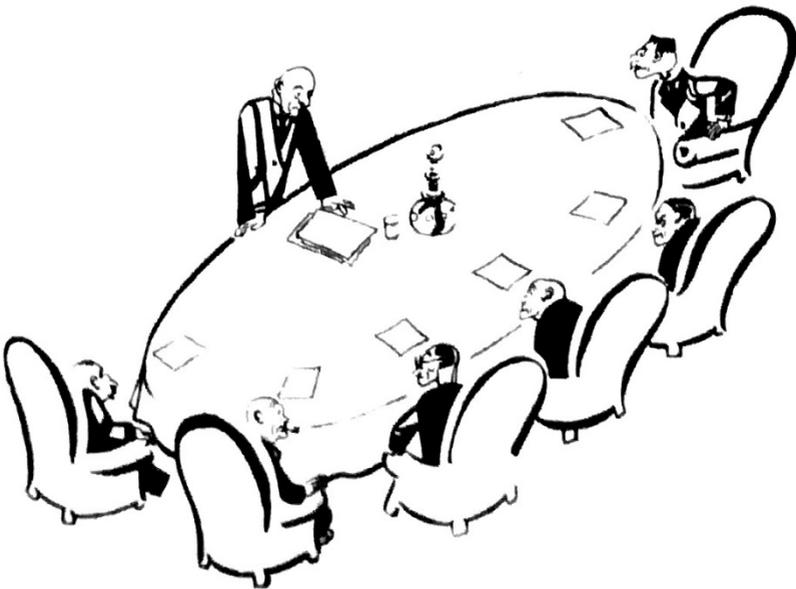
Утром полусумасшедший полковник покинул «лабораторию трех». Он не оборачивался. Он понимал, что все это не сон, не бред, а самая реальная действительность, что никто за ним не следит, что ему действительно подарили жизнь, и он вполне свободен... Тем ближе был он к сумасшествию.

XX КТО ПРЕДАТЕЛЬ?!

ГПУ Украины получило чрезвычайно важные сведения из «лаборатории трех». Неведомыми путями в руках «чудаков», как упорно называл друзей председатель ГПУ, очутились данные про всю шпионскую сеть в СССР. Неполные сведения, которые были в ГПУ, сразу получили костяк и основу. Все стало ясно. В разнообразнейших формах по всему Союзу была раскинута тончайшая высоко организованная сеть шпионажа, вредительства и бандитизма. Стали понятными причины нераскрытых преступлений, не выявленных драм... Железнодорожные катастрофы, пожары, обвалы, взрывы.... Длинный список подлых

и позорных преступлений проходил перед глазами начальника, и авторы их были в руках пролетарского правосудия.

Два дня ушло на проверку правильности сведений. Ровно в два часа ночи в разных концах Союза, — в разных городах, в местечках, селах, хуторах, в дома, подвалы, мансарды, в лавки, конторы, склады — в 374 двери постучали испытанные сотрудники ГПУ. В три часа ночи население следственных корпусов увеличилось на 312 человек.

... В 5 часов утра состоялась чрезвычайное заседание...

А в 5 часов утра состоялось чрезвычайное заседание президиума международного бюро «Лиги защиты мировой культуры».

В просторном кабинете мистера Сюлли, на одной из аристократических улиц Берлина, встретились семь

джентльменов, семь олигархов — королей акций, некоронованных царей, владык Европы, покорных агентов американского капитала.

Несмотря на всю тренировку, солидным джентльменам на этот раз трудно было скрыть глубокую тревогу под маской великосветской развязности. Никто из них и знал причины неожиданного вызова в этот ранний час.

Сюлли, этот помещенный в живом человеке сфинкс, употреблял всю свою волю, чтобы прекратить дергание левой щеки. Гости знали, что из-за мелочей он тревожить не будет. Они нетерпеливо поглядывали на его гладко причесанную голову, в свете зеленого огня склонившуюся над большим письменным столом.

Наконец, кто-то не выдержал и робко задал вопрос:

— Что случилось?

Точно все ждали этого вопроса. Послышались все более громкие и нетерпеливые голоса:

— Почему вы подняли нас так рано?

— В чем дело?

— Почему вы заставляете так долго ждать?

Гости начинали забывать правила «хорошего тона».

Не отвечая на все эти вопросы, звучавшие упреками, Сюлли медленно опустился в кресло и начал докладывать:

— Господа, то что я имею доложить настолько важно, что я позволил себе побеспокоить вас в столь не обычный час.

— Говорите, говорите! Что такое? Не тяните?!

— Два часа назад ликвидирована наша разведка в Советском союзе.

— Как?!

— Именно так. Только это я и хотел сказать. Обстановка ликвидации чрезвычайно таинственна. Такая осведомленность

ГПУ могла быть только результатом измены. Нам изменил не какой-нибудь мелкий агент. Нет, нас предал человек, имевший в своих руках все нити, явки, адреса и пр. Этот русский полковник Лавров, вместо того чтобы взорвать «лабораторию трех», сошел с ума. У него редкая для нашего времени форма помешательства. Он все твердит о рыцарской чести, о гуманности. Еще позавчера его поместили в дом сумасшедших, там, в советской столице. Я сначала предполагал, что он изменил. Но теперь мне ясно, что это дело не его рук, потому что он не мог дать сведений, какими не располагал сам. В числе арестованных — наши резиденты-наблюдатели, с которыми только мы, бюро, имели радиосвязь.

Собравшиеся тревожно оглядели друг друга.

— Я заявляю со всей ответственностью, — продолжал Сюлли, — что арестованные лица имели знаки доверия первой и второй степени! Вы прекрасно знаете, господа, что эти люди меж собой связи не имеют, с сетью не связаны, и все указания и распоряжения получают непосредственно от нас. И если допустить, что провал — случайность или результат измены одного из агентов, то все ограничилось бы двумя-тремя арестами, как бывало до сих пор, или, в худшем случае, провалом низовой сети. То же, что произошло сейчас, позволяет сделать только один вывод, и нужно прямо заявить: изменник среди нас!

Джентльмены, для которых «хороший тон» в нормальных условиях составлял половину содержания жизни, больше были испуганы, нежели обижены резкостью Сюлли. Они внимательно начали вглядываться в лица, искать глаза соседа.

— Что же вы предлагаете? боже мой, ведь с ума так сойти можно! — почти плача, прогнусавил маленький, толстый и черный синьор Апорте — представитель Италии.

— Есть два выхода, — сказал Сюлли. — Один — начать все сначала: выбрать новое бюро, не такое громоздкое, как наше,

назначить новых резидентов; другой — передать всю полноту высокого доверия одному лицу, а президиум временно распустить. Там, где работают двое, в наше время конспирация невозможна.

Члены президиума были настолько ошеломлены, что не стали спорить о конституции лиги, уставе. Они готовы были согласиться со вторым вариантом, и в комнате послышалось:

— Сюлли! Сюлли! Пусть Сюлли будет высоким доверенным!

— Чего они кричат? — спросил Антон у Ипсилона, регулировавшего усилитель.

— Выбирают длинноухого осла на пост диктатора всей земли. Хм-хи-хи... — Ипсилон, смеясь, начал потирать свои маленькие руки.

— Слушайте дальше. Вот еще, — вставил Семен.

Антон скривился, переступил с ноги на ногу и сказал:

— Значит, свой своего не познаша?

— Хи-хи-хи... Не имеем доверия... Как там у них: доверие первой степени, второй степени. Это похоже на людоедский патент. Хи-хи-хи...

— Я принимаю ваше решение. Как и раньше, всеми силами буду служить делу защиты мировой культуры...

— Крепко! — сказал в Харькове Семен. — Жалко только, что не услышат меня, а то бы я их приветствовал. Да здравствует долгоухий Сюлли, Сюлли идиот!

— Семен, брось дурачиться, — сказал, меняя ногу, Антон. — Тебе не подходит...

— А давно ты стал такой серьезный?

— С того времени, как ты повеселел, — оказал серьезно Ипсилон, и в его острых серых глазах мелькнули искры. — С того дня, как ты повеселел, — коротко повторил он, пронзая глазами Семена.

XXI СЮЛИ ДЕЙСТВУЕТ

Было уже светло, когда сановные гости покинули мистера Сюли. Всефашистский диктатор собственноручно повернул кнопку выключателя. Комната погрузилась в полутьму; сквозь щели штор и разрезы портьер пробивался хилый серый свет утра. С улицы долетали первые голоса.

Сюли сидел за своим большим столом, на его высоком лбу с прозрачной матовой кожей, украшенной мозаикой синих жилок, пробегали морщинки, беспрестанно меняя выражение лица.

О чем бы ни пытался думать могучий диктатор, за какую идею ни ухватился бы, мысли его неизменно возвращались к основному:

— Кто же изменник?

Он не мог, не хотел допустить, чтобы в его кругу, в президиуме лиги, рядом с ним заседал бы изменник — агент всеильной Москвы.

— Кто же, чёрт бы его побрал! Бюро — 23. В президиуме, с ним вместе, — 8. Сведения мог дать только член президиума... Разве старый скупердяга Мальви... Нет, ни в каком случае! Правда, он очень скуп, но ведь это на его алмазных россыпях беспрестанно бастуют рабочие, и порядок поддерживается пулеметами. Нет, он ни в каком случае не может быть другом СССР. А может быть, неопрятный Апорте? Этот макаронщик, впрочем, глубоко нырнул в Моссульскую нефть. Нет, абсурд! Советы в дружбе с Турцией. Ему не по пути с советами. Доктор Мерк разве...

Смешно подумать: патентованный отравитель народов и вдруг — шпион СССР! Абсурд...

Он перебирал в памяти своих ближайших сотрудников. И то, что ни одного из них нельзя было подозревать не только в

сочувствии к СССР, а даже в терпимости возмущало его больше, чем если бы он знал, что изменник — его ближайший доверенный и друг.

Так сидел мистер Сюлли, а на бледном матовом лице, как шквалы в море, двигались морщины.

День наполнял город. С улицы все настойчивее доносился шум, все глубже проникали в мрак комнаты солнечные лучи.

Мистер Сюлли надавил кнопку звонка. Бесшумно открылись невидимые двери, и перед ним очутился его племянник Адольф, доверенный и адъютант.

— Адольф, — сказал Сюлли, — пусть мне подадут кофе. Удвой бдительность и пришли мне этого, как его... Мильрея, что ли.

Пока Адольф производил анализ кофе, мистер Сюлли принялся за свою любимую ладанку — подарок пронырливого Фонигоры. Теперь он с ладанкой не расставался. Она стала для него таким же объектом страсти, как бывает у слабых людей к наркотикам.

Все свободное время мистер Сюлли разглядывал холодный хрусталь, стараясь разрешить тайну комбинаций ценных камней, узнать глубину их вечно изменяющихся контуров и форм. И каждый раз достаточно какого-нибудь нового, неошутимого светового нюанса, чтобы видеть в ладанке все новые и новые тайны, чтобы снова, как всегда, и с одинаковым результатом, стремиться узнать их суть.

Вот и теперь: едва Сюлли взгляделся в пестроту красок и яркость огней, как перспективы исчезли, и перед его глазами — бесконечные лабиринты, водопады, леса и долины, скалы и вершины...

Все без конца, без начала, беспрестанно меняет свои формы и наполняется новым и новым смыслом и значением. И он, Сюлли, уже не Сюлли...

Нет его строгого кабинета, нет его дома, построенного по последнему слову науки, нет заседаний, собраний, союзов, акций, войны, измен, газов и чумных бацилл... Нет этого тесного белья, ненужного твердого воротника. За спиной нет четырех десятков прожитых бесцельно лет, на шее не висят последние оставшиеся годы.

Сюлли — бессмертный, веселый юноша — в мягких, прозрачных и легких одеждах бродит среди разноцветных, ярких скал. Ему поют ручейки, в которых переливается радость алмаза с скромностью жемчуга, порхают райские птицы, несущие на своих хвостах звезды и зарницы; перед ним мягкие и сочные ковры не загаженных человеком долин; путь его легкий, и легка его походка, свободны мысли и радостен день... Как это он мог раньше...

— Мистер Сюлли! Мистер Сюлли!

Диктатор отрывает мутные глаза;

Перед ним еще плывут клочки миражей. Он пытается снова вернуться в тот таинственный мир, где все так прекрасно, где Сюлли только пастушок, только человек. Но Адольф упорно повторяет:

— Мистер Сюлли, мистер Сюлли, кофе остынет. Мильрей ждет распоряжений... Мистер Сюлли!

Диктатор вздыхает и проводит дрожащей рукою по высокому чуть влажному лбу.

— Что? Ах, это вы, Адольф! Так, так... Пусть войдет Мильрей. Удвойте бдительность... Так, так... Впрочем, вы не знаете, где живет этот индус Фонигора? Позвоните ему лично или передайте, чтобы зашел между восемью и девятью.

Адольф уходит, а мистер Сюлли прячет чудесную ладанку в боковой карман и принимает непринужденную и вместе с тем строгую позу. Лицо его становится холодным и бесстрастным. Только легкое трепетание пальцев и век говорит о том, что не совсем еще затихла буря в этом каменном сердце.

— Мильрей, — говорит он субъекту, неслышно вошедшему в одну из боковых дверей, — Мильрей, вы кажется жаловались, что вам нехватает на ремонт нервов и на кормление змей. Мы высоко целим ваши услуги. Вот, — и он протянул Мильрею чек на десять тысяч долларов, — это лучшее доказательство нашего хорошего отношения к вам. А теперь, вот что... — он приблизил рот к уху Мильрея, согнувшегося перед ним в позе дрессированного пуделя, и с неприкрытым отвращением на выхоленном лице стал объяснять новую задачу.

XXII ПОХОД БЕЗНОГИХ НА БЕРЛИН

Полицей-президенту Ремешу позвонили по секретному проводу из министерства:

— Алло, Ремешь? Господин министр принизали принять энергичные меры 3 самом срочном порядке. По некоторым сведениям, которые, кстати сказать, вы умудрились проворонить, сегодня назначен поход безногих на Берлин. Затея эта, конечно, опасностей не представляет, но нельзя умалять ее политического значения, в особенности сейчас, перед фактом неудачной войны. Необходимо пресечь это безобразие, но не доводить дело до скандала. Не вздумайте приказать своим молодцам стрелять, как это было в прошлом году во время демонстрации слепых. Боже вас сохрани, допустить подобную ошибку.

На случай обострения полиции рекомендуется воспользоваться пожарной охраной, применяя сильные паровые помпы. Только в крайнем случае можете воспользоваться услугами химических команд.

Полицей-президент Ремешь отковырял телефонному аппарату и сказал:

— Так точно! Слушаюсь!

Но когда он снова очутился за своим письменным столом, решимость его исчезла вместе с бравым видом. Задача предстояла трудная. И чем больше он думал о ней, тем меньше видел он возможностей ее разрешить. В самом деле: газы — в самом крайнем случае, насосы — в случае обострения... А катанием на автомобилях многого, конечно, не добьется.

Ремешь—старый социал-демократ — честный служака фашистов и «друг народа». Он знает, как легко споткнуться на таком деле. Иди потом доказывай, что случай был крайний, самый крайний, или никакого случая не было, а было простое обострение. Всегда так: мягко поступишь, — нахлобучка, решительно будешь действовать — опять нахлобучка. Все время ходишь, как по лезвию ножа. А тут еще коммунисты. Их согни, все равно, что пружину; того и гляди выпрямится, и все полетит вверх ногами. Однако надо принимать меры.

Он снял трубку телефонного аппарата:

— Дайте Гавкинса. Гавкинс? Немедленно зайдите ко мне.

Перед ним стоял востроносый круглый коротышка и, облизываясь, смотрел ему в глаза.

— Гавкинс, на сегодня назначен поход безногих.

— Хи-хи... — нерешительно засмеялся Гавкинс, — безногие пойдут...

— Гавкинс, не до шуток! Безногие придут, а уйти не захотят. Этим-то они я отличаются от двуногих; их конницей не

прогонишь, — они бежать не могут. Но вот что: из министерства даны указания: на случай обострения — помпы, на крайний случай — химические команды, ну, а на самый крайний случай, вы сами понимаете... Все дело в том, чтобы вызвать итог «самый крайний» или, по меньшей мере, «просто крайний» случай. Вы понимаете, Гавкинс? Тогда не нужно будет катать их в автомобилях, и порядок будет быстро восстановлен. Только надо стараться, чтобы в министерстве не было никаких сомнений насчет крайности случая. Идите, Гавкинс, и делайте свое дело.

Потом он вызвал начальника разведки Смокинга и сказал ему:

— Смокинг, готовится поход беговых на Берлин. Это все происки коммунистов. Нужно использовать положение. Не выпускайте из виду 19 из черного описки под крестами.

Когда Смокинг ушел, он вызвал Паразитуса. Этот худосочный и серолицый юноша, одетый по самой последней моде, производил впечатление голодной свиньи. Будто кто ее год не кормил. Его губы делали постоянные сосущие движения, во рту, казалось, он держал непереваримую жвачку.

— Что прикажете, господин полицей-президент? — голос его прозвучал откуда-то изнутри.

— Паразитус, сегодня вы можете доказать, что вы недаром кушаете хлеб. Смокингу и Гавкинсу даны ответственные поручения. Мобилизуйте своих ребят, проследите каждый их шаг и присылайте мне донесения.

Паразитуса сменил Таубе.

— Таубе, — сказал агенту Ремешь, — я не особенно доверяю Паразитусу. Сегодня ему дано ответственное поручение; будьте добры, следить за ним и за его молодцами. Будьте готовы в любую минуту обезвредить их. Каждые полчаса связывайтесь со иной по радиостановке «7-46 сек.».

Все эти лица входили и выходили в боковую дверь, скрытую в шкафу. Но вот в нормальную дверь вошел нормальный человек — делопроизводитель — советник Лемке и спросил:

— Вы звонили, гер полицей-президент?

— Да, я звонил. Гер Лемке, будьте добры составить телефоннограмму всем тридцати четырем районам о том, что порядку угрожают на этот раз безногие...

— Безработные, попробовал поправить шефа Лемке.

— Да не безработные, а, наоборот безногие!

— О, тогда не страшно!

— Вы ошибаетесь, Лемке. Это страшнее, чем вы думаете. Сообщите начальникам районов и гласной агентуре, что весь транспорт должен быть мобилизован и находиться при районах в распоряжении полицейпрезидиума. Пожарные команды должны выделить в распоряжение районов по одному паровому насосу. Центральная химическая оборона разбивается на 34 отряда, и каждый прикрепляется к соответствующему району. Конному резерву занять перекрестки на путях и площади Освобождения с тем, чтобы ни одного безногого, даже одноногого, на площадь не допускать.

Дав геру Лейке самые строгие указания, господин полицей-президент Ремешь поехал в военную комендатуру.

XXIII ГАХАНИ В ОПАСНОСТИ

Полковник Лавров уже несколько дней по-прежнему бодр и весел. Он начинает понимать, что его наивный провал в деле с «лабораторией трех» — явление обычное, что попытка разоружить его гуманностью, ставкой на рыцарскую честь — не больше, как новый метод большевиков, вызванный, очевидно, слабостью ГПУ.

Когда он вспоминал свои слезы и беспомощность, милосердие трех большевиков, — ненависть закипала в нем с страшной силой. Он чувствовал решительную потребность дать реванш. Не позволит же он, полковник Лавров, кавалер двух крестов святого Георгия, издеваться над собой двум безусым юнцам и сумасшедшему профессору на глазах всей культурной Европы!

Но из-за провала всех известных ему явок он предпринять ничего не мог и решил вернуться в Берлин за новыми инструкциями.

Из больницы его выписали без всяких проволочек. Первая же медицинская комиссия нашла состояние его здоровья удовлетворительным, посоветовала ему не волноваться, наделила его запасом брома и выписала на свободу.

В канцелярии больницы ему выдали бумажник с документами. Здесь находился в целости его основной документ на имя инвалида Красной армии Егора Самойлова, была записная книжка с цифровыми шифрами и зашифрованными явками... Все это достаточно удивило почтенного полковника. Но еще больше его удивило то, что в пакете оказалась солидная пачка червонцев. Он хорошо помнил, что денег при себе не имел. Откуда же эти большие деньги? Неужели, в самом деле, память изменяет ему! Но сомнения не долго беспокоили полковника.

Веселый и радостный, покинул он хмурый дом больницы и в первом же такси помчался на станцию воздухопутьи. Через час быстрый «Дорнье-комета-Люкс» мчал его в Смоленск.

Пока машина могучей грудью пробивала в воздухе путь, в «лаборатории трех» шла нормальная работа. Ипсилон сидел у небольшого отправителя; бормотало динамо, что-то потрескивало, где-то вспыхивали, озаряя комнату, как зарницы, искры. Антон и Семен склонились за спиною профессора и вслушивались в

каждое его слово. Профессор чуть слышно говорил в небольшой микрофон:

— Вы прекрасно себя чувствуете. Большевиков уничтожить легко. Армия ждет вашей помощи. Сюлли будет рад вашему приезду. Вы получите необходимые средства...

— Эти слова попадут в его мозг без помощи наушников. Они минуют его контрольный аппарат, они уже мысли, эссенция мыслей.

Тут же, у аппарата, между двумя валиками ползла бесконечная лента, вся расчерченная точками, черточками, зигзагами...

— Вот его воля, его мысли. Все в наших руках! — оказал Антон, указывая на ленту.

— Через него эта строчка передаст нам все планы террористов. Мы будем знать все, что он узнает.

Сказав это, Ипсилон с тревогой посмотрел в лицо Антона. Тот был бледнее обыкновенного.

— Как у тебя, Антон, с восемнадцатью? — внимательно опросил профессор.

— Зарядка, кажется, слабеет. Путаются передачи, — слабым голосом ответил Антон.

— И мои тысяча триста хромают, — вставил Семен. — Трудно разобрать.

— Друзья мои, — весело сказал Ипсилон, — это мелочи. Я заканчиваю сборку аппарата и намагничивание бумаги. Вы знаете, что это значит? Это значит, что не больше как через неделю мы будем иметь формулу мозговой деятельности руководителей мирового фашизма. Достаточно на пять минут опаять лоб лентой из этой бумаги, и мой саморегулирующийся аппарат немедленно запишет формулу. — Профессор стал радостно потирать свои маленькие руки.

В эту минуту с ровными перерывами четыре раза прохрипел рожок. Ипсилон вскочил, задергался:

— Гахани! Опасность! — крикнул он, выбегая из комнаты.

Кривляясь и прихрамывая, за ним побежал Антон. Семен перегнал его у самой двери и, обернувшись, крикнул.

— Шкандыбаешь, брат? Шкандыбай, шкандыбай, оно полезно.

Антон плюнул и выругался:

— Иди ты к чёрту со своими шутками. Вечно бы зубы скалил.

Уже из коридора донесся веселый голос Семена:

— А ты давно зубы перестал скалить? Эх, ты, ученый!..

— Важные новости, — встретил их Ипсилон. — Гахани арестован! Ему грозит серьезная опасность. Беда в том, что наши аккумуляторы в розетках выдохлись. Это была последняя передача. Он успел еще сообщить, что на берегу Роны профессор Ремслей закончил опыты с лучами смерти. Гахани верит в смертоносность этих лучей. Они — действительность. Теперь, больше чем, когда бы то ни было, необходимо немедленно вмешаться.

Потом он забормотал:

— Если бы удалось сконструировать зеркало, отбрасывающее всякие лучи, как световые, можно было бы изобретение обратить против наших врагов. Но у нас нет для этого времени.

— К машине! Вперед! Через час мы должны быть в Берлине!

— Всегда готов, — слабо усмехаясь, ответил Антон.

— Ты, Семен, останешься в лаборатории, — приказал Ипсилон.

— Значит, я вам не нужен? — бросая исподлобья взгляды, спросил Семен.

— Не нужен, — сквозь зубы сказал Ипсилон.

— Ладно, — буркнул Семен и отвернулся.

И опять в тот день радиоавиоразведчики на фронте отметили молниеносное прохождение на большой высоте какого-то неизвестного вращающегося тела.

XXIV КТО УБИЛ?

Почтенный мистер Мальви в тревоге. Страх, навеянный уведомлением Сюлли, усилился от того, что он заметил у себя под окном серую тень человека, явно следящего за его домом. Это неслыханно! Мистер Мальви, интернационалист, «лидер-лидеров», как его называла социал-демократическая пресса, старый друг известного «рабочего лидера» Носке, приятель дряхлого Шейдемана, член неофициальной лиги международных бандитов, один из тех, приказам кого покорны армии душителей и разрушителей, — старый почтенный мистер Мальви — владелец акций трех синдикатов — сам стал объектом слежки. Это сон, это невозможно!

Мальви вызывает к телефону мистера Сюлли:

— Сюлли, милый, вы правы, измена! За мной следят. Инспектор полиции ничего не знал. Теперь его люди уже следят за этим страшным человеком... Готовится покушение... Агент Москвы... Безусловно.... Вероятно... Что? Охрана? Какая охрана? По вашему приказанию? Что? Надежные люди? В связи с изменой и опасностью. Благодарю, очень благодарен за внимание, дорогой Сюлли....

Тревога мистера Мальви растет. Сюлли следит... Охрана... О, он знает эту охрану!

И мистер Мальви решает принять свои меры. Он зовет своего сына Теодора Мальви — капитана белых кирасиров — и долго о чем-то с ним шепчется.

В это время мистер Сюлли громит Мильрея:

— Вам нельзя доверять. Вы не агент, не доверенный, а чёрт знает кто! Это называется слежка? Неужели вам нужно напоминать, что тут нужны особые приемы? Учить вас азбуке? И это называется начальник моей личной секретной охраны! Позор! Я даю вам полчаса! Провал должен быть ликвидирован! Действуйте!

Теодор Мальви вышел из дому, но через десять минут вернулся и сказал отцу:

— Убит!

— Ты, лично?.. Что за неосторожность!

— Нет, не я.

— А кто же?

— Не знаю, — коротко ответил капитан кирасиров.

Старый Мальви схватился за голову и подбежал к окну. Собиралась толпа. Примчался автомобиль скорой помощи. Кого-то втаскивали в машину. Мальви узнал человека, следившего за его домом.

Через две минуты раздался телефонный звонок:

— Алло, мистер Мальви! Говорит полицей-президент Ремеш. Мне донесли, что за вашим домом следил неизвестный. Только что сообщили, что этот неизвестный убит, а у его трупа видели вашего сына — капитана белых кирасиров мистера Теодора Мальви. Как мне ни неприятно, я буду вынужден просить вас назначить время для беседы по этому, неприятному поводу.

Повесив трубку, старый Мальви позвонил по прямому секретному проводу мистеру Сюлли.

— Сюлли, дорогой. Это что-то непонятное... Я к вам за советом. Этот самый, что следил — убит...

— Что вы! — прокричал Сюлли. — Кем убит?

— В том-то и дело, что неизвестно... Мне только что звонил Ремеш. Представьте, они осмеливаются подозревать моего Теодора.

— Что вы? — опять удивился Сюлли, — не может быть!

— Да, да, именно так...

— Дорогой Мальви, не беспокойтесь. Я сейчас распоряжусь. Оба повесили трубки.

Мистер Мальви бегал по комнате и в пятый раз обращался к спокойно курившему сигару Теодору:

— Кто же тогда, если не ты?

— Справный, вопрос: откуда я могу знать! — сказал Теодор, затягиваясь дымам сигары.

Мистер Мальви снова кинулся к телефону, схватил трубку:

— Алло, алло... алло, чёрт возьми!

Станция не отвечала. Тогда Мальви кинулся к секретному проводу:

— Алло! Алло... — ответа нет.

Он проверил сигнализатор, — тока не оказалось.

— Что за чертовщина! — крикнул он взбешенно. — Что это за шутки! — И опять кинулся к телефону. Но результат был тот же. Вдруг Теодор подбежал к окну, распахнул его и стал прислушиваться.

В комнату ворвался смутный все возрастающий гул, превратившийся вскоре в сплошной рев и вопли.

— О, старик, — надо бежать отсюда. Пахнет чем-то вроде революции, — сказал Теодор отцу.

Вдали, на асфальте показалась странная колонна. Люди, ростом не больше ребенка, но несомненно взрослые люди, с

большими головами и широкими плечами, быстро приближались густыми рядами во всю ширину улицы.

Над толпой реяли красные знамена. Двухэтажный автобус компании электромоторов Смитса, выкатившийся из поперечной улицы навстречу процессии безногих, неожиданно поднялся на дыбы и полетел на бок. В ту же минуту его покрыли безногие, катя по нем свои тележки, как по асфальту. Автобус превратился в скалу, захлестываемую всепобеждающим потоком безногих.

— Странно, вожаком у них двуногая женщина, сказал Теодор.

Безногие кричали:

— Отдайте нам наши ноги. Смерть капиталистам! Война поджигателям войны!

Под их напором падали телефонные столбы, мачты электрических фонарей; опрокидывались трамвайные вагоны, автобусы, грузовики, шикарные ландо... Киоски лимонадщиков разлетались в щепы, рекламные тумбы лопались и исчезали под тележками...

Казалось, ничто не может устоять против этого стихийного напора.

Впереди процессии шла высокая стройная женщина в черном. И в передних рядах часто слышалось ее имя.

— Фрейлин Куртц знает... Учительница Куртц говорила...

Бесстрашная предводительница безногих несла в руках большое красное знамя, на котором золотом было вышито:

— Да здравствует мировой союз советских коммунистических республик! Да здравствует хозяин земли — мировой пролетариат!

Раздался цокот подкованных лошадей. С противоположного конца длинной «Улицы героев» показался отряд белых кирасиров

— фашистской конной гвардии, сформированной из представителей капиталистической молодежи.

Вперед выехал еще молодой генерал, сухой и ровный; сохраняя на лице каменное спокойствие, он крикнул:

— Рас-ходитесь!

Приказание вызвало обратное действие. С глухим гулом тележки покатались по асфальту навстречу коннице.

— Автоматы! — скомандовал генерал.

Холодно блеснули вороненой сталью короткие ружья-автоматы. Но лошади стали испуганно пятиться перед тележками, некоторые взметнулись на дыбы.

— Осмелюсь доложить, — молодой лейтенант осадил вороную кобылу подле генерала, — совет нашего отряда находит неудобным сражаться с безногими.

— Кто вам сказал, что мы будем сражаться с этой падалью? — не открывая рта, буркнул генерал.

— Эскадрон, пли... пли!..

Мистер Сюлли из своей уборной слышал треск залпов и решил выглянуть в окно. Тихонько пройдя свой кабинет, где сквозной ветер играл секретными бумагами, он заглянул в щель между портьерой и окнам и видел, что белые кирасиры, гордость лиги, галопом уходили от преследовавших их на своих тележках безногих. Они хватали лошадей за ноги, опрокидывали отставших и рвали в клочья не успевших бежать кирасиров.

...Засадавшая у министра внутренних дел комиссия отклоняла одно смелое предложение за другим.

Предложение гера Штиблица накормить инвалидов недоброкачественной колбасой собственной фабрики было справедливо принято как попытка сбыть вонючую колбасу министру внутренних дел. Поэтому его конкурент — гер Безесман

предложил, наоборот, накормить безногих доброкачественными продуктами до отвала, чтобы понизить их активность за счет пищеварения. Оба проекта страдали еще тем дефектом, что не упакывали способа, каким можно понудить стотысячную массу одновременно приступить к насыщению. Однако выход был найден.

Около шести часов вечера на улицах появились сотни грузовиков, сгружая повсюду громадные бочки, наполненные старым, бургундским вином.

Сгоравшие от жажды безногие бросились разбивать днища.

Напрасно женщина в черном мчалась на маленькой машине от группы к группе, — убеждала, просила умоляла, приказывала — ничего не помогло.

В два часа ночи город трясся от многоголосого пьяного и беспомощного рева.

И тогда началась настоящая работа автотранспорта. Безногих без сопротивления отдирали от тележек, наваливали, как мешки с картофелем, в машины и отвозили далеко за город.

Полицей-президент Ремешь в семь часов утра донес господину министру, что «ассенизационная работа» кончена: инвалиды вывезены, тележки сожжены.

Фрейлин Куртц была отведена в полицейпрезидиум, и утром в тюремном регистре бы до записано: одиночка № 417. Неизвестная, назвавшаяся учительницей Куртц, — по всем признакам полномочный агент Москвы. Соблюдать правила для смертников.

Под этой записью расписался дежурный комендант тюрьмы — фашистский майор Герман, который сказал пришедшему сменить его капитану Купне:

— В 417 камере сидит дьявол в юбке, вождь безногих — доверенный Коминтерна и еще чёрт знает кто. Следите за ней лично. Никому не доверяйте, не пускайте к ней никого!

XXV

Капитан Купна прекрасно помнил предупреждения своего друга майора Германа. Чуть ли не каждые полчаса подходил он к двери камеры № 417 и заглядывал в глазок.

Женщина в черном преспокойно читала томик Вергилия — единственную книгу, пропущенную к ней администрацией. Купна не мог не удивиться ее стойкости и выдержанности.

Приговор был ей объявлен накануне, и она знала, что под утро ее повесят. Но, вместо того, чтобы хоть чем-нибудь показать свое смущение, если не страх, женщина эта преспокойно читала Вергилия, и на ее высоком лбу не было и следа тревожных дум, — ни одной морщинки, ни признака тени.

В два часа ночи, когда Купна возвращался из очередного похода, над тюремным двором что-то промчалось с гудением, подобным гуду тяжелого снаряда, и лопнуло с грохотом и гулом в Дальнем углу.

От неожиданности Купна подпрыгнул, потом швырнул свою железную каску оземь. Через полминуты он пришел в себя, поднял каску, вытер ее носовым платком, надел на голову и твердым шагом прошел к тому месту двора, где еще тлели на земле искры, оставшиеся после взрыва,

Темнота мешала осмотру места, и Купна побежал к телефону. Навстречу ему попадались солдаты караула, тревожно спрашивающие:

— Где стреляют? Что произошло?

Купна набегу успокаивал их. Запыхавшись, прибежал он в канцелярию и приказал немедленно вызвать прожекторный отряд. Пока дежурный надзиратель звонил по телефону, пока начальник караула разводил дополнительных часовых, а эскадрон белых кирасиров окружал тюрьму, Купна ходил по большой комнате дежурных из угла в угол и старался привести в порядок свои мысли. В это время ему стало казаться, что он забыл нечто важное, что он чего-то не сделал, не выполнил какого-то распоряжения. Он стал морщить лоб, потирать его руками и вдруг вспомнил.

«Нужно немедленно освободить заключенную в камере № 417 — честную учительницу фрейлин Куртц, случайно арестованную по какому-то нелепому недоразумению».

Капитан Купна поспешил исправить свою оплошность и, запасшись связкой ключей, направился в корпус особо важных преступников. Здесь он открыл тяжелую дверь камеры № 417 и самым вежливым образом пригласил заключенную следовать за собой.

Когда они проходили по двору, прожекторный отряд уже поспешно устанавливал свои моторы, и солдаты регулировали прожектор.

Долго Купна не мог понять, что собственно происходит во дворе, и когда на его вопрос начальник караула доложил ему, что отряд вызван по его приказанию, он сделал вид, что все в порядке, что все именно так и должно быть, но потом всю дорогу морщил свой низкий лоб, мучительно стараясь припомнить, когда и по какому поводу он отдавал распоряжение вызвать прожекторный отряд.

В комнате дежурных его ждал известный «лидер лидеров» — мистер Мальви. Старик казался озабоченным и, не скрывая тревоги, вместо приветствия, обратился к капитану с вопросом:

— Камера номер четыреста семнадцать? Фрейлин Куртц?

— Здесь, — сказал Купна, отстраняясь и освобождая место идущей за ним учительнице. Ему и в голову не пришло, что такой вопрос, даже со стороны «лидер-лидеров», по меньшей мере нетактичен, тем более, что неизвестно к чему, собственно, он направлен.

Мистер Мальви протянул женщине обе руки и, с жаром тряся ее руку, заговорил:

— Я так волновался, я так ужасно волновался... Слава богу, все благополучно.

Капитан Купна сам проводил учительницу и мистера Мальви к машине, где ждал их Теодор.

Заревела сирена, машина рванулась с места, а капитан Купна, приложив руку к козырьку, долго еще глядел ей вслед, сохраняя самую почтительную позу,

Мистер Мальви почему-то вдруг решил, что ему нужно ехать за город в Гартенбюрге, где кто-то ждет его. Он не мог вспомнить, кто именно и по какому случаю, но для него было ясно, что именно туда нужно направить бег машины. Теодор еще раз недоуменно пожал плечами, но не стал спорить, и машина, пересекая улицы, промчалась по Вильгельм-штрассе, завернула на улицу Депутатов и выехала узким переулком Семи аббатов за город.

Стройные тополя, казалось, летели навстречу, падая у передних колес и снова подымаясь позади. Ветер ревел и рвал; свист стоял в ушах трех пассажиров.

Вдруг мистер Мальви толкнул Теодора в спину и закричал:

— Куда ты так гонишь? У меня ветром шляпу сорвало!

Теодор обернулся и, усмехаясь, сказал:

— Ты ведь сам приказал полный газ...

— Да, но какого чёрта мы здесь делаем! И что это с нами за женщина! Я ее не знаю!

— Отец, ты ведь сам приказал... К тому же ты за обедом не пил.

— В чем дело? Этот мальчишка смеет мне указывать! Да знаешь ли ты... Поворачивай. А вы, мадам, будьте добры освободить машину. Пошевеливайтесь, мадам!

Учительница в свою очередь пожала плечами и с пренебрежительной миной на лице покинула машину.

XXI

На поляне перед дачей Гахани снова появилась группа высоких деревьев. Внимательный наблюдатель мог бы заметить, что в гуще листьев на вершине одного из деревьев иногда мерцает чуть видный огонек. Но, очевидно, никому не приходило в голову, что деревья эти появились здесь всего тремя днями раньше и что огонек, мерцающий на вершине, — свет, падающий из кабины «Дикого 3».

Профессор Ипсилон удобно сидел на мягком диване, когда в кабине раздался сигнальный звонок. Антон, прихрамывая, подошел к маленькому экрану на стене и нажал кнопку, по экрану поплыли смутные изображения.

— Какая-то женщина пересекает поляну, — сказал он Ипсилону. Тот, точно не слыша, сказал:

— Милый Антон, дайте-ка мне сигару и снимите ваш башмак.

— Я вам говорю, профессор, что по направлению к нам идет какая-то женщина в черном.

— А я вам говорю, дорогой Антон, что мне хочется курить, а вам необходимо снять башмак.

— Женщина находится в двух шагах от замаскированной треноги, — сказал Антон.

— Да, но я не вижу сигары, — ответил Ипсилон.

— Женщина подымается к нам.

— Почему вы не снимаете башмак?

В это время в дверь кабины постучали.

— Откройте, Антон, — сказал Ипсилон. Антон открыл. Вошла фрейлин Куртц и кинулась на шею профессору.

— Ну, дочечка, как понравился тебе твой кавалер, капитан Купна?!

— Обаятельный мужнина, любезный сверх меры, — смеясь, ответила женщина. — Ну, а мистер Мальви, он — просто очарователен. На своей машине довез меня чуть ли не до самой дачи.

— Старый осел наверно ругается вовсю, — потирая руки, оказал Ипсилон. — Кстати, Антон, почему вы не приветствуете нашего друга? Ведь вы кажется знакомы: моя дочь — Гахани.

Антон выпучил глаза и стал разглядывать девушку. Потом смущенно протянул руку и сказал:

— Ни за что бы не подумал...

— Это плохой комплимент для девушки, — все с той же приветливой улыбкой ответила она.

— Теперь, кажется, нас здесь больше ничто не задерживает, — сказал Ипсилон. — Как будто бы можно возвратиться в Харьков и закончить работу.

— Да, следовало бы, — согласился Антон.

Уже через два часа друзья приступили к выполнению своих планов с помощью ипсионовского аппарата радиомысли.

Семен был удивлен не менее Антона, узнав, что Гахани — не мужчина, а дочь профессора Ипсилона. Но еще больше удивились оба, когда узнали, что таинственный Фонигора и Гахани — одно и то же лицо.

Пока Ипсилон настраивал аппарат, Антон снял ботинки и прилег на диван. Семен вышел в свою комнату. Ипсилон запер дверь и взял левый башмак Антона. Он всадил руку внутрь и покачал головой.

Антон крепко спал. Профессор Ипсилон поставил башмак на место, достал из письменного стола какую-то бумажку, вышел в переднюю и положил ее в фуражку Семена.

Потом он приступил к работе.

XXVII

Сюлли сидел в глубокой задумчивости. Такого плохого настроения у него давно не было. Он чувствовал, что происходит что-то необычное, непредвиденное; ему казалось, что кто-то перепутал его планы, кто-то, всемогущий, работает в нем за него. Он чувствовал потребность крикнуть так, чтобы задрожал мир:

«Неправда! Я знаю, что делаю! Указаний не потерплю!»—Но мысли разбегались, и в голове ворочался только страшный вопрос: «Что делать? Что же делать?».

И, как всегда в труднее минуты; он вспоминал про ладанку. Но раньше чем углубиться в ее разглядывание, он позвонил в президиум совета и сообщил, что непредвиденные обстоятельства заставляют его просить отложить заседание до 8 часов утра.

Потом он взял ладанку в руки и так, с шапочкой на голове, всю ночь неподвижно просидел в своем кабинете.

Без пяти восемь у подъезда завывла сирена автомобиля. Сюлли вспомнил о заседании — оделся и вышел. Но даже в автомобиле он не разлучался с ладонной и скоро почувствовал, что в беге машины рассеиваются его тяжелые мысли... Ему начало казаться, что дело не в Советском союзе, не в войне с ним и не в постоянном стяжательстве. Он начал анализировать и увидел, что за свою жизнь он не только ни минуты не был счастлив, но даже не представлял себе, что такое настоящее счастье. Он — всемогущий миллионер и диктатор—никогда не жил для себя, никогда не жил для людей. Для кого же? Для кого же, чёрт восьми?!

Понемногу в голове Сюлли воцарился хаос. Он потерял контроль над мыслями,

Машина бесшумно остановилась у дома доктора Мерка, где было назначено заседание совета. Сюлли легко взбежал по ступенькам. Члены совета уже были на месте. У всех на головах! были мягкие шапочки, один доктор Мерк был с непокрытой головой. Он только что собрался открыть заседание, как вбежал Сюлли и крикнул:

— Прошу слово для внеочередного заявления!

Сюлли откашлялся, выдвинул, вперед правую ногу, поднял руку и крикнул:

— Товарищи, долой войну! Товарищи, долой капитал! Да здравствует наилучшая в мире власть советов, власть, несущая счастье всему человечеству. Товарищи...

Доктор Мерк, зажал ему рот и выволок его в соседнюю комнату.

Не успели собравшиеся успокоиться, как раздался вызов к телефону, связывающему квартиру Мерка с замком профессора Ремелея. Бледный и перепуганный, Мерк стоял у телефона и топал, ногами. Потом он развел руками, сорвал трубку и закричал:

— Профессор Ремелей осмеливается ставить нам условия. Ультиматум! Он заявляет, что, если в течение двух часов мы заключим мира с Советским союзом, то его лучи будут направлены на нашу столицу. Его нужно немедленно обезвредить, уничтожить.

Но неожиданно для мистера Мерка синьор Никчема заявил:

— Его право. Кого хочет, того и сжигает.

Солидный старик вдруг начал танцевать и выкрикивать:

— Я убил Сюлли! Я убил Сюлли!

Вдруг все члены совета — министры, сенаторы, миллионеры, вельможи — поднялись с мест, начали обнимать друг друга, целоваться и выкрикивать:

— Да здравствует коммунистическая партия!

Доктор Мерк схватится за голову и закричал:

— Караул! Спасите!

А на улице гремели шаги миллионной толпы. Полыхали красные знамена, болтались чучела, вопили плакаты. Впереди бесчисленной колонны демонстрантов выступала нескончаемая процессия безногих на тележках. Многие только что приползли на руках из далеких окрестностей и теперь сидели в качестве пассажиров па тележке за спинами более счастливых товарищей.

Шло братание рабочих с солдатами тылового ополчения, набранными частично из пролетариата. Но вот показался отряд белых кирасиров. Командир его, истукано-образный генерал, снял каску и, оставшись в одной шапочке, поклонился инвалидам и сказал:

— Вверенный мне полк отныне в распоряжение пролетариата.

Вскоре к процессии присоединилась делегация командиров, прибывших с фронта. Все они были в мягких пуховых шапочках, подаренных им Фонигорой.

В этот самый час в парламентах старого и нового света раздались клики:

— Да здравствует советская власть! Да здравствует мировая коммунистическая партия!

Самые реакционные и консервативные депутаты, вместе с некоторыми министрами, очутились в домах для умалишенных.

К семи часам вечера уже был организован аппарат Первого германского совета красноармейских рабочих и крестьянских депутатов. Товарищ Тельман — член политбюро германской компартии и представитель нового рабоче-крестьянского

правительства— в 8 час. вечера вылетел в СССР для переговоров об организации Союза европейских, советских социалистических республик.

А в 12 часов ночи в Харькове, в «лаборатории трех» вдруг констатировали, что аппарат радиомысли переслал работать.

Ипсилон стал тереть свою лысину.

— Не иначе, как всасывающая бумага размагнитилась.

Антон, уже принявший свой обычный веселый вид, прищелкнул пальцами, свистнул и сказал:

— Вот вам ваша машина. Если бы массы не поднялись, ничего бы из ваших затей не вышло.

— А если бы наши машины не сослужили свою службу, не так легко было бы массам победить.

— Согласен, — сказал Антон, шутливо кланяясь.

В это время из-под аппарата на ленте появились связанные записи:

«Почему он весел? Почему он опять весел? «Ведь легкомыслие губит его. Неужели пластинка выпала?»

— Антон, знаешь, чья эта галиматья? — спросил профессор. Это откровенности нашего друга Семена. Теперь все ясно. Вот эту штучку он загнал тебе, в башмак, чтобы сделать тебя серьезней, и я с ним вполне согласен. Вот эта маленькая пластинка прекрасно влияла, на твой большой характер. Как все великие люди, ты не знал, что и где именно тебе мешает. Но этого было достаточно, чтобы все твое отношение к жизни стало иным.

Па улице гремели оркестры, — рабоче-крестьянская армия проходила церемониальным маршем в честь представителя пролетарской Германии товарища Тельмана. И грохот этих шагов вместе с ревом оркестров доносился до отдаленной «лаборатории трех».

**Острозубая
комса**

ЧЕЛОВЕК И ВЕТЕР

Летом наверху пасут скот. Зимой ветер делает яйлу¹ сырой и негостеприимной. Летняя прохлада к зиме превращается в стойкие морозы с твердым покровом снега, скрывающего под собой пропасти, рытвины, складки. Не всякий горец отважится в это время подняться на яйлу. Грозен и хмур зимой Чатыр-Даг².

Далеко видать: там, где серая змейка дороги исчезает в блеске снега, под самой яйлой прилепилась— вроде ласточкиного гнезда избушка. Летом в этой избушке хранят удои, варят пищу, зимой ежится под ударами ветра жидкое строение, чтобы с весенним солнцем снова радушно распахнуть дверь и окна навстречу дорогим гостям-пастухам.

Прекрасен в голубом просторе, опоясанный золотом утренней зари, весной, Чатыр-Даг. Угрюм и мрачен, в шапке снегов и туманов, нахлобученной по нос, Чатыр-Даг зимой. Крепкие, колючие ветры высвистывают и выстукивают свою песнь отчаяния, холод сверлит ходы и перекаты, лощины и пропасти. Спит тогда Чатыр-Даг, и нее живое засыпает, прячется или уходит за полосу сухого снега.

Бегут годы— откладывают на листьях и томах истории века; меняется в долинах, растет и ширится жизнь. Генуэзцы³ сменили турок, татары — генуэзцев, казаки—татар. „Его Величества” Ливадийский дворец приютил невиданных гостей — моряков армии Дыбенко, над главным городом Крыма, Симферополем

¹ Котловина на вершине Чатыр-Дага.

² Гора в Крыму.

³Выходцы из итальянской провинции Генуи.

полощутся в ласковых утренних ветрах пурпурные флаги, адмиралу Нахимову, возведенному из бронзы и гранита над зданиями

Севастополя, услужливо надели на голову корзину.

Меняются времена, меняются люди, нравы, обычаи. По-старому упирается в облака своей остророброй спиной Чатыр-Даг с прыщиками меж ребер — поселками, с родимыми пятнышками и веснушками — пастушьими хижинами под яйлой, с бархатом сочных трав на склонах летом и с мертвыми снегами зимой.

Зима 1920 года плотно села на плечи Крыма. Но в ту зиму вокруг маленькой, жидкой хижины под яйлой, там, где

кончаются ветви дороги, что бежит от самой долины Альмы в горы, в снегу появились следы, оставленные обутыми человеческими ступнями. С каждым днем количество отпечатков увеличивалось и расширялась площадь, захваченная их узорами; уже впервые появившиеся следы потемнели, затвердели, а рядом, скрещиваясь и путаясь со старыми, появлялись все новые и новые, чистые, свежие отпечатки чьих-то ног.

По ночам, когда гудели заснеженные скалы в унисон гомону ветра, над утлой хижинкой рвал ветер тонкую пряжу невидимого во мраке человеку серого дыма. Иногда тот же неумный бродяга-

ветер хоронил в своем реве и вое глухие удары, вырывавшиеся из-под человеческих рук, не то в самой хижине, не то где-то подле нее.

То была чуть ли не первая зима, когда ветру пришлось под самой яйлой вступить в борьбу с человеком.

Человек упорно боролся. Он заколотил, заклеил, замазал все щели в хижине, он вычистил сажу, мусор и галочки гнезда из дымохода, он собрал мох и слежавшуюся мертвую траву, разрывая для этого на десятках сажен толстый и плотный покров снега, чтобы этим топливом поддерживать тепло в убогой хижине.

А ветер с разбега наваливался на чахлое жилище, толкал и, дергая, пытался обхватить, чтоб, завертев, вырвать с корнем или столкнуть в бездну все человеческое. В такие минуты бледный, бородатый человек вскакивал с жесткого ложа, быстро застегивал на все крючки овчинный полушубок и, по-волчьи сверкая во мраке глазами, выходил наружу, навстречу ветру. Здесь, упорно сопротивляясь ударам, он восстанавливал только что разметанные бугры снега, защищавшие от ветра стены хижины, крепил крышу бревнами или, как крот, прокапывал ходы в нанесенных ветром снежных холмах.

Так, до изнеможения, боролся человек со злым северным ветром под гребнем Чатыр-Дага. Но бывали дни, когда ему на помощь приходил неожиданный союзник — ливанский ветер. Этот мягкий и теплый ветер, прилетавший из далеких африканских и азиатских пустынь, заставлял розоветь снежные покровы, разливал в воздухе аромат апельсиновых рощ и цветов горького миндаля, разгонял злые туманы и тучи, покрывавшие большую половину Чатыр-Дага. И тогда расцветали долины, море глухо рокотало, глубоко дыша и вздымаясь под лаской доброго ветра.

Бледный обитатель хижины, примостившись между рогами двух скал, в такие минуты затуманенными глазами скользил по бесконечной, иссиня-стальной поверхности моря и тоже, как и море, дышал полной грудью. Для него было большой радостью видеть этот необъятный простор после многих дней осады туч и туманов, скрывавших величественную безграничность далей.

И когда еле видный клочок чуть рябящего, сине-стального простора сгущался, темнел, принимая вид медленно передвигающейся соломинки, бледный человек, казалось, весь устремлялся к этому пигмейскому¹ предмету и ему чудилось, что он различает людей на палубе парохода и дым, валящийся из его труб. С какой радостью ринулся бы он вниз, через скалы и пропасти, через реки и леса, через селения и города — вниз к пароходу, чтоб плыть к родным берегам!

Бледный человек мечтал; глаза его то загорались, то угасали. Иногда голова его быстро подымалась навстречу теплomu ветру, чтобы через минуту снова низко опуститься на грудь.

А туман, понемногу, незаметно подымался из долин и пропастей, цепляясь за каждый бугорок, каждую расселинку, подымался все выше и выше, окаймляя сначала кипарисовые рощи, потом сосновые и дубовые леса, и на пороге вновь отвердевших снегов сливался с тучами.

Одинокiй человек медленно подымался и, пересекая зловещие тени, уже павшие на только-что горевший радугой снег, брел в свою убогую хижину, чтобы через несколько часов вступить в обычную жестокую борьбу с северным ветром.

¹ Бесконечно малый.

ТАИНСТВЕННОЕ СУДНО

Неподалеку от селения Коктебель, где прямо в море сбегают крутые склоны скалистых гор, в расщелине между двумя скалами притаился остов небольшого судна. С моря не видно ни его белых струганных боков, ни бугшприта, вчера только появившегося на носу, ни людей, день и ночь хлопочущих на палубе, в кубрике¹ и трюме. Всего несколькими днями раньше, ночью с моря пришел баркас², выгрузили материалы, провизию и людей. Невидимые, ходили люди с баркаса на скалы, со скал к баркасу; гремели складываемые доски, ворчали откатываемые бочки, грузно шлепались сложенные в тяжелые кипы паруса, а на утро у скал снова тихо плескались немые волны, но за скалами уже была жизнь, кипела работа.

Скоро меж скалами появился и начал подниматься все выше и выше пузатый остов небольшого судна. Днем, при хмурым солнечном свете, ночью — при фонарях неведомые люди крепили, прилаживали, стругали, пилили, стягивали, торопливо воздвигая новое судно.

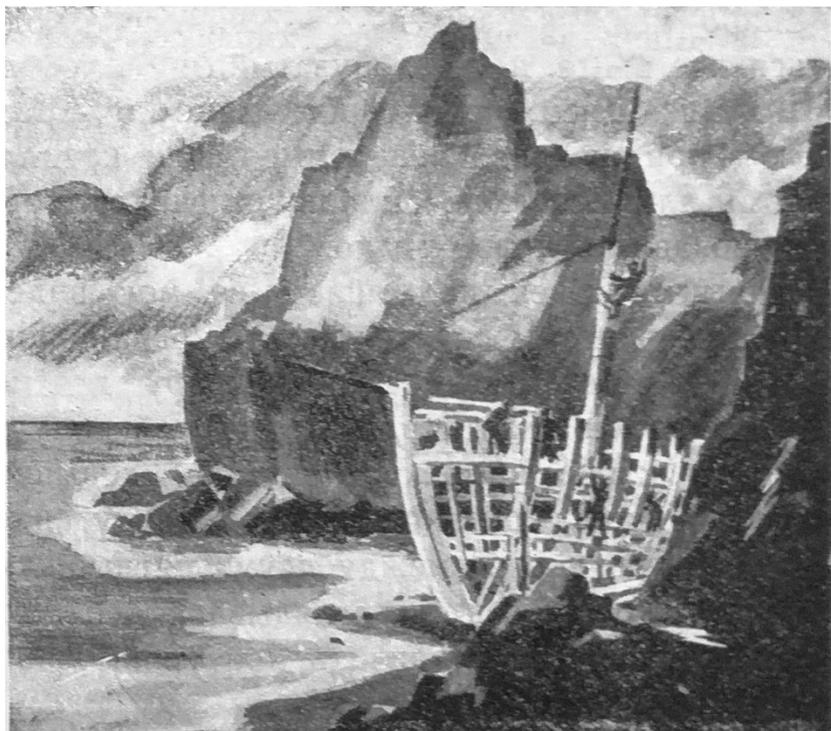
Бледный человек под яйлой не мог видеть жизни на берегу. Даже в те минуты, когда добрый ливанский ветер открывал его взору далекое море, не мог он схватить зрачками той кипучей жизни, что клокотала вокруг белого суденышка. Иногда, только в особенно хорошую погоду, видел он чуть заметную рябь между

¹ Помещение для команды в носовой части судна.

² Большая килевая лодка, способная идти под веслами и под парусами.

двумя пятнышками скал. Но сколько он ни вглядывался, в этой ряби никак не мог различить контуров, линий, форм.

Молодые строители, задирая головы кверху, видели на грязно-белом фоне снега, венчавшего гряды Чатыр-Дага, рыжее пятнышко — пастуший домик у яйлы. Но, несмотря на то, что у них был хороший цейсовский бинокль, на разделявшем их

расстоянии они не замечали у домика признаков жизни. Да и не могли они подозревать к тому же, что там, в обиталище ветров и бурь, живет человек.

В складах, по склонам гор, между людьми у судна и человеком у домика, растянулись десятки благоухающих даже

зимой селений. В этих селениях люди жали виноград, мыли и чистили овечью шерсть, выжимали из молока брынзу и кочковали¹; пряли, шили, варили, ели, пили, спали, не подозревая, что внизу, за скользкими холодными скалами, смелые, настойчивые и терпеливые люди борются со стихией, воздвигая корпус судна, а наверху, в снегах, на пороге яйлы борется с ветром одинокий, тоже терпеливый и настойчивый бледный человек.

И не случайно в селениях не знали о работе внизу и жизни наверху. Строители, по-видимому, тщательно скрывали свою работу (об этом говорило и место, выбранное ими). Человек же наверху, конечно, не по своей воле еженощно вступал в тяжелую борьбу с ветром. Он не был также и чудаком, спортсменом или любителем эксцентричных пари; он попросту скрывался от преследований в неприступных, снегах яйлы и предпочитал лучше погибнуть в объятиях вольного ветра, нежели от руки человека.

Вскоре ветру на помощь пришел надежный союзник— голод. Обитатель маленькой хижины теперь не мог с прежней настойчивостью защищаться от ветра. Он обессилел от недоедания, и когда его мешок с провизией совершенно опустел, а в самодельные силки перестали попадаться даже мыши, бледный человек оперся на палку и, шатаясь, принялся спускаться по крутой и извилистой тропинке.

Ветер словно праздновал победу: с торжествующим свистом вертелся он вокруг ослабевшего человека. Он ввинчивал в хмурые нависших туч столбы из мелкого, сухого и острого снега, он дергал за полы полушубка, будто старался сорвать его с исхудавших плеч, и бил в дрожащие ноги человека, чтобы опрокинуть и похоронить, обрушив на беспомощное тело снежные столбы.

¹ Козий сыр.

Но человек, вонзив синие ногти в дерево палки, упираясь в нее зачастую всем телом, упорно, шаг за шагом, продолжал трудный и опасный спуск.

А внизу, там, где холодные волны в слепой злобе бились о подножие кряжа, достукивали последние удары молотков, оснащивали только-то закрепленные мачты; молодые, сильные и упорные люди заканчивали стройку.

ГОРЕ СТАРОГО ДЖЕМАЛЛЭДИН-АКАЙЯ

Почтенный Джемаллэдин-Акай Шафрудинов, владелец семидесяти овец, четырех лошадей, фруктового сада, участка жирной земли, виноградников и глава многочисленной семьи, поджав ноги, сидит на узорчатой подушке, положенной на ковер, прямо посреди низкой, чисто выбеленной комнаты.

Первая жена его, Кизыл-Ханум, возится в передней у тлеющих на полу, под навесом очага, угольев. Небольшой медный чайник покачивается под напором шипящего в нем пара.

Восемнадцатую крохотную чашечку густого, душистого черного кофе ставит Кизыл-Ханум перед своим повелителем и мужем. Джемаллэдин-Акай неподвижно сидит на пестрой шелковой подушке и посасывает большую старинную, доставшуюся в наследство от семи поколений предков, резной кости трубку и только для того вынимает изо рта костяной мундштук, чтобы медленно процедить сквозь прокуренные, мелкие зубы густую, горячую и душистую жидкость.

За стенами натягивает свою бархатную, затканную алмазами, чадру¹ ночь. Хлопают крыльями, усаживаясь на насест, куры. Прекратился хруст ячменя на крепких конских зубах, перестали бляеть овцы. Скоро тишина прикрыла мягким синим покрывалом долину и разбросанные в ней сакли. Замерцали сначала бледные, потом все гуще и ярче огоньки, прокричал муэдзин² на молитву,

¹ Покрывало, которым закрывают лицо мусульманки.

² Служитель в мечети.

прошлепали чей-то мягко обутые ноги и снова тишина, бархатный мрак, крымская ночь.

Почтенный Джемаллэдин-Акай степенно поднялся с молитвенного коврика, и, поджав ноги, опять устроился на своей любимой подушке. Он набил старинную трубку свежим табаком и по-прежнему посасывает добрую кость, а его первая жена, ключница и стряпуха— Кизыл-Ханум, раздув, тлеющие уголья, подает мужу двадцать седьмую крохотную чашечку душистого, черного кофе.

„Велик Аллах и непостижимо мудры делало. Бедный Джемаллэдин недостойн понимать мудрость творца своего”—так думает Джемаллэдин-Акай, тщетно стараясь разобраться в происходящем. В самом деле: было плохо. — Ходил урядник— брал — хорошо, приезжал пристав — брал — хорошо, был десятский — тоже брал — хорошо. Потом началась война. Взяли лошадей, взяли овец, взяли сено, пшеницу, кукурузу, ячмень и оставили, бумажные деньги — хорошо. Деньги эти до сих пор украшают стены женской половины.

Аллах Джемаллэдина умом не обидел. Сделал Джемаллэдин контракт, поставку в ближайший лазарет. Опять кому надо дал, быстро оправился. Заблеяли овцы, заржали кони, наполнились амбары — хорошо.

Но кто может познать мудрость творца? Когда казалось, повернулся Аллах лицом к хозяйству Джемаллэдина, проглядел кто-то в небесах старшего его сына — Алима. Не успел Алим попрощаться с родными, отвели в город к сердитому полковнику.

Алим дрался с немцами, австрийцами, галичанами... удирал, лежал в госпиталях и, наконец, исчез вовсе. Хорошо! Джемаллэдин перестал ждать его. Но в один прекрасный день, после того, как бежал урядник, а в городе убили пристава, даже

после того, как пришли немцы, ночью появился, как вор крадучись, Алим. Хорошо!

Джемаллэдин сначала не узнал его. Сын вырос, возмужал, а в глазах его появился холодный, словно закованный в лед, огонь. Алим больше не смеялся, не кланялся, не молился. Он почти не разговаривал: только и узнал от него отец, что о возвращении надо молчать.

Старик слышал рассказы о войне. Он знал, что „оттуда” здоровым никто не возвращается. И он решил, что сын не совсем здоров. Тогда Джемаллэдин начал еще усердней молиться и бить поклоны. Он просил Аллаха взять его старый разум и вернуть ясность мыслей первенцу Алим. Но Аллах внял его мольбам только наполовину. Он попутал мысли старика, но не образумил молодого. Чем же иначе объяснить, что Алим вдруг возгордился, занял место большого начальника с титулом „Ревком” и принялся судить, рядить, строить и перестраивать?! Разве его это, дело, сына темного крестьянина, по милости Аллаха проходящего этой жизнью?!

О, велик и непостижимо мудр Аллах, но старый Джемаллэдин понимает, что это в наказание за дерзость сына „творец” отнял его старые мозги.

Как может Джемаллэдин разобраться в окружающем, когда его родной сын — первенец Алим — однажды прислал людей, и эти люди угнали всех лошадей, овец, коров, забрали зерно и солому, не оставив даже „никаких бумажек”. Хорошо!

Джемаллэдин молил, просил, но сын не слушал. А когда Алим исчез и пришли старые начальники в английских шинелях, окончательно обнищал Джемаллэдин. Ох, как плохо было! Думал ноги протягивать. Все, что осталось после хозяйничанья людей сына, забрали начальники и еще говорили: берем потому, что сын — большевик. Хорошо! Да, велик и непостижимо мудр Аллах. В

один прекрасный день принес мальчик письмо. Еле разобрал Джемаллэдин, что Алим приветствует отца и просит подняться к Карасунскому лесу, где у большого кипариса на поляне оставлены все четыре лошади Джемаллэдина. Как же разобраться старику в окружающем, когда все четыре лошади действительно оказались в указанном месте, да еще, кроме того, в сумке седла он нашел пакет с тысячью колокольчиков¹. Хозяйство, конечно, поправилось. Кони, деньги... Хорошо!

Но мозги Джемаллэдина никак не поправляются. Ушел Алим — хорошо. Коней вернул — хорошо. Мало разве плакал в тиши ночей старый Джемаллэдин, скрывая слезы от домочадцев? Но Аллаху угодно было еще покарать старика. Второй сын Джемаллэдина — юноша Ахмет, тот самый, что так хорошо учился в городе, а потом рыбачил с дедом Абдуллой, этот прекрасный розовощекий Ахмет однажды прибежал, как когда-то Алим, ночью, впопыхах крепко обнял мать, отца и скрылся на тропинке, тянущейся вверх. А через полчаса прискакали белые начальники и кричали:

— Комса... Комса... Большевики...— ругались, грозили; попили, поели и уехали. И нет Алима, и нет Ахмета, и есть большое горе старого Джемаллэдин-Акая. Хорошо!

Добрая Кизыл-Ханум — мать Алима — подает мужу тридцать первую чашечку душистого, чёрного кофе, но раньше, чем переступить порог, она смахивает с сухой щеки крупную слезу. Заслышав ее мягкие шаги, старый Джемаллэдин-Акай оттирает уголки глаз и, принимая бесстрастную позу, снова важно сосет костяной мундштук давно угасшей трубки.

¹Деникинские бумажные деньги.

С яйлы спустились тучи и закрыли звезды. Ветер, расвирепев, выметает хвостом своим тишину из долин. Где-то воют собаки, проснувшись кричат петухи.

Старый Джемаллэдин сосет свою трубку, а в двух километрах от селения, там, где тропинка выбегает из леса, чтобы уткнуться в снежный покров яйлы, разметав руки, лицом вниз, лежит в беспмятстве побежденный ветром и голодом человек.

Ветер поет над распростертым телом свою победную песнь и намечает сугробы сухого, мелкого снега.

А далеко внизу, навстречу шторму, выходит в море только-что оснащенное суденышко.

НОЧНЫЕ ТЕНИ

Тихо катит свои неглубокие воды, с камня на камень, с бугорка на бугорок — Салгир. Плещутся струи, играя обороненными луной блестками; тихо поют свою песнь тоски о свободе. Совсем недалеко, там, где равнина воровато убегает в горы, свободные воды Салгира, бешено гремя, рассыпая свою мощь миллионами алмазных брызг, в безумном плясе несутся со скалы на скалу, с пропасти — в пропасть. Но здесь, в грязном и сыром городе, одетом в каменную рвань и мешки, в городе, что вечно стремится грязью замутировать первую свежесть горных вод, здесь тоскуют струи, грустно вздыхает Салгир, вяло играя, жалуется оброненным луной блесткам.

Пленник Салгир, невольник Салгир; Салгир— раб! Заковали его люди в бетонные берега, схватили за горло железными мостами, заставили ворочать тяжелые мельничные жернова, орошать крестьянские поля и сады. И потерял свою силу Салгир, никому не страшен горный разбойник, здесь, в городе торгашей и сладких вин.

Спит ночью Симферополь или притворяется? Темно, окна заперты, завешены изнутри. А всё-таки иногда выползет и разляжется посредине тротуара грязной плешинной затаенный луч, скользнет неслышно робкая тень, зарычит где-то чуткий пес или прогремит одинокий гулкий выстрел. Встрепенется тогда на секунду тишина, всполошится город, прислушается и снова натянет на голову одеяло мрака, захрапит далеким фырканьем машин... Спит или не спит старый торгаш?

Нет, не спит! Не спит! На площади против тюрьмы кто-то хрипит, кто-то рыдает; хрустят чьи-то кости, хлопают удары...

Тени, заостренные оружием, грузовики... За версту не подойти. Там люди вешают людей. Утром на переплетках железных мачт ветер будет раскачивать окаменелые трупы и на груди у каждого будет табличка:

ПОВЕЩЕН ЗА БАНДИТИЗМ

Тихо катит свои плененные воды Салгир... Спит или притворяется город?

На мосту мелькнула гибкая тень, прошуршали шаги. Еще тень — за ней. Клубок, крик, хрип... выстрел.

Из окон „Ялты”¹ — контрразведки — упал на грязную мостовую яркий луч света. Заглушенный выполз шум: стон, крик, вой, рев... грохот тяжелых ударов.

Против „Ялты”, на площади, где на большом доме вывеска:

КОМЕНДАНТ ГОРОДА

а рядом лабазы мелких торговцев, от лабаза к лабазу передвигаются тени. Шопот, шорох... Тени слились с тенями зданий. Ждут... Тихо...

На Пушкинской улице—главной улице города — нагло грохочет коляска, лениво тянется в мглу лошадь. И луна застревает осколком на серебряном шитье погонов.

Бесшумно от больших теней отделяется маленькая тень человека, за ней—еще две... Лошадь стала. Извозчик бежит и силуэт его растворяется в темноте. Оборванные слова. Выстрел... Прогрохотали колеса. Заныл женский голос... Прошуршали шаги.

¹ Гостиница в Симферополе.

Через минуту в большом доме с вывеской два раза тоскливо скрипнула дверь. На площади протопали тяжелые ноги. Несколько теней нырнуло в мрак и вынырнуло уже под фонарем на Пушкинской улице. Опять: шёпот, шорох, шаги, носилки...

Сереет, выступая из мрака, горизонт. Тянет предутренней прохладой, поет дверь „Ялты”. Хохот, гомон... Кто-то высвистывает мелодию модной шансонетки. От лабазов

отделяются серые силуэты. Туман поглощает обе группы. Несколько минут кажется, что Симферополь действительно спит. Потом ветер приносит два, три... много коротких ударов, словно кто-то в тумане рвет полотно... Опять стонет комендантская дверь. Опять носилки. Тихо...

Крымское солнце — зима-ли, лето — все равно: светит, греет, ласкает. Базар кишит народом. Базар подкатился криками и фигурами к самой „Ялте”. Пестрые халаты, фески, пары, погоны, сапоги... Ходят, торгуют, продают, покупают. Многоголосый, многоликий—веселый базар. Кафе чинно глядят умытыми

мордами на улицы Перекрестки наполняются толпами. Город живет, город счастлив, город весел...

А у вокзала, на площади, там, где—серая—давит соседние дома—тюрьма, под столбами—люди. Одни грызут семечки, шутят, разговаривают.

У других остановились глаза, застыли лица, сжимаются пальцы.

Над толпой висят—за шею привязанные—каменные, серые фигуры. На босых ногах напряжены, словно кровь хотела прыгнуть из тела, жилы. Головы свисают на грудь, на бок, большие синие языки выпирают изо рта, разжимая зубы, раздувая щеки.

И, как всегда, водят арестованных. Штыки выметают улицы, а специальные отряды старательно очищают стены от только-что наклеенных кем-то неведомым приказов:

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Ревком объявляет: деникинской контрразведкой в ночь на сегодня повешены четверо наших товарищей—борцов за свободу. По приговору ревкома этой же ночью расстреляны четыре офицера!

Ревком предупреждает: ни один смертный приговор не пройдет для вас безнаказанным.

На белый террор мы отвечаем красным!

Да здравствует советская власть!

Да здравствует Российская Коммунистическая Партия (большевиков)!

Да здравствует рабочая солидарность!

Долой наемников капитала, жандармов революции!

Смерть контрреволюционерам!

До ночи висят трупы на площади, против тюрьмы. А ночью—
опять: мрак, тишина, шорохи, тени... Лениво плещется жалкий,
пленный, нищий Салгир.

Спит или притворяется Симферополь—город торгашей и
сладкого вина?

ВСТРЕЧА

Холодный ветер срывается с вершины, словно падает. Стонут деревья, как натянутые струны. Снег перекачивается от дерева к дереву—волнами и валами, забираясь вглубь леса. Тучи застряли на голых сучьях. Холодно, сыро и мрачно в лесу ночью.

Там, где кончается лес и снег закрывает последнюю пологость перед отвесными гребнями яйлы, где ветер ныряет, прыгает, кувыркается и пляшет на свободе, там то появляются, то исчезают, проваливаясь в снег, человеческие тени. У естественного порога из скал и снега тени остановились, потоптались и вдруг начали разгребать снег.

— Откуда сюда взялся в такую пору? — проговорил высокий смуглый человек в башлыке.

— Должно заблудил, — словно про себя сказал другой, продолжая вместе с товарищами разгребать снег.

Уже были откопаны голова и плечи человека, ничком лежащего в снегу. Скоро появились и ноги.

Спасители осторожно перевернули тело на спину, кто-то чиркнул спичкой и, закрыв огонь ладонями от ветра, поднес свет к лицу замерзшего.

Лицо его было настолько бледно, что не порозовело даже в отблесках слабого пламени спички. Подбородок упрямо ткнулся вверх. Руки тяжелым стуком, не разгибаясь, ударились о снег.

— Осторожней, сломаете! — прикрикнул человек в башлыке. Всадив винтовку прикладом в снег, он принялся оглядывать спасенного. Склонился над ним, приложил ухо, ко рту, к груди. Послушал, пощупал...

Ветер ревел и выл, заглушая слова.

— Надо оттирать здесь, нести поздно, помрёт. — С этими словами человек скинул рукавицы и принялся стягивать с ног замерзшего сапоги.

Ветер продолжал плясать вокруг людей на пороге яйлы; он бросал в них горы легкого, колючего снега. Но люди упорно продолжали свою работу.

Старый и почтенный Джемаллэдин-Акай ворочается без сна на своей циновке. Он тяжело вздыхает и кряхтит, ежится и потирает старые кости.

— О-хо-хо... Тяжело жить старому... Велик, велик Аллах, и неизмерима мудрость его пророка Магомета... А ветер, ветер злой... Холодно, наверное, бедному Алим, да и где он теперь? Аллах видит, но в своей великой непостижимой доброте не скажет... Ахмет такой маленький, розовый... Хороший Ахмет;

добрый Ахмет... Зачем ему комса? Никакой комсы не надо. Жил бы, терпел бы... Аллах видит, он заплатит...

Воет ветер за стенами, скрипит, сопротивляясь напору его, калитка, жалобно скулит Хан—старый пёс, — Джемаллэдин все слышит, думает свое и не спит.

Вдруг его чуткий слух в свисте ветра и стоне калитки улавливает новые звуки. Шуршат напряженные ноги. Кто-то идет. Один, два... У калитки—стук.словно мышшь скребется, потом—громче.

— Отоприте! Отоприте!

Хоть воет и рвет на клочья звуки ветер, Джемаллэдина не обманешь. Джемаллэдин знает этот голос. Алим под воротами. Алим стучится в родной дом.

— Да, велик и мудр, добр и силен Аллах! Хвала Аллаху! Сын у ворот!

Старый Джемаллэдин торопливо натягивает ватный халат, надевает на голову тюбетейку и просовывает ноги в остроносые чуйаки. Через несколько секунд его шаги чуть слышно прошаркали в передней. Потом слышен скрип калитки, снова шаги... Радостный визг Хана.

Строгий, прямой и бесстрастный возвращается в свою комнату старик. Ни радости, ни тоски... ничего не разобрать на его высохшем лице. За ним идет, закутанный в башлык, его первенец— Алим. Осторожно поддерживает он тело бледного человека, то закрывающего, то открывающего глаза. Через мгновенье дверь пропускает третьего гостя—высокого, широкоплечего, в серой шинели, человека. Он поддерживает больного с другой стороны.

— Отец, — говорит Алим, — прости, но мы нашли человека. Он замерзал в снегах под яйлой. И я помню, как ты учил меня, мы привели его в твой дом.

— Мой дом — его дом! — торжественно произносит старик. — Пусть будет гостем в моем доме, и мы будем служить ему, пока не пожелает огорчить нас своим уходом.

Больной на минутку открыл глаза, взгляделся в лицо старика, но, ничего не поняв, так как отец с сыном говорили по-татарски, снова закрыл их и покорно дал уложить себя в постель, только что покинутую Джемаллэдином.

Кызыл-Ханум греет для гостя густой, черный и душистый турецкий кофе. На сковородке шипит изрезанная кусочками баранина. Старый Джемаллэдин сосет свою трубку и думает о милости, мудрости и силе Аллаха.

— Воистину непостижима мудрость его... Был Алим, нету Алима—хорошо... Ушел Алим, ничего не сказал Алим, ничего не сказал об Ахмете, хорошем Ахмете, розовом мальчике... Хорошо! Джемаллэдин не знает, когда снова увидит сына и увидит ли его вообще. Он не знает, где его младший сын... Аллах в своей мудрости знает, не говорит... Хорошо!

Лежа на войлочной циновке, облокотясь на руку, гость пьёт медленными глотками горячий кофе. Потом принимается за сочный, вкусный шашлык. Силы возвращаются к нему. Лицо розовеет, борода начинает лосниться. Он поводит усталым взором по сторонам, точно только теперь заметил окружающее.

Джемаллэдин вежливо протягивает ему свою трубку. Гость обтирает мундштук о полу своего полушубка. Джемаллэдин не подает вида, что заметил невоспитанность гостя. Кызыл-Ханум подает обоим по очередной чашке.

Неудобно Джемаллэдину спросить гостя о роде, о племени, а хочется, ох как хочется узнать, есть ли у него старый, скорбящий отец, есть ли молодая жена, и как, и зачем попал гость в такую погоду под яйлу. Джемаллэдин делает вид, что его в данную минуту интересует только кончик собственной редкой бороды. Он

избегает смотреть в сторону гостя, чтобы не показаться навязчивым. Это не мешает гостю бесцеремонно разглядывать старика.

Когда гость засыпает на циновке хозяина, Кызыл-Ханум кладет, для мужа новую циновку в соседней комнатке.

Храпит отогревшийся и насытившийся гость, и по-старому ворочается старый Джемаллэдин-Акай.

„СВОБОДА” В ПУТИ

Рычит и ревет море. Во все стороны, до стен из тумана бегут седоголовые валы. Иногда, словно взрываясь, волны швыряют пену в черную хмурую туч, грудью прижавших воды. Горизонт надвинулся со всех сторон, растворившись в мраке и туманах.

Кажется, что море и облака плещутся в одной большой лоханке, перепутавшись, затерявшись в хаосе, не вмещающемся в тесных стенах горизонта.

Только—черные и серые тона. Только—мрак и тоска. И в этом грохоте, реве, в этом зыбком хаосе, вдруг, мелькнуло что-то стройное, что-то быстрое, верткое, смелое. Маленькое суденышко, меньше рябой впадины на любой волне, то появляется, то исчезает. Вот оно—в вышине; врезалось красным флагом на своей единственной мачте в самую середину жирной, зло-клубящейся черной тучи, словно пропороло ей живот, вот нырнуло между двумя валами, зарывшись на секунду носом в клокочущую муть воды, чтобы еще через секунду появиться далеко впереди на новом гребне.

Вода переливается через палубу. Иногда только одна мачта остается на поверхности. Фальшборт¹ маленькая каюта на корме, штурвал за нею — все исчезает под водой. Но это не мешает коренастому человеку, что стоит на крыше каюты наперекор стихии, с помощью рупора, возвышать в этом хаосе свой голос.

— Крепи кливер! — ревет он так, что покрывает рев бури. —
Гляди курс... Северо, северо-восток... Два румба! Так держать!

¹ Барьер над бортом.

Судно идет на одном кливере. Но и этого лоскутка парусины достаточно, чтобы гнать его со скоростью 14 узлов.

То, что в обычных условиях называется штормом, для экипажа маленькой „Свободы” только — попутный ветер. Моряки мечтали о такой скорости, мечтали о такой погоде. Шторм благоприятствует отважным мореплавателям. Второй день они открыто держат курс на Одессу.

— Держись, Ахмет! — кричит человек на крыше каюты рулевому.

В ту же секунду в борт ударяет тяжелая, черная волна. Судно несетя бортом вперед, вместе с волной. Но привязанный к штурвалу Ахмет изо всей силы наваливается на рулевое колесо. Нос „Свободы” поворачивается к курсу, судно ложится на бок,

кливер¹ зачерпывает углом воду, вода массивными струями перекачивается с борта через палубу. Мгновенье кажется, что судно больше не встанет, но балласт в трюме прочно прикреплен. Тяжесть восстанавливает положение корпуса. Мачта снова втыкается красным флагом в брюхо только-что набежавшей тучи, бугшприт, с уцепившимся в него моряками, взлетает высоко, выше мачты, словно корабль пытается стать на дыбы. В следующее мгновенье нос проваливается в бездну, а корма, с лопастью руля и человеческой фигурой на крыше каюты, оказывается воткнутой в складку между двумя волнами. Потом опять мачта занимает нормальное положение — нос вздымается снова над кормой, потом корма — над носом и так без конца. При „попутном ветре” „Свобода” неуклонно держит курс к красной Одессе.

Шторм усиливается. Теперь кажется, что море кипит. На огромных валах, которыми изборождена поверхность моря, появляются отдельные громады волн, в свою очередь, испещренные более мелкими волнами. Но каждой, даже-самой маленькой волны, достаточно, чтобы похоронить „Свободу” со всем ее экипажем.

Молодой капитан, словно старый морской волк, широко расставив ноги, старается сохранить равновесие. На нем нет традиционного резинового плаща, резиновой круглой шляпы и высоких непромокаемых сапог. Как и вся команда, он страдает от соленой и холодной воды, то и дело заливающей его „мостик” на крыше.

Весь экипаж, исключая капитана, состоит из пяти матросов. Это комсомольцы—молодые крымские матросы. Они работают не за страх, а за совесть. Несмотря на гибельную качку, на постоянно

¹ Косой парус на носу судна.

налетающие воздушные и водяные шквалы, окоченевшими руками крепят они такелаж, цепляясь за фальшборт, быстро перебегают по пляшущей палубе туда, где требуется их вмешательство.

Здесь нет речи о вахте. Никто не думает об отдыхе. Второй день штормует „Свобода”, и для того, чтобы держать ее в такую погоду на курсе, нужны усилия всей команды.

Вдруг, в реве бури прогремели из рупора слова капитана:

— Сенька, к рулю! Гришка, Вася, спасти Ахмета!

Как раз в это мгновение судно взлетело носом кверху. Три матроса, как на салазках, соскользнули на корму. Колесо штурвала произвольно вращалось, а стрелка компаса плясала в такт ударам волн. Бледный, высокий парень, с посиневшими губами, несмотря на дрожь во всем теле, изо всех сил вцепился в ручки колеса.

— Северо-северо-восток... 4 румба...—прогремела команда, и судно снова выровнялось по курсу. Новый рулевой твердо держит колесо и не спускает глаз с компаса. А Ахмета несут в каюту. Смертельная бледность разлита на его лице. Ноздри кажутся прозрачными. Глаза закрыты и ресницы чуть дрожат. Высоко вздымается тяжело дышащая грудь. Его волной ударило о стену каюты с такой силой, что он потерял сознание.

Всем жалко товарища. Но никто не показывает этого. Так же упорно, как и до несчастья, команда исполняет приказания, борется со штормом.

И когда тяжелый дождь, словно палками, начинает бить палубу, а с крыши каюты раздается команда, различаемая уже без помощи рупора:

— Натягивай грот! — и белый парус, гордо выпятив грудь, увлекает судно вперед со все возрастающей быстротой, моряки поднимают головы, улыбаются, потому что знают: самая трудная часть пути пройдена. Одесса близко.

Вскоре над горизонтом появилась красная полоса заката. Вечер ярче минувшего дня. Вдали все тверже и тверже обрисовывались линии знакомого маяка.

Спустилась ночь, но красная полоса перед носом судна не исчезала. То было зарево огней красной Одессы.

С последними валами прибоя, все с тем же попутным ветром, „Свобода” вошла в Одесский порт.

ПРЕДАТЕЛЬ

Начальник контрразведки зол. Начальник озабочен. „Этой ночью уже не вешали, расстреливали, — думает он, — и... опять пятеро офицеров убито и из них—два контрразведчика...” Начальника бесит неуловимость мстителей. У него под носом приводят в исполнение приговоры какого-то мистического ревкома, расклеивают приказы; осмелились даже на стенах „Ялты”, где всегда ходят часовые, повесить приказ с очередным проклятым приговором. Этак недалеко и до смещения. Этак никто не может быть спокоен за свою жизнь. Слащев требует немедленно прекратить, изловить, повесить, а как это сделать? Все самые испытанные и старательные агенты сбились с ног, вся шпионская сеть бессильна.

Начальник задумался, потом вооружился карандашом и в сотый раз принялся за проект „обращения к населению”.

Он так увлекся, что не слышит настойчивого стука в дверь. Наконец, дверь слегка приоткрылась и в комнату проскользнули болтающиеся аксельбанты, за ними — пробор на склоненной голове адъютанта.

— Господин полковник... кхе, кхе... Господин полковник!..

— Ну, в чем еще дело? — недовольно ворчит начальник и мысленно прибавляет: — господа, наверное опять что-нибудь...— Ну, говорите же, говорите...

— Господин полковник, там пришел... —Адъютант склоняется перед начальником и долго шепчет что-то на ухо.

Лицо полковника светлеет, у полных губ появляются складки, похожие на улыбку. Он нетерпеливо ерзает на стуле и произносит:

— Хорошо, хорошо, давайте его сюда...

Адъютант уходит, а начальник принимается ходить взад и вперед по комнате, потирая руки.

Через несколько минут дверь снова приоткрывается и пропускает бледного, высокого и чуть согнутого человека в овчинном полушубке. Одну минуту посетитель топчется на месте, затем, овладев собой, решительно чеканя шаг, направляется к начальнику и, остановившись против него, хлопает каблуками:

— Господин полковник, — начинает он рапортовать, — повинуюсь долгу старого офицера и сознательного гражданина, имею честь явиться в ваше распоряжение... Корнет б-б... бывший корнет 12 Лубенского гусарского полка Данилевский!

Против воли полковника, на лице его появляется презрительная гримаса, но это не мешает ему протянуть посетителю два пальца.

— Э-э-э... пажал... ста... садитесь...

Несколько секунд оба молчат, потом полковник начинает втягивать посетителя в разговор:

— Я слышал... так сказать... о вашем... как бы это сказать... э-э-э... раскаянии... так сказать...

— Господин полковник, я не могу выразить насколько я рад вернуться в лоно родной армии. Вы понимаете? Совершив раз ошибку, я чувствовал себя обреченным вечно терзаться сомнениями и совестью...

— Ничего, ничего... так сказать... дело поправимое...— нетерпеливо перебил его полковник.

— Всю свою жизнь я решил посвятить отныне делу защиты родины...

— Да, да... э... пожал... ста... так сказать...— снова протянул, перебив посетителя, полковник... Ему хотелось поскорей перейти к делу. Излияния посетителя его вовсе не интересовали.

— Дорогой мой... кто, так сказать, э-э-э... не заблуждался, в молодости... как говорят... Но если... и так сказать... вам угодно будет... как говорят... пойти навстречу... навстречу...

—Всеми силами! — горячо вскрикнул молодой человек.

Полковник укоризненно глянул на нетерпеливого посетителя, нижняя губа на его обрюзгом лице еще больше вытянулась вперед: не обращая внимания на выкрик, он медленно процедил:

— Тогда говорите... так сказать... говорите... э-э-э.. все что вам известно. — И он ближе придвинул свой стул...—Говорите, так сказать...

— Господин полковник, да будет вам известно, что я кавалер офицерского креста святого Георгия Победоносца...

— Ничего, ничего... пожал... ста, так сказать...— невпопад протянул полковник...— пожал... ста!

— Это я говорю к тому, — продолжал посетитель, — чтобы вы видели, насколько честно я защищал интересы родины. Большевистский переворот застал меня на фронте. Голосовали, митинговали... сами знаете, как тогда было...

— Да, было время, — поморщился полковник, — так сказать, тяжелое прошлое.

— Потом с полком я перешел в Москву. Генштаб присоединился. Делать было нечего... Выбрали меня командиром полка. Я боялся отказаться... Потом влили нас в армию Дыбенко, и я очутился в Крыму. Не могу похвастать большими успехами полка в делах против нашей великой армии...

— Хе-хе-хе... так сказать, — расхохотался полковник. Посетитель счел нужным поддержать этот смех тихим хихиканьем.

— Когда красные отступали, — продолжал рассказ корнет, — я забрался на самую яйлу, где мне приходилось до того бывать в качестве туриста, и там выжидал их ухода. После я долго не знал, в чьих руках власть. Да и, признаться, я не был уверен, что меня простят. И только случайно попав к одному татарину в селении Тобе-Чокрак я узнал о положении... К нему приходил сын... (полковник насторожился) партизан... Зовут его Алим. Я притворился своим и от него узнал, что в горах есть сильный отряд. Я попросил принять меня в партизаны и побывал в отряде. Я хорошо знаю дорогу... Они часто спускаются в город и здесь приводят в исполнение планы и приказы ревкома. Они хвастали многими убийствами, но я им не верю...

— Это, так сказать... э-э-э... интересно, — не мог сдержать своего удовлетворения начальник контрразведки, — Продолжайте пожал... ста...

— Я сказался больным и вернулся из отряда к старому татарину. Потом, решив, что могу вам быть полезным, спустился

в город. Я думаю, что, если вы разрешите, конечно, мне следуете вернуться в отряд и оттуда держать связь с вашими людьми...

— Э-э-э... Излишне, так сказать, дорогой... Зачем эта канитель?.. Дорога вам известна, говорите? Так в чем дело? Сегодня же ночью мы оцепим банду, возьмем старика, возьмем сына. Пусть попляшут на столбах! — Э-э-э, скажите, так сказать... много у них народу?..

— Я видел, господин полковник, человек 30...

— Есть у них, как говорят, пулеметы?..

— Один „максим”, господин полковник, но патронов мало. Ожидали откуда-то транспорт оружия, патронов...

— Откуда? Откуда? — встрепенулся полковник.

— Вот этого не знаю... Говорили что-то о корабле...

— Ага, так сказать с моря... Это... э-э-э... безумно интересно. Ну, всё равно, они нам все расскажут перед смертью. Можете быть совершенно спокойны! Так сказать... хе-хе-хе... расскажут, как говорят...

Полковник нажал кнопку звонка. Лицо его вдруг вытянулось, челюсти сжались.

— Скажите поручику Модестову, чтоб был готов со своим эскадром выехать по первому приказанию. Пулеметный взвод, патронные двуколки, все взять с собой... Да, запас фуража на два дня!

Адъютант ушел. Полковник обернулся к предателю:

— Если ваши сведения верны, вы будете помилованы и вознаграждены! Можете идти!

Одну минуту корнету казалось, что перед ним другой человек. Затем, оправившись, он стукнул сбитыми каблуками, вытянулся и, повернувшись по правилам военного учения, вышел в коридор, где его ждала стража — два молодых офицера контрразведки.

ДЖЕМАЛЛЭДИН-АКАЙ ПРОДОЛЖАЕТ НЕДОУМЕВАТЬ

Велик Аллах, а Магомет пророк его... Очень мудр Магомет, а еще мудрей Магомета — Аллах. Только зачем эти люди разбрасывают циновки, переворачивают ковры, ковыряют в очаге, в стенах? Зачем они забирают масло, сыр, деньги, кошмы, подушки? Аллах знает, не скажет в милости и мудрости своей...

Уже несколько часов длится обыск в сакле почтенного Джемаллэдин-Акая. Дом похож на грязный хлев. Все разбросано, опрокинуто, рассыпано, разлито. Из женской половины доносятся плач детей и всхлипывания женщин.

Старик старается держаться как можно спокойнее и строже. На его бесстрастном лице трудно прочесть следы волнений. Он только тихо, но внушительно повторяет:

— Скажи, что надо, сам дам. Зачем портить, зачем кидать? — Но его никто не слушает. Разгром квартиры продолжается. Скоро из женской половины донесся визг и вой. Это контрразведчики приступили там к обыску. На чердаке, в конюшнях, в коровниках, в сараях, в скирдах соломы, в складках стен, везде искали прокламации, оружие, но больше — большевистское золото.

Юркий человек в штатском, распоряжающийся обыском, появляется то в одной, то в другой комнате. Он не ходит, он полубежит и всех и все колет своими бегающими черными глазами.

Джемаллэдин снова трогает его за рукав:

— Скажи, пожалуйста, чего надо, сам дам; зачем ломать, зачем бросать?

— Мы с тобой еще наговоримся, дружок, наговоримся, — бросает суетящийся начальник про себя и снова исчезает.

Джемаллэдин в недоумении разводит руками. Но лицо его, по-старому, бесстрастно.

— Велик Аллах, мудр Магомет нехорошо, но что надо этим людям от старого Джемаллэдина?

Покорно пошел окруженный стражей старик вниз по тропинке. Все четыре жены его плакали навзрыд, провожая мужа и повелителя. Толпа босоногих и сопливеньких мальчишек и девчонок бежала за солдатами, увидившими их отца.

Когда рассвет позолотил белую вершину Чатыр-Дага, а впереди засеребрились квадраты и кубы построек города, старик уловил чутким ухом не то вздохи, словно сама земля тяжело вздыхала, не то дружные залпы многих винтовок, рычавших где-то в недалеких горах.

КОМСА В МОРЕ

Товарищ Михайлов—командир „Свободы” вглядывался в линию горизонта. Ему казалось, что в поле зрения бинокля попадает и выскальзывает дымок. Скоро не было больше сомнений. „Свободе” наперерез, от Херсонесского маяка, шел паровой катер.

Михайлов прижал губы к разговорной трубке:

— Самый полный! — крикнул он машинисту. Маленький корпус задрожал, низко сидящий киль вздернулся над гладью вод, на минуту заполоскались паруса, и „Свобода” понеслась в сторону от приближавшегося катера.

Судно уходило в открытое море, но катер не отставал. Из его, видимой теперь невооруженным глазом, трубы повалил густой черный дым. Над передней мачтой взвились—один за другим — несколько разноцветных флагов.

— Держи карман шире, — пробормотал Михайлов, — так я и остановился, — наддай еще! — крикнул он машинисту в ответ на сигналы катера, требующие остановки.

— Сенька, эй, начальник пулеметный! — кричит Михайлов молодому матросу, вышедшему из кубрика, — приготовь, брат, пулеметы, живо! — И он указал рукой на приближающийся катер.

„Свобода” мчалась теперь так, словно за ней гнался весь английский флот. Расстояние между катером и судном больше не сокращалось. Но долго так продолжаться не могло. Новый мотор, полученный в Одессе, уже перегревался и рыжий машинист, высовывая в люк свою выпачканную сажей и маслом рыжую голову, в третий раз кричал командиру:

— Да перестанешь ты гнать, чёрт лысый?! Машина перегорит!

На это командир неизменно отвечал:

— Наддай! Наддай!

И „Свобода”, как чайка, распластав паруса над водой, неслась вперед, все дальше и глубже в открытое море.

Висевшую над морем мягкую тишину вдруг разорвало глухим ударом. Над носом катера взвился белый дымок, и в ту же секунду высоко над корабликом промчался с воем и стоном снаряд.

— Перелет! — буркнул про себя Михайлов.

Между тем Сенька, Федька и Василий выкатили из трюма три пулемета и поставили — один на крыше каюты и два — по бортам.

— Вот положение...— продолжал бурчать под нос Михайлов, — мы то его не достанем, а он нас, свободное дело, потопить может. Надо что-нибудь делать...

С катера раздался второй пушечный выстрел. Снаряд упал недалеко, за кормой „Свободы”. Брызги обдали Михайлова и рулевого.

— Стоп, машина! — крикнул в трубку Михайлов. — Спускай паруса!

Механик высунулся из люка, на лице его было написано недоумение:

— Чего? — переспросил он.

— Стоп!

— То есть, как это, стоп?!

— Вот так и стоп!.. Сказано, делай!

Голова механика скрылась. Мотор закашлял, зафыркал и смолк. Судно мягко покачивалось на чуть заметной ряби. Паруса соскальзывали один за другим. Свернули кливера, грот...

Катер быстро приближался. Уже видно было на носу его название „Орел”.

— Сейчас мы ему общипаем крылья! — про себя сказал Михайлов.

— А ну, там, у пулеметов!

— Есть!

— По команде — огонь—бей ниже ватерлинии...

— Есть!

— Ты, Сенька, лупи по орудию, чтоб ни одна св... не подошла!

— Есть!

Катер приближался с правого борта. Ясно было, что командир его намеревался взять „Свободу” на абордаж. Хорошо видны были отдельные люди на палубе. На мостике стояла группа офицеров. Они разглядывали „Свободу” в бинокль.

— Как бы пулеметов не заметили...

— Эй, пулеметы, задом накройсь!

Пулеметчики догадались и уселись на пулеметы. Сенька скрутил козью ножку и спокойно начал раскуривать. „Орел” разворачивал корму, приближаясь, по борту, носом.

— Полный! — крикнул в трубку Михайлов.

— Юго-юго-запад!

— Огонь!

Едва судно показало корму „Орлу”, затрещали все три пулемета. Канонир у орудия упал, не успев открыть замок, один из прислуги свалился с снарядом в руке. Вокруг борта катера, от густо падавших пуль, пенилась вода и вскакивали пузырьки.

— Сенька, ну-ка, по мостику!

— Есть! — Сеньку давно привлекла эта благодарная мишень.

Растерявшиеся офицеры суетились на мостике, кричали, подавая одновременно разные команды. Матросы „Орла” прятались от пуль, куда попало.

Палуба и мостик опустели. Только несколько тел чернели между аппаратами и у орудия.

„Свобода” быстро удалялась. Михайлов в бинокль видел, как катер накренился. Вокруг бортов образовался водоворот.

— Ну, теперь выкачивайте воду. Работы и без нас хватит, — буркнул он и скомандовал:

— Два румба, восток! Поднять все паруса! Вдали вырисовывались, сгущая контуры облаков, вершины крымских гор.

Сзади, на горизонте, чуть виднелась дымящая труба катера.

ДЖЕМАЛЛЭДИН-АКАЙ НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТ

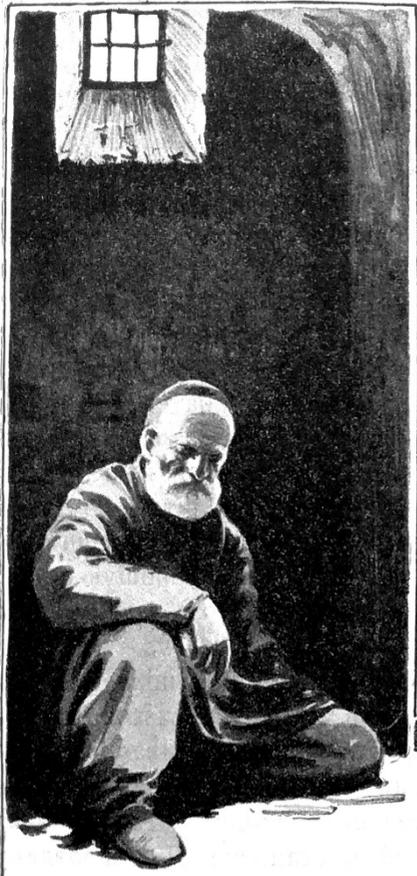
— Верно то, что я недостойн понимать мудрость Аллаха — хорошо. Верно то, что Аллах наказывает по заслугам и на том свете воздает за все страдания — хорошо. Но разве верно то, что я—Джемаллэдин, побывавший в Мекке и в жизни никого не обманувший, — вор, разбойник, неверный!.. На старости, на закате моих дней, я сижу в тюрьме, не вижу жен моих и детей не могу ходить за, скотиной своей и не слышу голоса муэдзина, не знаю часа молитвы! О, Аллах, да возвеличится имя твое и да сияет вечно мудрость твоя, видно очень уж хорошую долю уготовил ты мне, недостойному, в раю пророка твоего — Магомета!

Беседуя с собой, сидел на полу, поджав ноги, Джемаллэдин, а в маленькое, разгороженное решеткой окно под потолком проникали мягкие и густые синие тени. Ночь приносила тишину и прохладу. Но покой не приходил. Джемаллэдин не мог спать в этой обстановке. Джемаллэдину страшно было в этой мрачной, тесной камере; ему казалось, что он лежит в каменном гробу и Магомет забыл о нем. Магомет не придет, чтобы отвести его душу в рай. Еще больше страдал он от неизвестности. Он понимал, что арест его связан с несчастьем сыновей, и боялся, как бы на предстоящем допросе чем-нибудь не повредить им.

Тени собирались в углах. Расползались по камере. Точно черной ватой, заполняла ночь пространство между стенами. И старику начинало казаться, что ничего нет вокруг, что нет вообще ничего и его самого нет. Есть Аллах, Магомет и... большая черная яма, в которую за какую-то провинность заключены мозги бедного Джемаллэдина. И это не он думает, а яма — его мозгами, и это не

он был там, наверху, в залитом солнцем селении, окруженный женами и детьми, а—сон. Он снился только Магомету, а может быть, как знать, и самому Аллаху.

„Благодарю тебя, милостивый, за то, что ты удостоил меня появиться в твоём мудром сне...”

Теряя представление об окружающем, копался в своих мыслях старик. Но едва поднявшись и ступив несколько шагов, он здорово стукнулся лбом о стенку. Тогда он представил себе эту стену днем и вспомнил, что где-то впереди — дверь и в ней глазок, а за ним — часовой. За часовым — целый мир и люди — как песчинки. Добрые и злые люди, справедливые и лживые.

— Аллах в неисчерпаемой доброте своей населил землю злыми, чтобы добрые легче могли заслужить рай свой...

Размышления старика прервал гулкий топот ног. Шаги приближались. Звякнул

засов, в щели двери просочился свет. Затем дверь завизжала, и в камере очутились: коридорный надзиратель, какой-то человек в штатском и двое солдат.

— Вот этот? — спросил штатский.

Надзиратель молча кивнул головой.

— Одевайсь! — сказал штатский.

Старик покорно натянул свой ватный халат, поправил тюбетейку и надел поверх ее смушковую шапку.

— Айда, я готовый... — сказал он и пошел вслед за тюремщиками...

У ворот их ожидал автомобиль. Штатский усадил Джемаллэдина между собою и солдатом, другой солдат уселся рядом с шофером.

Автомобиль заревел, два ярких и сильных луча света упали на грязную мостовую и побежали вперед, щупая стены, камни, лица. Грязь мягко шлепалась где-то сзади. Ветер свистел, с силой дуюя в лицо. Машина быстро мчалась по сонным улицам.

Неожиданный крутой поворот, мелькнули серые стены, и машина резко застопорила у двухэтажного, освещенного дома.

— Выходи! — сказал человек в штатском, подымаясь.

Джемаллэдин покорно пошел за солдатом. Человек в штатском с другим солдатом шли сзади и шептались. Поднялись на второй этаж. Длинный коридор. С обеих сторон — двери. Остановились у крайней. Человек в штатском вошел в комнату. Старик ждал под конвоем солдат в коридоре. Затем дверь открылась, и чей-то палец поманил Джемаллэдина.

За столом сидел высокий человек с колючими черными глазами. Джемаллэдин узнал руководившего обыском. Молча, с бесстрастным, словно окаменевшим, лицом подошел Джемаллэдин к столу и сделал вид, что не узнает своего мучителя. Одна мысль волновала старика:

„Как бы не повредить сыновьям...”

— Садись! — коротко сказал контрразведчик.

Джемаллэдин сделал вид, что не слышит.

Контрразведчик улыбнулся и лицо его стало похожим на морду разозленной кошки.

— Мы с тобой, кажется, знакомы...

Джемаллэдин молчал. Лицо его оставалось бесстрастным.

— Чего же ты молчишь? Ты ведь хотел тогда говорить со мной? Хи-хи... вот и поговорим!

Ни один мускул не дрогнул на лице Джемаллэдина.

— Ого, значит, мы с гонором?.. Ладно! Скажи, где твой сын Ахмет?

— Разве может знать дерево, куда ветром занесет его листья?

— Ты брось мне антимионию с листьями разводите. Говори, где твой Ахмет?!

— Я сказал уже, господин!

Губы человека стали сухими и тонкими. Лицо побледнело и вытянулось. Глаза сверкали и бегали.

— Ты будешь говорить? Мы все знаем. Знаем, что твой сын ушел в море, знаем, что он оружие возит большевикам. Все знаем. Мы спрашиваем только, чтобы проверить тебя, старик. И если ты скажешь неправду, тебе же хуже. Повесим как собаку на дереве, и каждый будет плевать в твою бороду! Понял? А теперь говори: где твой сын Ахмет?

— Я, господин, не знаю, а врать не буду!

— Что ж ты, старый осел, насмеяться будешь? Высокий человек с черными глазами встал, на носках, по-кошачьи, приблизился к Джемаллэдину:

— Значит, не хочешь говорить? Думаешь, нянчиться будем.

И с размаху он ударил старика по лицу.

Густая кровь хлынула старику в лицо. Потом кровь отхлынула, лицо побледнело, только багровые следы пальцев остались на щеке. Старик напруг все свои силы, чтобы сохранить

спокойствие. И лицо его, по-старому, было бесстрашно, только судорожно трепетали ноздри.

Видя, что старик не собирается говорить, палач принялся избивать его рукояткой нагана! Кровь текла по белому лицу, руки, которыми Джемаллэдин пытался закрыть лицо, были раскровавлены, пальцы правой руки были перебиты. Старик качался, стонал, но не просил, не плакал. Вид крови привел палача в ярость. Он забыл себя и окружающее. Ему хотелось, чтоб упрямый ползал у его ног, моля о пощаде. Но он этого не дождался даже тогда, когда обессиленный Джемаллэдин свалился

на пол, даже тогда, когда его ноги в лакированных башмаках начали топтать тело, дробить старые кости.

КОМСА НЕ СПИТ

Косматые, сердитые, мчатся, цепляясь за верхушки деревьев, тучи. Темно-зеленое, отливающее черным небо беспрестанно меняется, хмурится и, словно нагибаясь и выпрямляясь, то приближается, то удаляется от черных скал, покрытых редким лесом.

Деревья шумят, словно все, толпою, переговариваются. Воеет ветер, и где-то кричит филин.

— „Ух-у...” „Ух-у...”

Собравшиеся вокруг огня люди громко кричат, чтобы услышать друг друга.

— Из города передают, что наших выдал какой-то поручик. Раньше он командовал полком у Дыбенко. Каким-то образом он проник в отряд и выведал дороги. Поэтому — провал.

По розовому лицу говорящего скользят тени, придавая блеску глаз суровость, строгость и решительность.

— Верно, Ахмет! — говорит один из присутствующих, — Он теперь работает в „Ялте” и, говорят, в почете у полковника. Слащев, будто бы, крест ему прислал.

— Товарищи! — снова кричит Ахмет. — Дадим слово жителю Тобе-Чокрак — Шеймадан-Акай Ахметдинову. Пусть он скажет, как эти белые собаки хозяйничали в селе.

Старый Шеймадан-Акай — друг и сверстник Джемаллэдина — отца Ахмета, степенно разглаживает длинную бороду и говорит:

— Алим привел в дом отца своего человека, которого откопал в снегу. Старый и почтенный Джемаллэдин-Акай приютил этого человека и служил ему, как повелевает ваш обычай, пока человек тот не выздоровел и сам не пожелал покинуть дом друга моего.

Человека этого никто не знает. Но, говорят, что после его видели в городе с золотыми погонами на плечах...

Порыв ветра швырнул пламя в сторону, прижал к земле. Отблески побежали по суровым, не по возрасту строгим лицам.

— Они наложили тридцать миллионов контрибуции, — продолжал старик, — и в обеспечение арестовали семь старых и почтенных жителей селения. Они угнали лошадей и коров... Но селение не оставит вас без пищи, и свой воз вы будете получать по-старому. Да будет ласково к вам небо! Общество просило

передать вам, что денег на уплату контрибуции у нас нет... Без денег белые начальники не хотят отпустить стариков...

Шеймадан смолк и, склонив голову, оперся на палку.

Ахмет задумался.

— Погоди отец! — сказал он.

— Вот что, друзья! — Старшие в беде! Ревком рассчитывает на нас. Денег нет. Пока они мобилизуют силы, наших повесят. Селение мы тоже не можем оставить без помощи. Потому, это ведь будет нехорошо! Они из-за нас в беде, а мы им не поможем. Перестанут верить. Я предлагаю деньги достать в городе. Тридцать миллионов завтра же должны, быть в руках общества. А потом...

— Я имею другое предложение! — закричал Михайлов — командир „Свободы”. — Мы должны немедленно взять курс на Одессу. Там нам дадут деньги, и мы выручим селение!

— Позор! Позор! — закричали партизаны. — Какая там Одесса! Здесь в Крыму достанем! Не годится!

Михайлов смутился и замолчал.

— Я, что ж, я снимаю, — залепетал он, — здесь я не командир...

Совещание тянулось недолго. Ахмет вскоре вышел из землянки и сказал старику:

— Иди, отец, все будет сделано. Завтра вечером приходи опять.

Падают на твердый снег розовые отблески костров. Прижимаясь друг к другу, чтобы сохранить тепло, коротают ночь в землянках. Прислонившись к деревьям, словно каменные, не двигаясь, стерегут ночь часовые.

Старый Шеймадан-Акай осторожно спускается по тропинке с горы. Комса не спит.

ГОРЕ ГОСПОДИНА ГЕНФЕРА

Тик.. Так... Тик... Так.. Жу-жу-жу-жу-жужу-жжжжжж...

Приятны хозяйскому слуху шумы машин. С каждым поворотом колеса — новые деньги падают в хозяйский карман. Особенно приятен этот шум теперь, когда нет ненавистной советской власти. Забыты союзы, нет страха перед завкомом, плевать на всякую охрану труда — хорошо!

Стучат и жужжат машины. Стучат костяшки счетов. Растут „сальдо” на „дебете”. И все это претворяется на Пушкинской улице в:

— Даю!

— Беру!

— Лиры! Фунты! Франки! Марки!

Господин Генфер был бы совсем счастлив, если бы в кармане у него не было маленькой бумажонки, на которой написано:

*В счет налогов законной советской власти,
предлагается передать через подателя сего
100 миллионов!*

Ревком.

Пустяки?!

„Податель сего” давно арестован. Но господину Генферу от этого не легче. Страх гложет, душит по ночам. Не спасает даже новенький браунинг — подарок самого генерала Оболенского. Больше, он боится, чтобы новенький браунинг как-нибудь сам не выстрелил.

Было около пяти часов. Работа в полном разгаре. В конторе писали, считали, получали.

— Руки вверх!

Шутка?

7 пар глаз... 14 револьверов.

— Руки вверх!

Затряслись руки, ноги, — отвисли челюсти.

— Где хозяин?

Серый, как парусина, смутными и сразу глубоко запавшими глазами, Генфер протягивает свой новенький браунинг. Но сказать он ничего не может.

— Э... Э-э... э... — вот все, что он выдавливает из горла.

— Касса!!!

Генфер кивает головой.

— Ключ!

— У-у-у... бр... бррррр... брата!

— Обыскать!

Команда Ахмета быстро выполняется. Но ключа не находят.

— Айда, к брату! — говорит Михайлов и под руку с фабрикантом выходит на улицу.

На углу — „Ялта”. В двух шагах — комендатура. Улицы полны людей. Важно ходит взад и вперед стражник. Из окон кафе доносятся звуки музыки. Бряцают шпоры, хохочут кокотки. Мчатся автомобили, ведут арестованных.

Михайлов, тесно прижавшись к полумертвому Генферу, с самым предупредительным лицом ведет его кипящими лицами к... брату, за ключом. А на фабрике рабочие пожимают крепкие руки парней, хлопают их дружески по спинам...

Через десять минут Михайлов возвращается. На этот раз у него два пленника. Два брата Генфера дрожат, клянутся и божатся, что потеряли ключ.

Ахмету хочется тут же покончить с ними. Но он помнит директиву и старается отводить ствол нагана в сторону, подальше от купеческих черепов.

Молодой парень подходит к Ахмету.

— Товарищ, — говорит он, — надоело мне бузу тереть на этой проклятой фабрике. Берите меня с собой. Я комсомолец, вот, — и он показывает старый засаленный билет. — Берите меня с собой. Я здесь в кучерах... Вон и подвода моя стоит. Давай погрузим на нее кассу и айда в лес!

Ахмет шепнул что-то Михайлову, тот кивнул головой...

— Ладно, будешь с нами! — Ахмет пожал руку парий.

— Раз... раз... еще... раз...

С большим трудом погрузили тяжелую кассу на подводу и двинулись вверх по Кантарной.

Тут только в конторе догадались поднять тревогу. Стражник выхватил наган. Метка пуля Ахмета. Хрипит стражник захлебываясь в своей крови. Но суматоха поползла по улицам.

— Где?

— Кто?

— Большевики!

— Спасайся!

— Уррра!

Детишки в тот день находили наскоро срезанные погоны. Немногие храбрецы кинулись вдогонку.

Медленно ползет ломовая подвода, еле тянет лошадь тяжелую кассу в гору. Со всех сторон летят пули, и спокойно отстреливаются ребята.

Вдруг, из-за угла выкатилась машина. Новый шестиместный автомобиль английской марки.

— Даешь! — крикнул Михайлов.

— Идет! — согласился Ахмет.

— Ни с места!

Шофёр застопорил машину.

Трещат выстрелы. Как собаки, преследуют отряд по пятам офицеры. Но выйти на улицу боятся. Они предпочитают прятаться в вырезях ворот, за выступами зданий и в погребах, чтобы оттуда обстреливать комсомольцев.

Под огнем преследовавших перегрузили кассу с подводы на автомобиль. Скоро машина с ревом и грохотом умчалась вверх по улице и, скрылась из виду. Вел ее рыжий механик „Свободы”.

Уже за городом комсомольцы обнаружили в машине бледного, красивого и тщедушного офицера. Ему удалось незаметно забиться под скамью.

— Нам язык нужен,— шепнул Ахмет на ухо Михайлову.

— Есть. Везем его.

— Ну, ты, ваше благородие, подвинься малость.

Вечером почтенный Шеймадан-Акай пришел за обещанными деньгами. В землянке Ахмета он увидел пленного офицера.

— О! — вскричал он, — ведь, это гость твоего отца, Ахмет!

Глаза Ахмета загорелись красным пламенем. Лицо его вытянулось, а походка стала сторожкой и бесшумной.

— Гость, говоришь, отца? Хорошо, хорошо... Поручик терял сознание от страха. Он начал молить о прощении: унижался, целовал руки, обувь...

Пока Шеймадан-Акай спускался по скользкой и крутой тропинке в лесу, в землянках, заседал комсомольский трибунал.

Ту ночь в горах долго и нудно выли чекалки, растаскивая кости расстрелянного предателя.

СМЕРТНИКИ

Джемаллэдин очнулся, когда солнце бросало на стены свои яркие лучи. Какие-то люди тихо шептались, как тени, бесшумно двигаясь по комнате. Все тело болело. Ныли кости, в груди что-то мешало. Дышать было трудно. Старик повел вокруг глазами и сообразил, что лежит на какой-то тряпке, посланной на паркетном полу, а голова его покоится на чьих-то коленях. Чей-то знакомый, приятный слуху, голос произнес:

— Ты уже проснулся, отец?

И над Джемаллэдином склонилось лицо Алима. Старик подумал, что это сон. Но Алим тихо гладил своей могучей рукой его волосы, и лицо Алима не расплывалось дымкой миража. Нет, это — реальность. Алим здесь, и чужие люди здесь.

— Благословен Аллах и Магомет — пророк его. Алим — первенец мой! Если это не сон, скажи отцу, где мы, почему мы здесь, а не дома, почему мы здесь, а не за работой? — И старик, впервые, тихо заплакал.

— Отец, здесь мы потому, что я, сын твой, не думал о тебе. Я виноват, отец, но я не мог иначе. Я думал о миллионах отцов, я думал о миллионах сыновей и только не думал об одном отце — о своем, и только не думал об одном сыне — о сыне моего отца! — Алим низко опустил голову.

Старик приподнялся на локте, повернулся, чтоб лучше видеть голову сына, отнял его руку от лица, всмотрелся и сказал:

— Благословен Аллах, я счастлив милостью ого. Это он дал мне первенца Алима. Ты праведно жил, сын мой, ты делал так, как говорило твое сердце...

Алим вдруг вскочил, поднял голову, сжал ее руками.

— Отец, зачем ты здесь? Зачем ты с нами, ожидающими казни? Люди, товарищи, мой старик ни в чем не виноват, он ничего не делал, зачем они посадили его с нами? Зачем его, старика? — Алим зарыдал.

— Товарищ! — высокий, сутулый и бледный человек положил руку на плечо Алима, — товарищ, оставь! Не время теперь. Они, может быть, для того и посадили старика к нам, чтобы вырвать у тебя эти слезы!

Алим вздернулся всем телом. Зубы его скрипнули так, что эмаль захрустела.

— Ты правильно говоришь, товарищ Андреев! О, они знают, чем донять Алима. Но они не знают, что от воды мягкая сталь становится твердой! Они закалили мое сердце. Я больше не покажу им своей души!

Андреев ходил взад и вперед по комнате и курил папиросу за папиросой.

Под окном, сидя на полу, два человека играли в шашки. Пешками им служили комки хлебного мякиша, доской — нарисованные на полу квадраты. Оба сосредоточили все свое внимание на игре, и, казалось, во всем свете их ничего больше не интересует.

Только один из них сказал:

— Думай, думай! А то кончить не успеем. Мы умрем в петле, может быть, еще сегодня! Отлично! Но то, что мы сделали, будет формировать, совершенствовать людей, и в этой стороне их жизни и мы будем жить, — бормотал он про себя, обдумывая ход.

— Тебе ходить! — сказал молчавший все время другой партнер.

Джемаллэдин-Акай совсем растерял мысли. Он уже позабыл о своих ноющих, перебитых пальцах, о своей хрипящей груди. Он слушал и спрашивал себя: в каком коране написано то, что он

видит? У этих людей нет рая, нет загробной жизни, но они не боятся смерти? О, велик Аллах, давший людям такую мудрость и силу!

СПАСЕНИЕ

Ночь. Настороженная тишина висит вокруг, словно готовясь обрушить миллионы острий на головы узников. Тихо в комнате. Но никто не спит. Ухо ловит всякий шорох, трепет, вздох.

Час ли, минута, ночь, год!

Тихо. Не слышно биения жизни города, не слышно и не видно движения времени.

В полумраке сгорбились фигуры. В эту последнюю ночь каждый уединился в своем углу со своим прошлым. Люди переживают во второй раз свою жизнь. И каждый чувствует себя на краю обрыва.

Мерно, подчеркивая тишину, шагает за дверью часовой. Где-то, по-домашнему, спокойно чирикает сверчок. И если бы не эти простые шумы, не так пугала бы тишина.

Вдруг все настораживаются. Подымаются, вытягиваются шеи. Вот он, последний час. Шорох. В отверстие „глазка” проскальзывает чья-то рука. На пол падает чуть видный клоч бумаги. Все выходят из оцепенения, кидаются к клочку:

Будьте спокойны, сегодня мы вас освободим. Комса.

С секунду узники смотрят друг на друга, не понимая, потом Андреев кидается к глазку. Но грубый окрик часового встречает обычным:

— Отойди, стрелять буду!

Верить или не верить? О, если это — обман!!!! Чудовищней пытки контрразведчики не могли бы придумать. Это пытка надеждой. Самая тонкая, изощренная из всех пыток. Но, может, быть, действительно, комсомольская дружина придет на помощь?!

Может быть, здесь, близко, недремлющий, свой, молодой, крепкий, бодрый товарищ?

Верить, или не верить?!

Тишина мертвым покрывалом висит над головами и неслышно бежит время.

А на улицах города стихает шум, гаснут огни, исчезают последние прохожие. Скоро кажется, что город спит. Только у металлических мачт на площади против тюрьмы взяты темные фигуры, готовя невинные мачты электрической станции к роли виселиц.

Стены „Ялты” потряс грохот машин. Узники насторожились. Под потолком эхо покатило шумы. Гулкие шаги. Топот. Узники начали прощаться. Алим обнял отца.

— Прощай, старик!

— Я с тобой!. — твердо сказал Джемаллэдин

Шум растет. Кто-то бежит. Глухой выстрел. Крик, хрипение...

Узники кинулись к отверстию. Стопились. Надежда охватывает сердца. Прильнувший к отверстию Андреев говорит:

— Мужайтесь, наши!

Его отталкивает один из игравших в шашки и жадно, льнет к глазку. В это время у двери раздается бряцанье металла. Все отскакивают. Входит, несколько солдат в английских шинелях. Решимость исчезает.

— Зачем? О, звери!..

Но старый Джемаллэдин вдруг кидается к молодому розовощекому солдату:

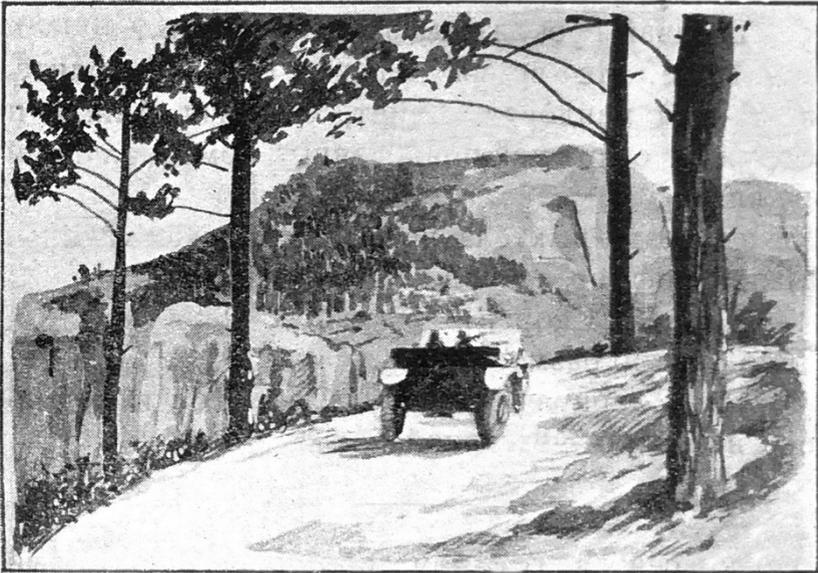
— Ахмет, сын мой! — Вся его бесстрастность исчезает. Он обнимает и ласкает юношу, слезы текут по расцарапанным, сморщенным щекам.

— Алим! В непостижимой мудрости и милости своей Аллах посылает нам вестника спасения в лице моего сына, твоего брата! Вознесем же молитвы милостивому Аллаху!

И как бы в ответ на это разнеслось тихо, но грозно:

— Вставай проклятьем заклейменный...

— Тише! Не время теперь петь. Выходите, живо! — скомандовал Ахмет, обнимая Алима и вооружая товарищей принесенным комсомольцами оружием.

У подъезда пыхтела новая английская машина. Рыжий шофёр нетерпеливо покрикивал:

— Скорей! Скорей!

Все быстро разместились.

Машина дернула, завернула за угол и помчалась вверх по Кантарной.

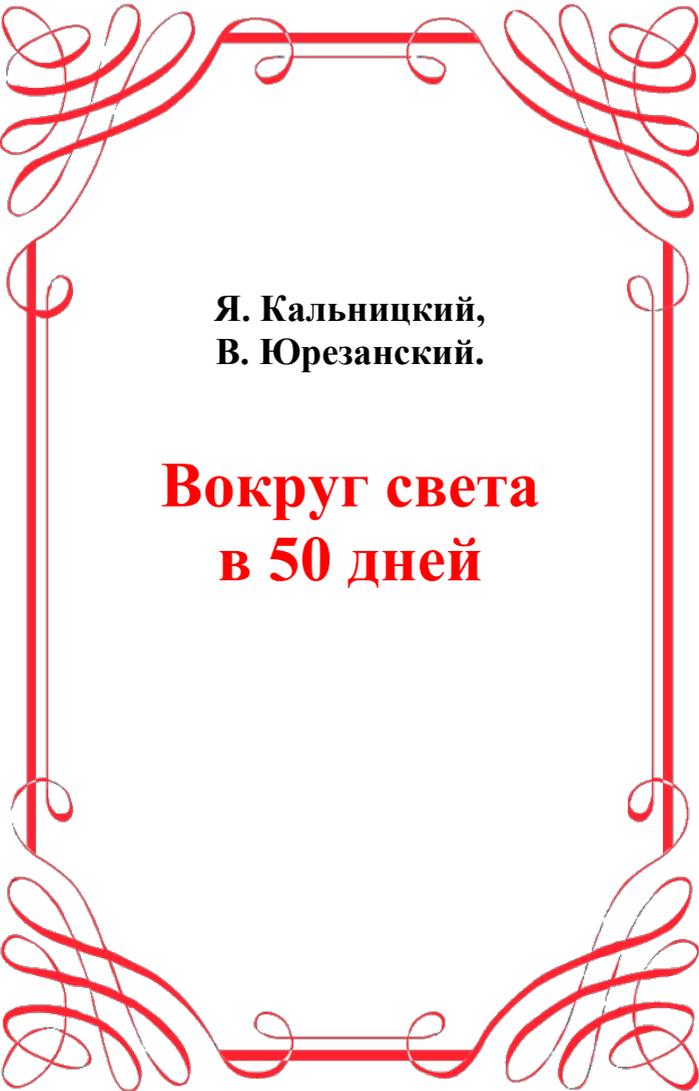
Прекрасен в голубом просторе опоясанный золотом утренней зари Чатыр-Даг. Все чаще и чаще добрый ливанский ветер очищает его склоны от туч и туманов, открывая необъятную изумрудную ширь Черного моря.

„Свобода” быстрокрылой чайкой бороздит хмурь и гладь капризных вод. Горы и долины полнятся легендами о подвигах „острозубой комсы” и о храбрости лучшего „комсомольца” отряда — семидесятидвухлетнего Джемаллэдин-Акая Шафрудинова.

Старик носит пятиконечную звезду на груди, но даже в походе не расстаётся с молитвенным ковриком.

— Велик и мудр Аллах и Ленин — пророк его! Первый после Магомета!

Так примиряет в себе старик службу революции с суеверием.

**Я. Кальницкий,
В. Юрезанский.**

**Вокруг света
в 50 дней**

СОВЕРШИТЬ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

МОЖНО

ЗА

50
КОПЕЕК.

**КУПИВ
ЛОТЕРЕЙНЫЙ
БИЛЕТ**

АВИАХИМА

8002 **ВЫИГРЫША-
ПУТЕШЕСТВИЯ**

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ ВО ВСЕХ ЯЧЕЙКАХ АВИАХИМА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КОМУ ДОСТАЛСЯ ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТ

На дворе попрыгивал мороз. Пар укрывал зори, а звуки звенели на морозе. В перерыве катали бабу, скользили по льду, швырялись снежками. На уроках вздыхали и тайком поглядывали на окна.

— Жу-жу... Жу-жу... — это учитель рассказывает о реках, что текут в далеких странах и впадают в неведомые моря.

— Жу-жу... Жу-жу...

А в окно просится белая зима, лезут белые солнечные пятна и старается вползти розовый пар.

— Жу-жу... Жу-жу...

— А Васька Колосов накатам здо-о-ро-о-вую гору... Эх, бы... на санках с нее!

— Панкратов!

— Я!

— О какой реке я только-что рассказывал?

— Э... э... о реке... вы рассказывали... о... о... реке... реке...

— Попрошу вас к доске! Укажите истоки Ганга и течение... Притоки знаете какие-нибудь?

Панкратов жметесь у доски. Ему стыдно. Он ничего не слышал и ничего не учил.

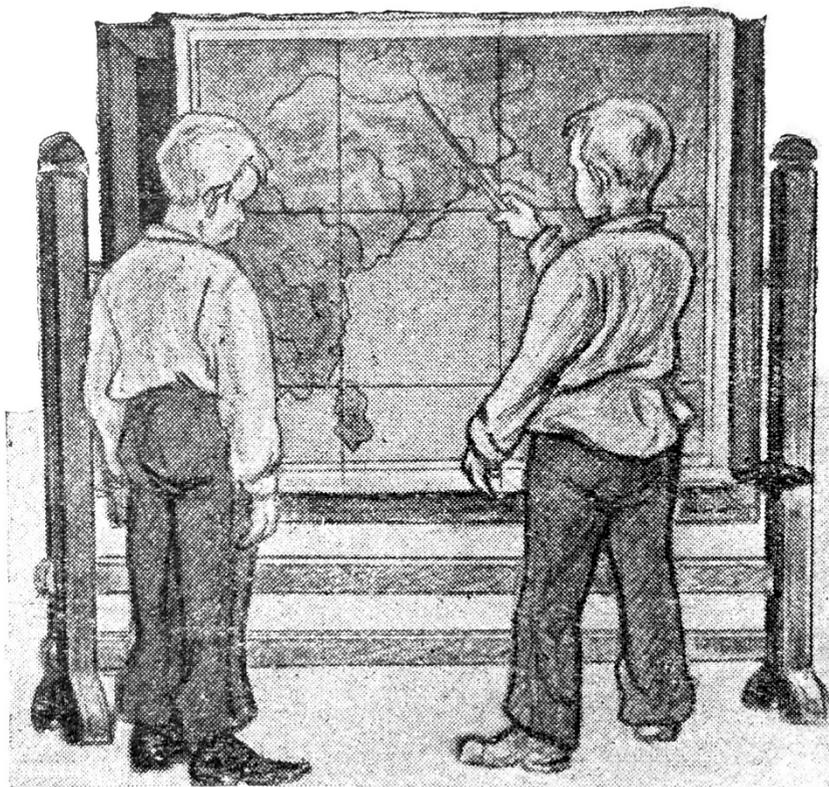
Учитель некоторое время внимательно смотрит на склоненную голову, потом обращается к классу:

— Ну, ребята, кто хочет выручить Колю?

И из глубины доносится чей-то звонкий, уверенный голос:

— Позвольте мне, Александр Степанович!

— Я так и знал... — говорит Александр Степанович, — кому же еще, как не тебе, Микола? Ну, брат, иди, иди показывай, как течет Ганг, откуда, куда, притоки...

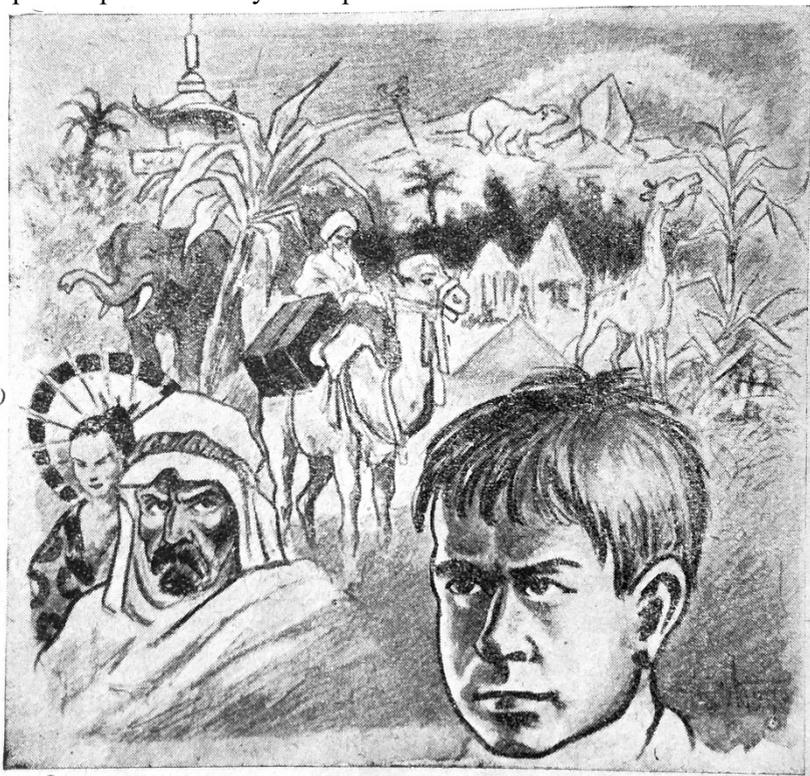

Микола Омельченко старательно водит карте

Микола Омельченко у доски. Старательно водит он указкой по большой карте, ровно звучит его уверенный голос. Он называет местности, по каким течет река, указывает, какое значение имеет она для того или иного края. Больше: указывает, в каких местах Ганг судоходен и где непроходим... По мере того, как мальчик

углубляется в джунгли, голос его становится глуше, в глазах появляются огни, щеки загораются румянцем...

— Вот, Панкратов, — говорит удовлетворенный учитель, — учитесь. Берите пример. Вы знаете, что Микола сможет свободно ориентироваться в чужом краю.

Микола представлял себе эти чудесные страны

География была самым любимым предметом Миколы. Когда ему приходилось читать о природе и обычаях в далеких странах, сердце его начинало колотиться, болеть, и все существо переполнялось какой-то тоской, сладкой и щемящей.

Микола представлял себе эти чудесные страны, невиданных животных, диких и живописных жителей юга, суровых и терпеливых северян... Для него география не была наукой, существующей для того, чтобы отравлять жизнь, — нет, он в этой науке видел средство для общения с далекими, неведомыми людьми: уроки переносили его за десятки тысяч верст. И немудрено поэтому, если Микола знал географию на зубок.

Колька Панкратов, наоборот, совершенно не интересовался географией. Он больше всего любил гимнастику. У него часто бывали деньги. Отец его работал где-то в Сибири и получал большой оклад. Скучающая мать баловала своего единственного сына.

Кольку никто не любил, его брали таким, как он есть, как интересную диковину и редкое явление в школьном обиходе. Но Миколу любили. Микола всегда мог ответить за себя и товарища поддержать. Его уважали даже учителя: он был очень начитан. Товарищи любили слушать его рассказы о жизни индусов, арабов или самоедов. Половина стенной газеты всегда принадлежала перу Миколы.

Отец Миколы погиб на войне, и мать работала изо всех сил, чтоб учить его. И от убогости, от серых дней Микола все больше и больше стремился к ярким краскам и фантастическим вымыслам.

Когда первый раз записывали на билеты авиалотереи, Микола на вопрос учителя только грустно покачал головой. У него не было полтинника на покупку билета. А Колька Панкратов гордо заявил:

— Пишите мне целый...

И потому, что лотерейный билет был недоступен, Миколе стало казаться, что все дело только в билете. И чем дальше, тем больше росла в нем уверенность, что будь у него билет, он обязательно выиграл бы кругосветное путешествие. Он не просил

у матери, не жаловался ей, но готов был на любые жертвы, лишь бы приобрести заветный билет.

Целых две недели Микола отказывал себе в самом необходимом. Он побледнел, осунулся, но вся его экономия дала пять копеек. Больше он собрать не мог.

Прошли новогодние каникулы. Зима все крепчала, и Микола начал основательно чувствовать прорехи в своей одежде. И чем холодней было бежать поутру в школу, чем гуще была дробь зубов, тем больше мечтал Микола об иных странах, об изумрудных степях, о таинственных и тенистых лесах, о вечном рокоте морского прибоя, о шумных и далеких европейских столицах.

Но пятака было недостаточно, чтобы увидеть все это с помощью лотерейного билета.

«Вот если бы еще сорок пять копеек! Только сорок пять! И весь мир открыл бы свои объятия Миколе» ...

Дни шли своим чередом. Потянуло уже весенними ветерками, посерел снег, и стало особенно неудобно ходить без галош.

В школе работали напряженной, готовились к проверке знаний.

Колька Панкратов сменил «Эсперо» на «Премиальные» и все надеялся выиграть портсигар. Однажды он явился в школу с новейшей сенсацией.

— Прибыл Бенья Крик! — громко заявил Колька.

Не все школьники знали эту знаменитость, и поэтому со всех сторон посыпались вопросы:

— Кто? Какой Бенья Крик? В чем дело?

— Чудные... Не знают Бенью... Ведь Бенья, это — король! Бенья... Бенья...

Колька даже захлебнулся.

Микола следил за газетами и знал, что речь идет о новой кинокартине. Когда он рассказал об этом товарищам, интерес к Кольке сразу пропал, но зато появился интерес к картине. Началась торговля, обмен. Каждый «комбинировал» мелочь на билет.

Колька Панкратов весь день был задумчив и зол. Он несколько раз выворачивал карманы, и все безнадежней становилось выражение его лица. Наконец, во время последнего перерыва он объявил:

— Продается билет авиалотереи за полцены!

Капиталиста, способного выложить сразу четвертак, в школе не нашлось. Тщетно Колька снизил цену до двадцати копеек. Многие щупали билет, нюхали, гладили... Некоторые предлагали продать билет в кредит, до отцовской получки. Но Колька не мог принять этих условий. Ему деньги нужны были немедленно, чтобы сегодня же купить билет в кино и завтра победоносно рассказать подробности подвигов Бени. Только двадцати копеек не хватило.

Школьный коммерсант и комбинатор Пупырко Гришка неожиданно пришел на помощь Кольке.

— Чудак! — сказал он. — Почему тебе самому не устроить лотереи? Бей лотерею лотереей!

Вдвоем они составили план, и Гришка выговорил себе двадцать пять процентов с барыша.

Скоро по школе прошла весть, что в пятой группе разыгрывается билет авиалотереи по баснословно дешевой цене: одна копейка за билет. Колька с Гришкой скрыли, что такая дешевка вызвана огромным количеством билетов. Коммерсанты выпустили их двести штук. Первоначальная цель раздобыть только двадцать копеек теперь отступила на задний план, и Колька увлекся предприятием ради наживы.

— Двести билетов... Два рубля... триста процентов барыша!

Услышав о лотерее, Микола поднял голову. Он посмотрел на свой сиротский пятак, взвесил его в руке, пощупал и решил попробовать счастья в Колькиной подлотерее (так в школе называли предприятие).

Вечером оба предпринимателя наслаждались зрелищем подвигов и приключений Бени Крика.

Но на этом сеанс не кончился, — после Бени показывали быструю видовую картину. Города с большими, уходящими в небо многоэтажными домами сменялись великими пустынями, где только пески и пески. Тундры и сибирская тайга чередовались с плодороднейшими тропическими странами.

Друзья сидели как зачарованные, напрягая свое зрение, чтобы ничего не упустить из виду.

В кармане их осталось еще достаточно на коробку «Премиальных», на шесть ирисок и на коробку спичек. Это говорило о том, что большая половина лотерейных билетов была продана в первый же день.

В сумме растраченных в тот день Колькой и Гришкой капиталов был и Миколин затертый пятак. Микола пробовал счастья. У него в кошельке лежало пять клочков бумаги — билеты с надписью:

ЛАТАРЕЯ... НА БИЛЕТ АВИАЛАТАРЕИ, МОЖНО ЛЕТАТЬ КРУГОМ

СВЕТА ЛИШЬ БЫ БЫЛО ДВА БИЛЕТА!

№ 174.

РОЗЫГРЫШ В СУББОТУ.

ЦЕНА ОДНА КОПЕЙКА НАЛИЧНЫХ, КРЕДИТ ПОРТИТ
ОТНОШЕНИЯ.

*К. Панкратов и Пупырь-
ков Григорий Семенович.*

Микола рассчитал, что если даже выиграет билет подлотереи, то у него остается все же очень мало шансов на кругосветное путешествие, так как на два миллиона билетов авиалотереи только шестнадцать выигрывают кругосветное путешествие.

Когда товарищ Миколы — Вася Гольшев — узнал о комбинациях друга, то заорал:

— Эй, хлопцы! Держите его за хвост!.. Держите, чертяку, а то улетит без оглядки!

Ему казалось, что Миколин выигрыш беспспорен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ГЛУХОМ СЕЛЕ

В это время за две тысячи верст от Миколы Омельченко, в Пермской губернии, в глухом селе Ярушине, отталкиваясь правой ногой от земли, катился на ледяшке с горки Антошка Жуков, шустрый коренастый парнишка лет четырнадцати. На крутом спуске ледяшка разогнала, как ветер, и чуть не наскочила на кошевку Кузи Толоконцева, выкатившуюся из кривого переулка.

— Куда гонишь? Эй! — крикнул Толоконцев, останавливая от неожиданности лошадь. — Башку расшибешь.

Но Антошка с мгновенной ловкостью свернул в сторону и с разгона врезался по пояс в снег.

— Загруз? — засмеялся Толоконцев и шагом направил гнедого мерина по откосу. — Вот и просидишь тут до вечера. А я, брат, из волости прямо чудеса привез.

— В решете? — насмешкой на насмешку спросил Антошка, ничуть не смущаясь тем, что Толоконцев был секретарем сельсовета и притом старше его лет на десять.

— Что в решете? — не понял Кузя.

— Да чудеса-то.

— В решете, не в решете, а вот тут, в портфеле.

Толоконцев вытащил из сена полотняную сумку и любовно похлопал ее теплой шерстяной рукавицей.

— Вот тут и сидят...

— Обманываешь?

— Зачем обманывать? Приходи в сельсовет, — покажу.

Пока Толоконцев, настегивая вожжами мерина, подымался в верхний конец села, Антошка выпутался из глубокого рыхлого снега, отряхнулся и, стуча ледяшкой по укатанной дороге, бросился догонять кошевку. Но она была уже далеко.

В сельсовете сидело человек пять мужиков. От махорки под потолком стоял кромешный дым. Толоконцев с морозу даже чихнул, точно на занозу носом наткнулся.

— Ну и насмолили! — сказал он, отдуваясь от табачной горечи. — Прямо дымовая завеса, как на войне.

— А что делать? Сидим, покуриваем, тебя ждем. Сказывай новости!

— Новостей особенных нет. Лететь народ собирается.

— Лететь?

— Билеты такие вышли. Лотерея будет разыгрываться. Выиграешь счастливый — лети кругом света. Надоело летать — садись в поезд-экспресс, надоело поездом — вали пароходом. Как твоя душа желает!

У Антошки от любопытства загорелись глаза.

— Это как дед Назар прошлый год? — спросил он.

— Нет, брат, почище, — засмеялся Толоконцев.

При упоминании деда Назара мужики засмеялись тоже. Они ясно вспомнили, как в прошлом году первый раз за время существования Ярушина над селом зажужжал аэроплан, как он,

**Прощайте,
православные,
может, не вернусь**

подобно большому звенящему жуку, покружился и сел на лугу. Весь народ сбегался тогда к диковинной штуке. А с аэроплана слезли два человека в невиданных очках и предложили, не желает ли кто подняться на воздух. Смельчаков не нашлось. Один только семидесятилетний дед Назар, на удивление селу, вдруг махнул рукой и заявил: «Поднимайте меня, товарищи. Все равно век свой я отжил. Слетаю, аль помру — какая разница. А ежели шмякнемся мы оттедова, по крайности, хоть с музыкой похоронят...» Назар перекрестился и, неловко ступая оробевшими старческими ногами, уселся в кабинку. «Прощайте, православные, может, не вернусь», — поклонился он народу. «Очень просто», — жалостно сказал ему кто-то в напутствие: — «Ссадят тебя где-нибудь на облако, поминай тогда как звали. Будешь сверху ногами побалтывать...» Но когда через двадцать минут, разрезая небо стальным ветром, аэроплан вернулся снова, побывав за это время

в селе Кряжном, которое находилось в восемнадцати верстах от Ярушина, дед Назар категорически заявил: «Нет, братцы, теперь я помирать не согласен. Еще годов сотню прожить хочу!»

Толоконцев с важностью достал из сумки пачку розовых лотерейных билетов. Они были похожи на новые деньги.

— Дешевка! Полтинник штука, — улыбнулся он, хлопнув ладонью по билетам.

— А как узнать, который счастливый? — спросил Антошка, вспыхнув трепетным волнением.

— Ну, это как жребий падет. Заранее ничего неизвестно. А ты, Антошка, полетел бы?

Антошка покраснел от смущения:

— А чего ж...

— Ну, давай полтинник. Делай почин.

Антошка смутился еще больше.

— Что? Мелких нет? — засмеялся Толоконцев. — Иди, расстарайся где-нибудь. А я для тебя один билет оставлю.

— Нет, я хочу взять самый первый, — вот, что сверху лежит.

— Этот? Пожалуйста. Оставлю первый.

— Ой, прогадаешь, Антошка! — ехидно прищурил левый глаз рыжий мужик Данила. — Бери из середки, верней будет.

— Нет, мне верхний, — уперся Антошка.

— Смотри, не зареви потом.

— Я? Реветь? Пусть сначала рак свистнет.

Антошка задорно вздернул носом, круто повернулся и выбежал на улицу.

Мысли его были напряжены до чрезвычайности и сосредоточены на одном: где достать нужный полтинник, как завладеть билетом, который может дать совершенно необыкновенное, неслыханное счастье, какого никто не знал на сотни верст в окрестности, — всемирное, кругосветное

путешествие?... Сразу прихлынули все воображаемые картины, о которых рассказывал отец, побывавший и на войне, и в плену у немцев, прошедший потом красноармейцем все фронты — с севера до юга и с запада до востока. Возможность выиграть путешествие казалась настолько соблазнительной и заманчивой, что заслонила собой все. И вдруг горячо ударило в голову, будто кто окно распахнул на вольный летний воздух: « Попрошу у дедушки Назара... У него есть! Копил же когда-то себе на гроб...»

**Антошка бегом
пустился по улице**

Антошка бегом пустился по улице. Снег хрустел и звенел под его летучими ногами. Ледашку, чтобы не мешала, он оставил во дворе сельсовета. Мелькали мимо заборы, окна, амбары, ворота. До избы деда Назара оставалось уже дворов десять, как вдали показалась толпа улюлюкающих ребят, гнавшихся за кем-то с гамом, криком, смехом и свистом, подобно стоголосой лавине охотничьих загонщиков. Антошка невольно остановился и скоро рассмотрел, что ребята, его соседи и приятели, дразнили

желтолицего, худого китайца, который во все стороны поводит своими испуганными косыми глазами, как заяц, который мечется в переполохе, не зная, куда спастись от преследования окружившей и наседающей своры борзых. В одной руке у него болтался завязанный в холстину сверток с товарами, другой он ожесточенно отмахивался от орущих и издевающихся преследователей.

— Ребята, что вы! — остановил их Антошка.

— Да ходя больно смешной. Иди, прогонку ему хорошую сделаем! Иди скорей.

— Бросьте!

— Э, размазня! Шпыняй китаезу, шпарь желторожего снегом! Держи его! А-ля-ля-ля... А! А!

— Да вы, никак, ошалели? — зазвенел Антошка вспыхнувшим голосом. — А если вас так травить? Хорошо будет?

Ребята с недовольным смущением сдержали свой азартный бег. Некоторые стыдливо засторонились глазами.

— А ну его к лещему! — крикнул кто-то не совсем уверенно.

— Эх, что Толоконцев из волости привез! — интригуяще загадал Антошка и, когда его обступили любопытствующим кольцом, начал торопливо рассказывать про билеты.

— Ерунда! — отрезал Егорка, самый заядлый озорник из ярушинских мальчишек. — Никому никакого путешествия не достанется.

— Почему же? — строго осадил его Антошка.

— Для выигрыша талант надо иметь или слово секретное знать.

— Ну, сказанул тоже! Еще, может, к знахарю пойти?

— Может, и к знахарю.

— Ха-ха-ха!.. — рассмеялись ребята. — Из каких лесов ты приехал?

— А вот увидите, — уже потеряв задор, хмуро вздернул подбородок Егорка.

— Увидим! — крепко и убежденно ответил Антошка, как борец, надеющийся на свои силы. — Я верю.

Он побежал дальше, а часть ребят шумной гурьбой направилась в сторону сельсовета.

Дед Назар тащил на плечах вязанку соломы с гумна, когда Антошка забежал во двор.

— Дедушка, я к тебе с просьбой... — робко начал он первый в своей жизни ответственный и самостоятельный денежный разговор. — Дай мне займы полтинник.

— Полтинник? Тебе?

Старческие глаза деда Назара даже округлились от неожиданности.

— А ты что за герой, что на мой стариковский полтинник целишься?

Антошка горячо заговорил о лотерее. Дед добродушно прояснился и с живейшим интересом стал слушать о заманчивой новости.

— Где ж я тебе возьму полтинник? — сказал он, наконец. — Они у меня не растут. Огурцы летом сажал — выросли, а полтинников, милок, ни на какой грядке не найдешь.

— Да ведь у тебя на гроб были припасены?

— Тю! Махнул куда... Так ведь то похоронные. Их трогать нельзя.

— Дедушка... — замялся Антошка. — Ты же отказался помирать. Зачем тебе гроб?

— Вот чудак! — усмехнулся Назар. — А если смерть меня не спросит и придет все-таки?

— Я бы к тому времени отработал, — переступил с ноги на ногу Антошка. — Какую хошь работу сделаю.

Дед Назар почесал затылок, посмотрел на Антошку, на его ловкую коренастую фигуру, заглянул с пристальной зоркостью в синие надежные глаза и крякнул:

— Что ж, парень, надо тебя уважить. Авось и ты меня когда-нибудь уважишь...

Через две минуты он хозяйственно вынес из избы полтинник и, как взрослому, вручил Антошке.

Дед вручил Антошке пятьдесят копеек

Не чувствуя под собою ног, Антошка побежал в сельсовет. Там уже было много народу. Все рассматривали лотерейные билеты, подносили на свет, нюхали пахучую, свежую типографскую краску, но покупать пока никто не решился.

— Ну, давай, — торжественно протянул Антошка полтинник Толоконцеву.

— Вот это я понимаю. Вот это делец! — искренно обрадовался Толоконцев. — На, бери, друг, бери. Счастливо!

— Рисковый парень! — с одобрительным уважением удивились мужики.

А рыжий Данила ехидно скривил губы и, точно занозу всадил, рассмеялся нараспев:

— Плакали твои денежки, голубок!.. Пропал полтинник. Ай-яй-яй...

Но Антошка в ответ только бровями метнул — быстро и уверенно:

— Посмотрим!

Он бережно положил билет в карман и с радостным возбуждением покатился на ледяшке домой, юркими скачками отталкиваясь от плотно застывшей белой дороги, звеневшей, как литой чугун.

Дома, к величайшему своему изумлению, Антошка застал совершенно неожиданную картину. Давешний китаец, весь посветлевший и обмякший, как гость, сидел за столом, а Антошкин отец хлопал его по плечу и восторженно говорил:

— Ли-Чан! Друг!.. Дорогой ты мой товарищ, да неужели это ты?..

Китаец нежнейше сиял своими таинственными косыми глазами и мелко кивал головой:

— Я сам... Я.

— Антошка! — обернулся отец к стукнувшей двери, — смотри, кого я встрел, — друга вернейшего. Мы с ним вместе в Красной армии воевали, вместе голодали, мерзли, хворали, горе и радость одним сердцем принимали...

Ли-Чан взглянул на Антошку и вдруг узнал своего защитника. Лицо его вспыхнуло.

— Хороша тибя син, — сказал он с благодарной теплотой. — Он тожи мой друг.

Антошка не удержался и в знак дружбы сейчас же показал свой выигрышный лотерейный билет.

Китаец сощурился и с улыбкой многозначительно поднял палец, как человек, которому внезапно пришла счастливая мысль.

— Советски билет — вэрна, билет, — сказал он. — Я идем

Китаец написал какие-то замысловатые закорючки

сейчас родина — Шанхай. Дай бумаг, пишу тибэ тыри слова. Если билет возьмешь ехать кругом земля, нипэрименна иди Китай. Придешь Шанхай — большой город, — будешь моя гости. Дом у минэ нетт. Тогда покажи эти тыри слова любой китайска рабочий, и тибэ приведут место, игде скажут, куда живет Ли-Чан.

Китаец на Антошкином клочке бумаги сверху вниз быстро написал какие-то замысловатые закорючки, очень похожие на растопырившихся жучков.

— Держи!

Антошка посмотрел и невольно спросил:

— А что тут написано?

Китаец снова многозначительно поднял палец и тонко, по-заговорщицки, одними черными зрачками улыбнулся. Антошка вдруг все понял, восторженно закивал головою, сорвался с места и побежал прятать китайские слова вместе с билетом в свой заповедный сундучок.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОЗЫГРЫШ

Александру Степановичу, учителю географии, пришлось очень туго. Ни звонки, ни крики не помогали. Ребята нервничали, не слушали объяснений, не знали уроков. Кто-то с «камчатки» крикнул:

— Расскажите лучше про кругосветную лотерею!

Александр Степанович обиделся было, но, сообразив, что это не праздная просьба, принялся рассказывать все, что сам знал.

В классе водворился порядок. Прекратился шёпот, смолк смешок; до большого перерыва ученики внимательно слушали занятные истории.

Под рокот голоса учителя у Миколы, воображавшего себя выигравшим кругосветное путешествие, захватило дух. Вот-вот... еще немного, и он полетит...

В перерыве выбрали «выигрышную комиссию». Пупырьков Гришка важно восседал в председательском кресле и командовал:

— Тяни, клоп!

Ося — самый маленький ученик в школе — «на общее счастье» опускал свою пухленькую, в чернильных пятнах, ручонку

в грязную Гришкину шапку и тянул свернутые в трубочки билетки.

— Пустой...

— Пустой...

— Пустой...

— Тяни, клоп!

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Заколдованный билет...
Колдуй, баба, колдуй, дед...

Это «колдовал» Сенька Шпиль.

Утром, когда мать подняла его с постели, первым делом он спалил гусиное перо и три раза плюнул в колечко из своих пальцев. Перо сгорело без остатка, а слюна не обмочила пальцев, и Сенька был уверен, что билет достанется именно ему. Если он и

колдовал теперь, стоя в толпе, так это для аннулирования чужого колдовства, не больше.

Пол у председательского стола уже покрыт клочками изорванных билетов, а Гришка-председатель продолжал спокойно выкрикивать:

— Пустой...

— Пустой...

— Пустой...

Ося давно морщился. У него болели ручонки от непривычной работы. Ребята переминались с ноги на ногу, и все так же нетерпеливо ожидали розыгрыша.

В грязной шапке оставалось совсем мало билетов: видно было даже дно ее. И вдруг...

— 174!

— У кого 174?

На секунду в классе воцарилась абсолютная тишина, потом раздался звонкий голос Микола:

— У меня! У меня! Вот он...

Высоко держа над головой билет, Микола прошел к столу президиума. Гришка сделал величественный жест рукой, означавший: «тише!», и важно принялся сличать билеты. Затем, посоветовавшись с членами комиссии, он провозгласил:

— Выигрыш выпал на билет № 174. Выиграл правильно товарищ Микола Омельченко!

И шум сразу пошел по комнате, выкатился в коридор, побежал по классам, запорхал от парты к парте:

— Счастливый! Микола выиграл... Омельченко... Он слово, наверное, знает.

Собрались ученики всей школы. Старшие смеялись.

— Ну, брат, за чем дело стало? Лети, коли выиграл... Кланяйся Чемберленовой бабушке! Да скажи Муссолини — пусть поменьше чихает!

Микола был серьезен. Теперь он уже был уверен, что выиграет кругосветное путешествие. Ведь до сих пор у него была только одна сороковая шанса на выигрыш подлотереи и одна пятимиллионная на выигрыш кругосветного путешествия. Теперь же, раз билет подлотереи выигран, его шансы на выигрыш кругосветного путешествия сразу увеличиваются в сорок раз, и,

Микола сидел над стареньким глобусом

стало быть, он располагает одной стадвадцатипятитысячной шанса на выигрыш кругосветного путешествия, как и каждый обладатель билета.

— Как знать! Всякое бывает.

Неудачный «колдун» — Сенька Шпиль — бранил Кольку Панкратова:

— Мошенник! Мошенник! Обманщик! Ты говорил, что твое средство самое верное... Я и перо палил, и через дырку плевал... Все сделал, даже все время колдовал, когда разыгрывали, ничего не помогло... Обманщик ты, вот что! Деньги выманил...

Смущенный Колька вдруг сообразил:

— А кто тебе велел колдовать, когда розыгрыш был? Я же тебе этого не велел. Ну вот и испортил. Сама себя раба бьет... Пенять не на кого. Надо было слушать.

И он гордо отвернулся от неудачника.

Если бы не звонок, пожалуй, вышла бы драка, потому что Сенька не отставал и продолжал приставать со своими укорами.

В тот вечер Микола просидел до двенадцати часов над стареньким глобусом, обводя его чуть видными линиями в разных направлениях. Во сне он видел себя пересекающим пространство, где-то в беспредельной вышине, на огромном вертящемся и сверкающем аэроплане невиданной конструкции.

А за две тысячи верст от Харькова, в глухом Пермском селе Ярушине, появился свой «авиатор». Так прозвали односельчане Антошку Жукова.

Антошка давно забросил свою ледяшку, перестал озорничать и налег на учебу. Учитель диву давался: откуда такое? Ведь, казалось, меньше всего парень интересовался географией, а тут, посмотри-ка, — и какая такая Китайская страна, и что за народ китайцы, и кто за китайцами живет, и кто туда дальше, к краю, как говорят, земли, и что над землею, и что под землею...

Старики при встрече с Антошкой обязательно принимали солидный вид, хмурили лица и будто всерьез спрашивали:

— Ну, авиатор, как там у вас на небе? Далеко ли ночью летал?

Чтобы не доставлять пищи для насмешек, Антошка старался отшучиваться в тон:

— Далеко летал, высоко летал, а таких мудрецов не видал.

Кончались такие любезности дружным общим смехом.

Отец старался вернуть Антошку на землю.

— Да пойми ты, — говорил он, — два миллиона их, билетов-то, а выигрывают шашнадцать. Подели и увидишь, на сколько билетов один выигрыш приходится. А ты уже в авиаторы записался и лететь собрался. Ты, брат, особенно не надейся: выйдет — ладно, а не выйдет — и так проживем.

Дед Назар, наоборот, все время поддерживал надежды Антона.

— Эх, молод еще, не знаешь... А какие, брат, чудеса бывают...

После такого вступления всегда начинались рассказы о царевичах, жар-птицах, колдунах, кощеях и коврах-самолетах. И хоть не верил Антошка этим бредням, а воображение его распаялось. То воображал он себя героем, спасителем родной деревни от голода, то защитником китайцев от англичан.

С одной стороны, трезвые рассказы отца, с другой — фантастические бредни деда Назара. Мальчик попал в какой-то круг, в котором трудно было отличить реальное от фантастического.

В картотеке издательства «Правда» появилась новая карточка подписчика Антона Жукова, почт. отд. Солнцево, Пермской губ., с. Ярушино.

Каждый день отправлялся Антон за девять верст в Солнцево. Там, робко потоптавшись с полчаса у окошка и дождавшись очереди, он тихо спрашивал:

— Газетку нельзя, дяденька? От спасибо...

И бережно уносил под полую свою газету.

Дома, вдвоем с отцом, они прочитывали всю газету, от строки до строки. Отец больше всего любил первую страницу и последнюю. Карикатура, передовица, телеграммы о заграничных

новостях, «суд» ... Антошка, наоборот, любил третью страницу — отдел «На местах».

— Тятя, — кричал он — на остров Врангеля прибыл пароход. А вот про Карскую экспедицию пишут... Вышла, слава богу, в открытое море...

Но, конечно, основной целью подписки была авиалотерея. Все, что относилось к ней, заучивалось буквально наизусть.

Так провели в мечтах, меж газетой и сказками, долгую крестьянскую зиму. Когда же зазвенели миллионами серебряных колокольчиков мутные ручьи, и на жирной земле появились первые несмелые, свернутые еще, лепесточки, и деревья покрылись бледной, нежной зеленью — крестьяне наладили «ремонт» и дружно двинули в поле.

На время авиалотерея уступила место пахоте и бороньбе. Потом начали сеять. Дед Назар ходил по полю и давал советы приятелям:

— Как кладешь? Да как кладешь, спрашиваю? Рассевай, подсевай, чтоб ветерком ее подхватило... Вот так. Понял?

Крестьяне не хотели обижать старика. Принимали его советы, как нечто новое и полезное.

— Пусть потешится старик. Сам не сеет теперь, пусть его командуваит.

Было это в яркий весенний день. Маленькое далекое серебряное облачко только подчеркивало бесконечную голубую чистоту воздуха. В придорожных тополях пели малиновки. Высоко, с песней, неслись, словно ныряя и плавая, жаворонки. Подсохшая земля вся сплошь была покрыта ярким изумрудным ковром. Густой щеткой зеленели озими, пробивались яровые.

Антошка упруго и легко шагал по дороге в село Солнцево за газетой. Ему казалось, что все поет вокруг, и песнь эта отзывается в его собственной груди.

Мечты о далеких странах, приключениях и путешествиях теперь, когда покончили с севом, снова овладели мыслями мальчика. Тянуло на простор, за горизонт; на моря, в воздух, к солнцу.

Антон знал, что розыгрыш авиалотереи начался еще на прошлой неделе. Поэтому и несли его так быстро молодые ноги.

Может быть, и таблица напечатана... Может быть, и выиграл. Как знать! И он все прибавлял шагу.

Домой он вернулся бегом

Обратно он уже не шел, а бежал. Кололо в боку, не хватало дыхания. Но ноги упорно несли его вперед. За пазухой Антошка нес драгоценный номер «Правды». Таблица была помещена на третьей странице.

Чем меньше оставалось идти до Ярушина, тем больше становилась уверенность Антона, что он несет за пазухой свое счастье.

У околицы встретился Кузя Толоконцев.

— Куда так летишь, авиатор? Может, авария стряслась?

Антон только отмахнулся и быстрее помчался к родному дому.

— Ужель и вправду выиграл?

— Тятка, — ворвался он вихрем в избу. — Тятка, гляди, вот она, таблица! Вот, гляди! — И, разложив газету на столе, кинулся в чулан, где стоял его заветный красный сундучок. Дрожащими руками развернул он тряпицу, достал красивый, хрустящий розовый билет и бегом вернулся в комнату.

— Тятка! Тятка! Смотри здесь в таблицу, а я буду в билет смотреть! Погоди, погоди! Ты смотри в билет, а я сам буду в газету...

Антошка нервничал, спешил, дрожал, а отец посмеивался:

— Ну и горячка! Чего спешить? Не горит ведь, поди, твой билет?

Антон быстро пробежал глазами и пальцами по таблице. Лицо его побледнело.

— Что, нету? — спросил отец.

— В газете нету, — замялся Антошка, — а у билете не знаю...

— Эх, шляпа ты, шляпа! Гляди! Вот он номер, а тут, може, он тоже есть. Как есть, значит, и выиграл. Понял?

Просмотрели еще раз таблицу. Еще... Переглянулись. Снова внимательно осмотрели билет, номер, проверили на свет...

Стояли оба — отец и сын — растерянные, недоумевающие...

— Ужель и вправду? Антошка... И взаправду выиграл.

Антон не мог прочесть номер билета. Буквы и знаки прыгали у него перед глазами.

— Може, ошибка? — бормотал он, а в груди, точно молотками, билось что-то и вопило:

— Летим! Летим! Летим!

Затея сына теперь перестала казаться отцу такой безобидной. Билет ему не мешал. Он и сам не прочь был бы полетать по дальним краям,

Но... отпустить четырнадцатилетнего сына в опасное кругосветное путешествие... это в его планы не входило.

Уговоры, просьбы, конечно, не помогли. Антошка упорно стоял на своем.

— Поеду, и все...

Вечером соседи собрались в тесной избе Жуковых. Охали да ахали. Многие все еще не верили, что и впрямь их Ярушину такой

почет и счастье выпали. В самой, можно сказать, Москве билет для них вытянули...

Дед Назар хитро улыбался и успокаивал отца:

— Эх, голубок... Вот мне помирать пора, а много я на своем веку хорошего видел? Говори, коли знаешь. Солдат должен все знать!

— Что и говорить! Верно, что в темноте живет наш брат, — уныло тянул отец, — но, и то сказать, перья на ем еще не обросли, а уже туды же, летать...

В избушке церковного старосты в тот вечер было большое собрание. Лавочник Аристарх Сидорыч, дьякон о. Никанор, псаломщик, староста и старостиха, отставной стражник Адрианов всячески обсуждали событие. На столе стояла четверть водки, лежали в рассоле добрые огурцы, сиротливо жались к селедке крутые яйца.

В четвертый раз псаломщик выходил на улицу.

— Ну, что, летит? Летит? — сыпались вопросы, едва он возвращался. — Ужели на такую отчаянность решится?..

— Кто его знает? Не разберешь... Гуторят, гуторят, а толком не поймешь...

Часов около двенадцати сам стражник Адрианов пошел в разведку.

— Летит! — сказал он, возвратившись, и залпом выпил стакан водки.

Дьякон важно перекрестился:

— Упокой, господи, душу отрока сего!

Утром односельчане провожали Антона в «губернию».

От имени общества Кузя Толоконцев сказал прочувствованную речь. Она отняла у оратора и слушателей три минуты. Кузя больше топтался и заикался, чем говорил:

— Лети, браток, — сказал он, — и не забывай камуницку партию, котора возносит тебя, как ангела, под облака... и не забывай нас, а на дорогу, пока до губернии добьешься, вот возьми — общество миром жалует...

Кузя протянул Антону клетку, в которой были поросята, гуси и куры.

Рыжий мерин сельсовета с места пошел рысью и скоро скрыл путешественника за поворотом дороги. Долго еще стояли крестьяне, глядели, как садилась пыль, только-что поднятая скрывшейся сельсоветской повозкой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Приехав на станцию. Антошка соскочил с телеги, отряхнулся и смелыми шагами направился к кассе. Окошко кассы было открыто. Около него нетерпеливо жались в очереди человек шесть пассажиров. Когда они, купив билеты, отошли, Антошка подал кассиру свой счастливый лотерейный билет с развернутой на нем картой всего земного шара и, подавая с видом независимого, вполне самостоятельного человека, сказал:

— Пожалуйста, до Москвы.

— Какого класса?

— Этого... как его... самого дешевого, — замявшись на мгновение, скороговоркой вывернулся Антошка.

— Двенадцать сорок.

— Что двенадцать сорок?

— Рублей, копеек! Не понимаешь?

— Я по выигрышу. Без денег!

— Как это без денег? — с подозрительностью скопил глаза кассир из-под старых, в железных ободках, очков. — За счет царя небесного, или шаха персидского, может быть?..

— Зачем? — удивился неожиданному наскоку Антошка и храбро принялся разъяснять, указывая пальцем на левую сторону

— Я по выигрышу. Без денег!

билета. — Очень просто. Вот смотрите, тут же написано: «Выигравший путешествие, кроме того, получает железнодорожный билет от места своего жительства до Москвы и обратно» ...

Кассир раздраженно дернул билет, поднес его к самому носу, торопливо прочел мелкие строки и шлепнул бумажку обратно на подоконник окошечка:

— А я откуда знаю, что именно ты выиграл?

— Ну как же... — раскрыл Антошка глаза от неосведомленности кассира. — В газетах же пропечатано было: серия 093, № 06224. И вот тут как-раз, точка в точку, и серия, и номер, — все совпало.

— Что же, моя голова завозня, или амбар, чтобы в ней газетные известия складывались? Мало ли всякой всячины печатают! Так мне это в мозгах держать, по-твоему? Ничего не знаю, не помню и знать не могу. Давай деньги или проходи — не задерживай очереди. Следующий!

Антошка на минуту опешил, потом подумал, растерянно почесал затылок, несколько раз оглянулся во все стороны, как бы ища помощи и поддержки, наконец, махнул рукой и вышел к отцу на улицу.

— Тут у них порядки, знаешь, каки... совсем слабые! Не дает кассир билета. Выкладывай, грит, двенадцать рубликов сорок копеечек. Придется, видно, клетку нашу расторгать...

Кур, гусей и поросят успели распродать только к полдню следующего дня. Два поезда на Москву пришлось из-за этого пропустить самым обидным образом.

Из вырученных двенадцати рублей семидесяти копеек двенадцать сорок Антошка заплатил за железнодорожный билет.

— Ой, смотри, не пропади, — забеспокоился отец. — Что у тебя осталось? Тридцать копеек — разве деньги?..

— А на что мне больше? Хлеб есть, мать полну торбу набила, воды попить — бесплатно словчусь. Чего еще? Только бы до Москвы добраться, а там суточные дадут. Читал, в билете сказано?

— А вдруг осечка выйдет, как здесь, с кассиром?

— Вот еще! То здесь, а то Москва. Разница, поди!

— Боюсь я все-таки...

— Чего же?

— Да ведь кто знает... Как говорится: «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки».

Антошка похлопал себя по карману, где у него лежал лотерейный билет, и уверенно усмехнулся:

— Ничего! Моя синица крепко сидит. Уже попалась в мои руки. Не выпущу.

И, наклонившись к уху отца, твердо сказал:

— В случае чего, если и в Москве, в Авиахиме, таких пыжей вроде кассира встречу, — я, знаешь, что сделаю? Прямо к Калинину пойду! Ей-богу!

— Ну? — с удивлением и ободрением посмотрел отец.

— А что же? Он в обиду не даст! Мое дело верное — выиграл.

Когда подошел поезд, Антошка, как с верным товарищем, простился с отцом и с некоторой робостью к большой, сложной машине, впервые видимой, которой на несколько дней нужно было вверить свою судьбу, забрался в вагон:

— Счастливо! — едва успел крикнуть отец.

Полетели за окнами поля, дороги, леса, села, города, поплыл мимо, все отставая и отставая, разноцветный ковер жизни, как в панораме, потянулась обширнейшая советская страна.

В Москву Антошка приехал утром на четвертые сутки. Сияло солнце, шум, стук, говор, лягз, звонки, — тысячи звуков оглушали непривычные уши. Город пестрел несчетными фигурами деловито спешащих людей, многоэтажные дома без конца и края высились со всех сторон. Антошка почувствовал себя маленькой песчинкой, попавшей в огромное, бурное, клокочущее море.

«Ну, держись, Антон!» — мысленно сказал он самому себе. — «Не теряй головы» ...

Выйдя с вокзала на площадь, он осмотрелся. Движение людей, извозчиков, автомобилей, телег, трамваев было ошеломляющим.

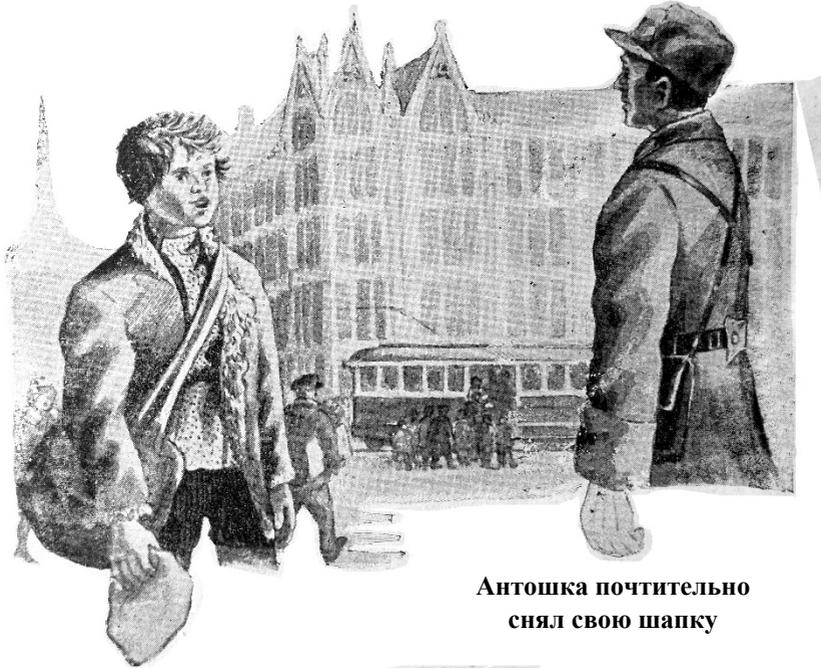
«Куда идти?» — бился в мозгу напряженный вопрос. — «Сюда повернуть, или туда?» — перебегали глаза с одной улицы на другую.

Наконец, Антошка насмелился и спросил у прохожего в старом замасленном пиджаке:

— Дяденька, а где тут Авиахим находится?

Прохожий быстро повернул в его сторону голову и неохотно отмахнулся, как очень занятый человек:

— Не знаю. Мильтона спроси.

**Антошка почтительно
снял свою шапку**

Ресницы Антошки часто замигали. «Какого мильтона?» — не понял он в первую минуту. Но переспросить уже было некогда: спина несловоохотливого прохожего мелькала далеко впереди

среди идущих в разные стороны фигур, броситься же догонять его не хватило смелости.

Антошка беспомощно огляделся еще раз — и вдруг около трамвайной остановки увидел милиционера в белых нитяных перчатках, в пылающей малиновым цветом фуражке и ярко начищенных франтоватых сапогах. «Наверно у них тут милиционеров так зовут» ... — сразу сообразил он и, преодолевая невольную нерешительность, направился к важно поглядывающему блюстителю порядка. Приблизившись на расстояние трех шагов, он почтительно снял свою деревенскую шапку и повторил тот же вопрос, что и прохожему.

— Шапку надень, — улыбнулся милиционер. — И объяснил самым подробным образом, как попасть в Авиахим.

— Садись в трамвай, — доедешь прямо, куда нужно.

— А дорого? — боязливо спросил Антошка, хорошо помня, что капитала у него только тридцать копеек.

— Гривенник.

— Это можно, — обрадовался Антошка и поспешно вспрыгнул на площадку остановившегося трамвая.

Вагон, как быстрая лодка, поплыл по непостижимой сутолоке Москвы.

— Вот тут. Слезай, — крикнул кондуктор на одной из остановок.

С большим волнением, с робостью и неуверенной радостью подошел Антошка к высокому дому, на котором толстыми золотыми буквами было написано «Авиахим». Сердце стучало часто и громко, как в запертой клетке молоток. Мысли летели вихрем, беспорядочным потоком.

Вот открылась широкая лестница. Пол вокруг нее блестел, как лакированный. Красный суконный половик, точно ковер, застилал ступени. Шаги на этом половике стали неслышными,

беззвучными. Прерывисто переводя дыхание, Антошка поднялся в светлый, сверкающий зал, где за дубовыми барьерами сидели десятки что-то пишущих и считающих людей. Предъявил Антошка билет и голосом, которого сам не узнал — до того он был тонок и ломок — сказал:

— Кажись, выиграл?..

Подошли двое очень нарядных служащих. «Наверно, начальники», — подумал Антошка.

Сверили билет с печатной таблицей выигрышей, справились по каким-то книгам и бланкам. У Антоши даже сердце затрепетало: «А вдруг ошибка? Вдруг скажут — нет?..»

Но вот «начальники» заулыбались, закивали головами. К ним подошло еще несколько человек служащих. Антошку обступили, окружили.

— Молодец! — поздравляли и осматривали его со всех сторон. — Кругосветное. Ловко! Откуда?

Антошка рассказал, как достался ему билет, рассказал про газету, про кассира, про клетку с курами, гусями и поросятами и, как неоспоримое свидетельство своей настойчивости и смелости, показал на ладошке оставшиеся двадцать копеек.

— В гостиницу его! — распорядился веселый пожилой человек, вышедший из кабинета, оборачиваясь к почтительно расступившимся перед ним служащим. — Одеть, обмыть, обусть. Там у нас уже есть один мальчик — Микола Омельченко — из Украины приехал, — обратился он к Антошке. — К сожалению, ему не кругосветное досталось, а лишь во Францию и Италию. А то бы пустили вас вместе.

Этот день для Антошки был полон головокружительных впечатлений, каких раньше никогда не приходилось переживать. Его сейчас же повезли в гостиницу, где в номерах, снятых Авиахимом, остановились, съехавшиеся со всего Союза удачники,

выигравшие то или иное путешествие. По дороге заехали в огромный, блестящий витринными стеклами магазин. Антошка едва успел прочитать богатую, широко размахнувшуюся по всему фасаду надпись: «Москвошвей.» Сопровождавший Антошку сотрудник Авиахима взял его за руку и быстро повел к высокой зеркальной двери входа. В магазине у Антошки разбежались глаза: он не мог ни на чем сосредоточиться — такое было кругом обилие самых разнообразных одежд и товаров. Сопровождавший сотрудник о чем-то коротко распорядился, и к Антошке с предупредительным вниманием мгновенно наклонился бритый, седоусый приказчик, обмерил его лентой клеенчатого сантиметра, затем со стуком и грохотом снял с полок несколько коробок с бельем и ловкими движениями стал прикладывать белоснежные рубашки к Антошкиным плечам, к шее, к вытянутым рукам. Отложил шесть пар в сторону, галантно изогнулся, склонил на бок голову:

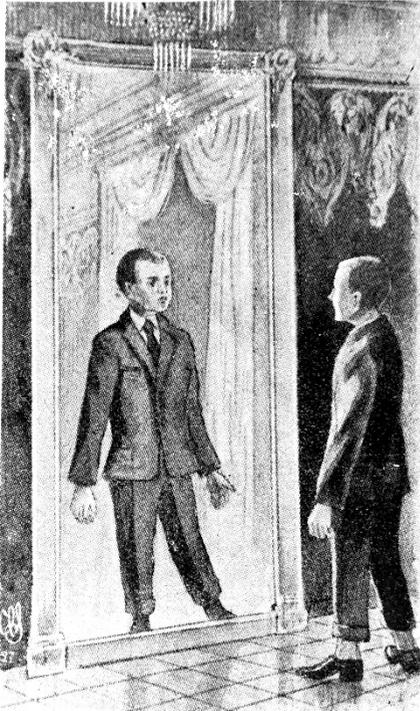
— Еще чего позволите?

Сотрудник опять что-то сказал, и приказчик, как очень аккуратная машина, гибко задвигался в другом направлении. Орудя тонким шестом, похожим на удилице, он поддевал сверху, с густых вешалок, затейливые костюмы и примерял их Антошке. Остановились на двух. Через полчаса с большими, деликатно увязанными пакетами, в которых было тщательно завернуто белье, костюмы, кепка, пальто и перчатки, Антошка и его спутник тронулись дальше. Но почти сейчас же сделали новую остановку и в одном из соседних магазинов купили франтовские шевровые туфли на пряжках.

— Да как их застегнуть? Пожалуй, не сумею: уж больно хитро запутано, — смутился Антошка.

— Ничего! Научишься, — похлопал его по плечу сотрудник Авиахима. — Кругом света, брат, поедешь. Чтобы лицом в грязь не ударить, надо приодеться как следует.

В гостинице состоялось знакомство с Миколой Омельченко. Но не успел Антошка и двух слов сказать, как его повели на третий этаж, в парикмахерскую. Там плавно легла вокруг шеи белая

**Из ясного стекла на него
смотрел совершенно
незнакомый юноша**

простыня, застрекотала вкрадчивым мелким голосом машинка, и вихрастые Антошкины волосы полетели, как сдунутый ветром пух с одуванчика. Проступила круглая, ловкая, аккуратная голова. После парикмахерской Антошку заставили выкупаться в ванне, в целом озере теплой воды, мыли его душистым мылом и белыми мягкими мочалками. Когда через час, обтеревшись толстым махровым полотенцем, Антошка оделся во все новое и глянул в зеркало, он не узнал себя: из огромного ясного стекла на него смотрел нарядный, совершенно незнакомый юноша, у которого только лицо напоминало какого-то близкого человека.

— Ну, теперь будьте как дома, — сказал сотрудник Авиахима и оставил Антошку с Миколой в просторном светлом номере гостиницы.

Несколько мгновений Антошка молча рассматривал Миколу с ног до головы, потом осмелился и спросил:

— Ты что, сроду такой, или тебя только тут франтом сделали?

— Тут.

— Здорово это у них получается...

— Еще бы: Москва!

Микола рассказал, что он приехал еще третьего дня, что в оглушительном шуме города, kloкочущем с раннего утра до глубокой ночи, никак не может разобраться, что днем его водили по музеям, картинным галереям, а вечером в театр, и что он ждет не дожидается, когда все будет готово, чтобы ехать за границу.

— А ты на аэроплане летал? — спросил он вдруг Антошку.

— У нас их нету. Прошлый год показался один, так только деда Назара поднимал.

— Ну, и что?

— Очень интересно вышло. Мужики думали, что деда, шутки ради, где-нибудь на облаках ссадят, чтобы не храбрился на старости лет. Однако, прилетел старик обратно, как ни в чем небывало.

— Как же мы с тобой? Рискнем?

Антошка нерешительно крикнул и переступил с ноги на ногу.

— Боишься?

— Если бы знать, что он оттудова, с небеси-то не скovyрнется, то чего бояться?..

— А если вверх тормашками? Если камнем на землю — ляп?..
Что тогда от нас останется?

Антошка невольно поежился, мысленно представляя себя падающим с заоблачной высоты.

— Ну как же? Полетим?.. — настаивал взволнованно и неуверенно Микола.

— По-моему, так: решились путешествовать, значит трусить нечего. Любопытно все-таки сверху на землю посмотреть. Сверху-то, чай, видать, что она круглая?..

— Скорей бы уж...

Ждать пришлось недолго. Через четыре дня первые две группы путешественников сформировались окончательно. Кругосветное путешествие выиграли трое: Антошка Жуков, бухгалтер клинцовского суконного треста Шварц и комсомолец — шахтер из Горловского рудника в Донбассе по фамилии

Микола, Твердохлебов и хохотушка Яхонтова

Нездыймишапка. Маршрут их намечался по городам: Москва — Берлин — Париж — Гавр — Нью-Йорк — Чикаго — Токио — Владивосток — Москва. Во вторую группу попали тоже трое: Микола Омельченко, старик профессор Твердохлебов и веселая хохотушка машинистка Зоя Яхонтова. Их маршрут был значительно короче: Москва — Гамбург — Рим — Париж — Ницца — Венеция — Вена — Прага — Дрезден — Берлин — Москва.

За время совместной жизни в номере Антошка крепко подружился с Миколой.

— Эх, если бы нам вместе досталось ехать, — мечтали они. — Вот было бы хорошо!

— А знаете что, — посоветовал профессор Твердохлебов. — Давайте в Париже встречу устроим. Все равно ни первой, ни второй группе Парижа не миновать.

Эта мысль понравилась путешественникам в высшей степени.

Но в момент отъезда случилось совершенно неожиданное происшествие, едва не спутавшее все планы. Вторая группа села в экстренный поезд на Ленинград, чтобы оттуда на пароходе плыть до Гамбурга. Поезд первой группы, направлявшийся в Берлин через Псков — Варшаву, должен был отойти на полчаса позже. Антошка зашел в вагон к Миколе проститься и по рассеянности не услышал последнего звонка. Он опомнился только тогда, когда поезд плавно тронулся с места. В испуге расталкивая публику, Антошка бросился по коридору к двери.

— Куда ты? Куда?

— Упадешь! Расшибешься!.. — закричали на него со всех сторон.

Чьи-то цепкие руки схватили Антошку за плечи в тот момент, когда он готовился спрыгнуть на уплывающий переплет стальных, остро торчащих рельс.

Поезд все ускорял и ускорял ход.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕЗ РУЛЯ

Стало ясно: произошла нелепая оплошность, уничтожившая в один миг радостное настроение и сотни самых увлекательных надежд и ожиданий, связанных с мыслями о большом, необыкновенно серьезном путешествии. От обиды, огорчения и растерянности Антошка готов был заплакать.

— А билет с тобой? — с бессильным участием спросил Микола.

— Какой? — поднял пылающие глаза Антошка, едва преодолевая силу горечи, готовую хлынуть потоками неудержимых слез.

— Да железнодорожный. До Берлина, или куда там?..

— Все у нашего старшего — у бухгалтера Шварца. И билеты, и документы...

— Тю-тю-тю! Это дело табак...

Антошка, дико озираясь, как попавший в западню, прислонился к вагонной перегородке, стал ниже ростом, сжался и посерел.

— Подождите, не отчаивайтесь, — подошел профессор и положил ему руку на плечо. — Ничего страшного нет: ведь ваш поезд через полчаса тоже пройдет по этому пути. Сейчас на ближайшей остановке мы дадим телеграмму, а на станции Тверь или еще лучше на станции Бологое, откуда ваш поезд должен повернуть на Псков, вы сойдете и будете ждать своих. А до Бологого, если контроль потребует, мы вам билет купим.

Утешительные слова профессора, действительно, начали подтверждаться. В Твери дежурный по станции нашел вагон с путешественниками и деловым торопливым голосом спросил:

— Антона Жукова тут нет?

— Есть, есть! — всполошился Антошка. — Это я. Я — Жуков.

— Антошка! Друг! Жив?

— Который потерялся?

— Именно, именно! Я потерялся.

— Телеграмма из Москвы: если есть, посадить в Бологом.

— Да я сам сойду. Только бы доехать.

Верст за десять до Бологого Антошка простился с Миколой окончательно и вышел в коридорчик около площадки, чтобы сейчас же соскочить, как только остановится поезд.

В Бологом, оставшись на станции в полном одиночестве, вдали от родного села, оторванным от двух групп людей, с которыми его временно связала случайная судьба, Антошка вдруг почувствовал себя покинутым и затерянным навеки. Те полчаса, которые прошли в ожидании экспресса из Москвы, показались ему невероятно долгими, мучительными. Но какова же была его радость, когда подкатывающейся быстрой лентой показались длинные международные вагоны, и с площадки одного из них раздался громкий смеющийся крик Нездыймишапки:

— Антошка! Друг! Жив?

Антошка без слов стрелой бросился в вагон — к Нездыймишапке, к Шварцу, как к самым дорогим людям в мире.

— Что, хлебнул страху? — подсмеивался Нездыймишапка. — Будешь помнить теперь, как без ума по чужим вагонам шататься?..

— Плакал? — спросил Шварц.

— Нет. Удержался. Чуть-чуть, однако... — сознался Антошка. — Еще немного — и разревелся бы.

С этого памятного происшествия решили раздать на руки каждому его билеты и документы, чтобы в случае чего не оказаться в таком же беспомощном положении, в каком оказался Антошка. Кроме того, Шварц выдал Нездыймишапке и Антошке по сто рублей, чтобы, на случай беды, у каждого были деньги, при помощи которых можно было бы принять хоть первые необходимые меры в смысле питания, проезда и установления связи со своими.

Но дальнейшее путешествие пошло довольно гладко.

В Варшаве остановились только на один день. При торопливом осмотре города Антошка больше всего был поражен роскошью дворцов бывших польских королей и магнатов, кричащей пестротой офицерских мундиров, которые попадались в глаза на каждом шагу, и нарядной сытостью публики, заполнявшей центральные улицы.

— Вот так республика! — саркастически кривил губы Нездыймишапка. — Панов-то, панов-то сколько!.. А жирные, черти, как индюки!.. Эх, прямо душу мутит смотреть на это сало. Наверно, мужики у них немножко тощее живут?..

И, действительно, когда проезжали потом по территории Польши, нищий вид сел и деревень колол Антошку, как едкая, беспокойная заноза. Бедность сквозила всюду и после разряженных, беспечных улиц Варшавы казалась особенно неприкрытой и страшной.

Тяжелый гранитный Берлин промелькнул в сознании Антошки, как сложный, непонятный сон. Грандиозные картинные галереи и музеи, полные всевозможных сокровищ искусства и истории, прошли перед глазами сказочной вереницей. Даже тогда, когда Берлин остался уже позади, и стремительный экспресс мчал путешественников через Кельн в Париж, стоило Антошке зажмуриться, как непрерывная лента ярких красочных пятен, точно живой поток, пронеслась перед ним.

За окнами экспресса в весенней зелени мелькали десятки городов. Все в них было ново, необычно, интересно: дома, крыши, улицы, подстриженные сады, люди в незнакомых одеждах. Картины сменялись одна за другой, как в кинематографе.

На второй день к вечеру в вагоне среди пассажиров начало чувствоваться какое-то невольное возбуждение.

— Ну, товарищи, пора собираться, — озабоченно заметил Шварц: — через полчаса Париж.

— «Париж! В него въедешь — угоришь...» — весело подмигнул Нездыймишапка. — Посмотрим!

И туже подтянул пояс своей блузы.

Скоро из окна можно было увидеть необъятное синее облако, лежащее на самом горизонте, освещенное красными лучами закатного солнца.

— А по-моему это лес, — не согласился Антошка.

Но проходивший по коридору кондуктор, в ответ на ломаные вопросы Шварца, с улыбкой разъяснил, что громадная полоса на горизонте не облако и не лес, а именно Париж.

У Антошки даже дух захватило от изумления.

— Такой большой?..

— Неужели Париж? — восхищенно прильнул к окну Шварц.

— Париж! Париж!.. — неслось по вагону из конца в конец.

Через несколько минут поезд с грохотом летел по затейливым сетям бесчисленных рельс и, наконец, с торжественной мягкостью подошел к вокзалу. И сейчас же на перроне Антошка услышал океан звуков, восклицаний, криков, разговоров — на непонятном певучем языке. Всюду мелькали улыбки, сияли смеющиеся глаза, блестели зубы, раздавались поцелуи, приветствия. Стеклянные своды огромного вокзала ошеломляли своей волшебной высотой и прозрачностью. Потолки, двери, окна, — все сверкало, все было стеклянным и притом наполненным щедрым оранжевым светом вечернего солнца, как мягким огнем.

Вышли на площадь и сели в автомобиль, чтобы ехать в гостиницу. Десятки улиц снующей путаницей движения полетели навстречу с бешеной быстротой. Многоэтажным зданиям, гороподобным домам не было конца. Вечерний майский воздух бил свежей струей прямо в лицо, поражало бесчисленное обилие бульваров, на которых стройными рядами цвели аллеи каштанов.

— Ну, пермяк, солены уши, — потряс Нездыймишапка Антошку за плечо, — хорош городок?

Антошка ничего не ответил. От полноты впечатлений, в знак крайнего восторга, он только покачал головой. Шварц торопливо протирал свои бухгалтерские очки, точно Париж не вмещался в них, не укладывался, не попадал полностью.

— Вот бы где с красными знаменами пройтись! А?.. — блеснул задорными глазами Нездыймишапка.

— Тут? Арестуют! — решительно возразил Антошка.

— Понятно, если мы с тобой вдвоем сунемся...

— И втроем, со Шварцем, арестуют.

— Ха-ха-ха!.. — захохотал Нездыймишапка. — Да что он, Еруслан Лазаревич, что ли? А вот тысяч пятьсот бы рабочих собрать! Вот тогда бы!..

Утром путешественники направились в советское полпредство. Там им дали прекрасного переводчика, хорошо знающего город, и под его руководством началось знакомство со всеми достопримечательностями Парижа. Глаза не успевали останавливаться на том, что их влекло. Ноги от усталости подкашивались. Дня не хватало. Чем больше смотрели, тем больше хотелось видеть.

Через двое суток, как было условлено, из Гамбурга через Гавр приехала вторая группа: профессор Твердохлебов, Зоя Яхонтова и Микола Омельченко. Взаимных рассказов и горячих, нескончаемых разговоров было множество.

— Знаешь, я в Гамбурге на слоне верхом катался, — похвастался Микола.

— На слоне?.. — не поверил Антошка.

— Ей-ей. Спроси профессора.

— А бабушка твоя не каталась? — засмеялся Антошка.

— Думаешь, вру?

- Что же, слоны там в извозчиках служат?
- Ничего подобного: просто есть зоологический сад, а в саду — ручные слоны. Вот я на таком и катался.
- А на аэроплане?
- На аэроплане — нет.
- Когда же полетим?
- Да наши, кажись, не собираются.
- Что-о?..
- Ей-богу! Профессор говорит, у него сердце не подходящее: лопнет. Зоя Яхонтова верещит со страху и уши пальцами зажимает — слушать про аэроплан не хочет...
- У нас тоже слабо, — пожаловался Антошка. — Главное дело, — бухгалтер довоенного образца: очкаст больно. Чуть какое движение побойчей, он сейчас же за очки хватается; потеют они у него сильно. От воздуха же, от высоты, совсем, говорит, слепые сделаются. А без очков он никуда — прямо курица.
- Ну, а этот... как его?.. Ну, вот... фамилия еще насчет шапки?
- Нездыймишапка? Этот молодец! Верно! Давайте втроем полетим, хоть для пробы. С Нездыймишапкой не шути: из семи печей хлебы едал паренек.
- Согласится?
- Ого! Куда угодно!.. Он раз признался мне: строят, грит, в Америке снаряд здоровенный, — собираются выстрелить им на луну. Так я, грит, заявление туда заказным письмом послал: желаю-де в том снаряде на луну лететь.
- Да ну?
- Честное слово
- Вот это козырь!
- Отчаянная головушка. Ничего не боится.
- Значит, летим?

— Непременно!

С двух слов уговорили Нездыймишапку и сейчас же, не откладывая задуманного дела ни на минуту, отправились вместе с переводчиком на аэродром. Но было уже поздно: наступал вечер, и все обычные аппараты, обслуживавшие публику, были в разлете.

— Вы вот что, — посоветовал один из летчиков. — Приходите завтра как можно раньше. На рассвете отправляется конкурсная эскадрилья в Нью-Йорк, которая ставит себе задачей перелететь океан сразу, без остановок. А после ее отлета учебные аппараты будут подниматься над Парижем. Тогда вас с удовольствием поднимут.

Волнение охватило ребят. От предстоящего события у Антошки кружилась голова. Микола не находил себе места — поминутно вскакивал, вертелся, бегал. При выходе с аэродрома он купил в киоске компас на ремешке и надел на левую руку, как браслет.

— Зачем это? — спросил Антошка.

— Следить буду во время полета.

— Ты бы лучше часы купил.

— Часы ты купи. Вдвоем легче будет наблюдение вести. Ты время станешь отмечать, а я — направление.

Когда вернулись в гостиницу, Шварц, огорошенный сообщением, со всей бухгалтерской рассудительностью пробовал отговорить:

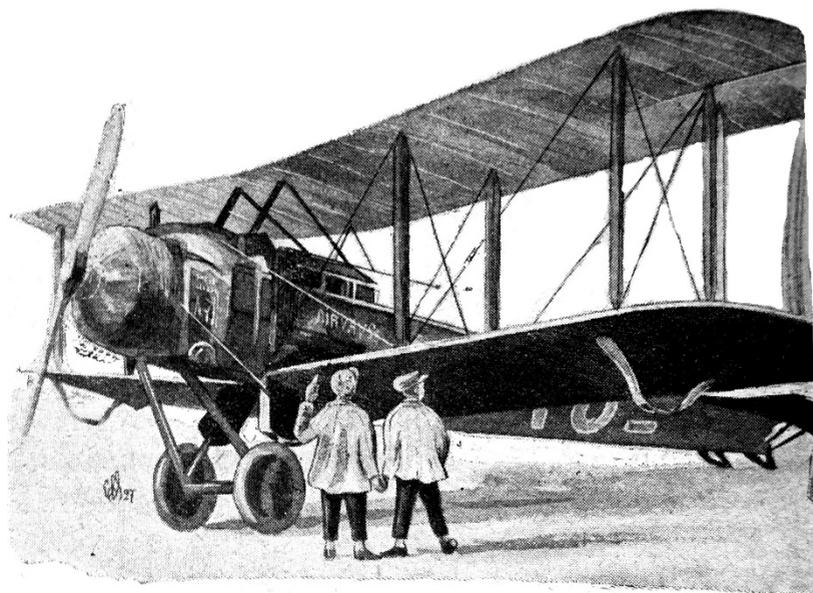
— Бросьте, хлопцы. Еще разобьетесь, чего доброго! Кто за вас отвечать будет?

— Успокойтесь, пожалуйста. Целы будем! Хотите, кусок облака вам с неба привезем на память?..

— А! — махнул рукой Шварц. — Делайте, что хотите.

На рассвете в парной четырехместной карете Нездыймишапка, Антошка, Микола и переводчик выехали на

аэродром. От свежего утреннего холодка у всех невольно ежились плечи. Рассвет начинался изумительно. На бульварах и в парках среди цветущих, благоухающих деревьев просыпались птицы. Копыта лошадей четко стучали по асфальту. Далеко за Парижем, на самом краю неба, нежными пламенными огнями загоралась заря.

Стояли сверкающие бипланы

Посреди аэродрома стояли три прекрасных сверкающих биплана — многосильные стальные птицы, готовые к дальнему перелету через Атлантический океан. Бортмеханики в последний раз осматривали и проверяли каждую часть, каждый малейший винтик с такой же тщательностью и пристальностью, с какой

часовых дел мастера проверяют часы. Летчики нетерпеливо посматривали на огромные циферблаты ручных браслетов.

Вдруг из ангара вышел встревоженный человек. Он приблизился к бипланам и что-то быстро заговорил. Летчики и бортмеханики с нахмуренными, недовольными лицами выслушали его сообщение и в ответ что-то стали доказывать, подтверждая свои слова нервной, недоумевающей жестикуляцией.

— Что случилось? — спросил Антошка у переводчика.

— Один из летчиков внезапно заболел какой-то ерундовой болезнью и просит отложить состязание на завтра. А так как он большой любимец военного министра, то вот они и спорят.

Французы посоветовались еще несколько минут и в конце концов согласились все-таки полет отложить. Когда они кивнули рабочим, чтобы те вкатили аппараты обратно в ангары, Нездймишадка тронул за рукав переводчика.

— А, может, который-нибудь нас прокатит с горя? Смотрите, как у них кисло на душе.

Переводчик перевел просьбу.

Два летчика резкими взмахами рук отказались. Но третий, самый молодой, остановился. Он, кажется, больше всех был недоволен задержкой состязания, — оглянулся, быстро осмотрел юных путешественников с ног до головы и неожиданно широким жестом остановил свой аппарат.

— Согласен! — пояснил переводчик. — Он хочет в Гавр слетать. Садитесь в кабинку.

— А вы? — спросил Антошка. — Пожалуйста, с нами за компанию. Теперь только семь часов, как-раз к одиннадцати вернетесь...

— Я?.. — испугался переводчик. — Я нет... Я домой... — боязливо затряс он головой и отступил в сторону как можно дальше.

Не успели ребята усесться, как заревел пропеллер, и мощный биплан, точно резиновый мяч, неслышно покотился по земле. У Антошки гулко и сладко забилося сердце. Он смотрел на ровное поле аэродрома, как на сцену чудесного театра, на которой он сам выступает действующим лицом, — и вдруг почувствовал, что земля стала куда-то отлетать, удаляться вниз с такой же захватывающей дух стремительностью, как это часто бывает во сне.

И скоро глубоко внизу мгlistой массой понесся навстречу город. Сверху он казался невыразимо величественным, как беспредельный муравейник. Аэроплан, делая широкие круги, шел все выше и выше и, наконец, взял курс на запад. Ветер свистел в стальных тросах, крылья гудели от быстрого тока воздуха, пропеллер сердитым жуком сверлил небо. Микола едва успевал взглядывать на свой новенький компас.

Когда позади вошло солнце, и земля озарилась теплым, широким светом, на горизонте показалась необъятная синяя полоса. «Море!» — понял Антошка. Нездыймишапка, указывая в сторону густой сини вытянутой рукой, что-то громко и радостно кричал, но звука его голоса за шумом пропеллера не было слышно. Скоро у самого моря показался город, на рейде можно было различить пароходы.

— «Это, наверно, и есть Гавр», — решил Антошка.

Летчик, словно играющий коршун, забирал все выше и выше, любуясь своей силой и смелостью.

Вдруг аэроплан попал в огромное облако. Сырая белая мгла закрыла и землю и море непроницаемой завесой. Чтобы вырваться из нее, летчик взял еще выше. Аппарат, как на крутую гору, винтом полез вверх. Но конца облачному туману не было. Вдруг аппарат рвануло. С неимоверной силой качнуло на бок. Он

мгновенно накренился, но его сейчас же швырнуло на противоположный бок.

Ветер дул резкими рывками, ударами, неистовствовал бешеными вихревыми налетами. Стало ясно, что аэроплан попал в полосу воздушной бури. Это рассердило летчика. Он, как побеждаемый борец, старался не поддаваться, пробовал разные направления, чтобы прорваться в спокойный простор. Однако, все его усилия были напрасны. Аэроплан метался в летучем белесом вихре, как щепка, подхваченная бурей.

Антошку охватил страх. Ни земли, ни неба не было перед глазами, ни спасения, ни помощи, ни надежды уже нельзя было себе представить. Так продолжалось несколько часов. Наконец, когда летчик, выведенный из равновесия и самообладания, крутым поворотом рванул горизонтальный руль, — руль сломался, и гибель стала неизбежной. Изменить направления уже было нельзя, — аппарат несло на юго-запад и только стихия бушующих воздушных течений могла бы кинуть его в какую-нибудь другую сторону.

Внезапно белая мгла начала редеть. Сначала этому никто не хотел верить. Однако, скоро облака отстали, — блеснул ясный солнечный день, и то, что путешественники увидели, было действительно ужасным: внизу во все стороны простирался необозримый океан. Никаких признаков суши ни один глаз, при всем напряжении, не мог уловить.

«Пропали!..» — похолодел Антошка, предчувствуя скорую смерть.

В распоряжении летчика оставался только руль высоты. И, чтобы не упасть в море, он запасал, захватывал высоту.

К вечеру все испытывали мучительнейший голод. От долгого пребывания в воздухе тошнило. Но самое страшное пришло тогда, когда наступила ночь. Вверху была тьма. Среди нее густо сверкали

звезды. Внизу зиял крошечный мрак. Зловещий вой пропеллера рассекал ночную твердь с невыразимой жутью. Казалось, что аэроплан несется в межпланетном пространстве и что каждое мгновение его стережет смерть. По-прежнему он шел на юго-запад, и притом ближе к югу, чем к западу.

Когда забрезжил рассвет, Антошка слабеющим взором увидел, что Нездыймишапка и Микола посерели, как мертвецы. Они сидели неподвижно, закоченев от холода, от страха, от непереносимого напряжения. Их лица были полны безнадежности и уныния.

А вдруг Нездыймишапка замахал руками, закричал, задвигался, как ветряная мельница, куда-то дико указывая.

Антошка глянул и понял:

— Земля! Земля!..

Летчик заметно повернул руль высоты на снижение. Через десять минут показался берег, ровная степь, травы. Когда аэроплан опустился, в первое мгновение никто не мог встать, — так ослабели тела. Наконец, летчик как бы очнулся и с трудом поднялся. Он изнеможенно снял свой шлем. Антошка невольно ахнул: молодые вьющиеся волосы француза стали белыми, как у старика.

Антошка остался верен себе и деловито взглянул на часы. Было десять минут десятого, но из-за тумана казалось, что день только начинается.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НЕОЖИДАННЫЙ СОЮЗНИК

Пока ребята пытались определить местоположение, с севера, от пологих холмов, потянулись тучи, обогнули горизонт и закрыли солнце. Сразу потемнело вокруг; готовился большой дождь. Микола и Антошка спрятали записные книжки, переглянулись и обратились к летчику:

— А как теперь? — спросили они в один голос.

— Теперь? — переспросил летчик, — теперь дело табак. Бензина нет, помощи ждать неоткуда...

Обескураженные путешественники не обратили внимания на то, что летчик разговаривает на чистейшем русском языке.

Неожиданно задрожал воздух и затряслась земля. Грозный раскат грома пронесся над землей. Летчик сделал знак. Друзья кинулись за ним к машине и общими усилиями потащили ее под большую кряжистую пальму. Летчик накрыл мотор брезентом и забрался под крыло. Едва ребята успели последовать его примеру, как громовой раскат повторился, сверкнула ослепительная молния, забарабанили вокруг, прибывая траву и сбивая ветви и листья, крупные, густые дождевые струи. Скоро дождь полил косыми ручьями, словно кто-то открыл миллионы невидимых водонапорных кранов. Вода лилась с шумом, похожим на шипение брошенных в воду раскаленных углей.

Скоро пальма перестала защищать от воды. Ствол превратился в рукав, по которому, ворча, сбегали дождевые потоки. На земле они забирались под плоскости аэроплана и подмачивали ноги путешественников. Поле начало покрываться водой. Трава легла, уступая место разбушевавшимся струям.

Нездыймишапка схватил Миколу за руку:

— Слышь, Микола! Нас тута снести может. Того и гляди, машину подмоет.

— Француз знает, — ответил Микола, поглядывая на летчика.

Тот вдруг засмеялся:

— Ну, какой я, к чёрту, француз?

Ребята пооткрывали рты:

— Как, не француз?

— Да очень просто, хоть и числюсь в рядах французского воздушного флота, а француз такой же, как и вы!

— Чего он говорит? — переспросил Нездыймишапка.

— Говорит — не француз, — сказал, не поворачиваясь, Антошка.

— А как же вас понимать? — спросил у летчика Микола.

— Понимать меня Андреем Поликарповичем Сидоренком, — вот как понимать. А у французов я служу по тяжелому случаю.

— Расскажите! Расскажите!

Ребята придвинулись ближе.

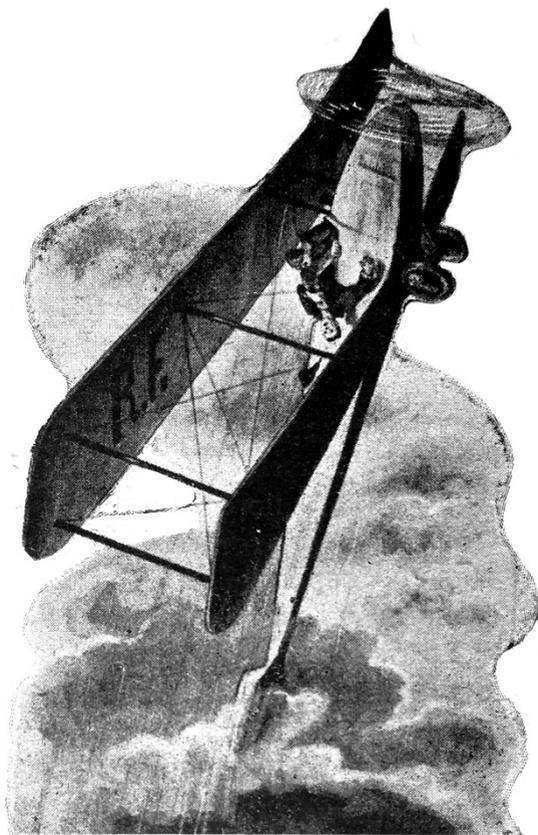
А ливень не утихал. Низины уже представляли собой клокочущие озера. Ноги путешественников были по щиколотку в воде. Но летчик настолько заинтересовал, что, забыв о необычности положения, о воде и ливне, ребята приготовились слушать.

— Так вот, — начал Сидоренко, — было это еще в немецкую войну. Вы ее, должно быть, не помните. Отправили наш корпус во Францию на союзную поддержку. Загнали нас союзники эти на самую тяжелую позицию, где каждый день немцы тяжелыми орудиями громили. Увидели мы, что дело это тяжелое, что зря пропадать приходится, и стали требовать, чтобы нас обратно в Россию отправили. Тогда командование, с французами в компанию, отвело нас в тыл и давай наводить порядок. Меня, как

агитатора, загнали вроде каторжника на какой-то Нормандский остров. Это недалеко от Гавра. Там у них аэропланная база была. Ну, стал я аэропланы работать. А я по специальности монтер. Скоро приспособился. В доверие вошел и стали мне давать пробу машин. Начал я понемногу летать. Так прошло до семнадцатого года. Там, как узнал я про нашу свободу... Эх, защемило сердце, тоска, товарищи, сушить начала. Но что поделаешь! Уж я подумывал машину приспособить и... драла. Да, черти, следили очень. Бензину больше как на пятьдесят километров не отпускали, проклятые. Ну, куды полетишь? Кругом ихние миноносцы, аэропланы сторожевые... Я туда, я сюда... Ничего не попишешь. С острова далеко не уйдешь. Тут, однажды, приехал к нам новый летчик. Только-что школу кончил. Приказано было ему, значит, выдать машину, и прямо с базы имел он лететь куда-то с серьезным поручением. Машину ему приспособили, — ничего машина была — Фарман 600 сил. Только не хотел летать барон без бортмеханика. А такого на базе не было в тот день. Просили его обождать, потерпеть, повременить... А он фордыбачится. К самому, говорит, Фошу пойду на телеграф жаловаться. У меня, говорит, самое секретное и самое важное поручение. Ну, тут, конечно, растерялись. Вижу я, мое время подходит, и говорю начальнику: а как, говорю, ваше сиятельство, если бы мне грехи перед свободной родиной в вашей земле великодушной замолить? А он говорит: «Пожалуйста. Это дело возможное. Лети себе за бортмеханика; вместе грехи замаливать будем». Я своим ушам не верю. Еще не знал, что да почему, а чувствовал, что тут я свободу свою возьму.

«Вот поднялись мы с ним, сразу над морем понеслись. Держит он курс не на юг, к французским берегам, а на север, в открытое море. Забирается на самую высоту, до отказа. Вот уже тысяча, тысяча двести метров... Ну, думаю, летим к богу в гости.

Наконец, уже и моря не видать; идем над облаками, густыми-густыми... Подумал, подумал... и решил: теперь или никогда. Сидел я у него сзади, в кабинке наблюдателя. Оружия у меня никакого. Тогда я снял мотузок от штанов, петлю сделал да ему на

Выкинул его в море

шею накинул. Хрипит француз, а рычагов не выпускает. Тогда я на него взлез, рычаги принял и, думаю, валяй Андрей

Поликарпович в Советскую Россию на всех парах. Только глянул, а бензина чорт-ма. Что будешь делать? Не хотелось руки марать французом, а пришлось. Иначе гнить бы мне во французской каторге до второго потопа. Затянул я петлю потуже, а мой француз уже синий, не дышит. Взял его документы, оделся в его форму, а его, голубчика, в море выкинул. Вот лечу я и бумаги просматриваю. Оказывается, есть пакет за сургучными печатями, с надписью: «Вскрыть по прибытии в Лондон». А острова эти самые, английские, уже близко должны быть. Уменьшил газ, стал спускаться. Есть! В самый раз: Лондон под ногами. Спустился на аэродроме, как полагается союзному летчику, пошел с рапортом. Кое-как по-английски наскреб. Спасибо, был у нас мастер англичанин — от него в каторге научился. Вот в гостинице вскрываю пакет: «Явиться, — написано там, — в распоряжение лорда Пальмерста, адмиралтейство...»

«Делать нечего. Явился я в распоряжение этого знатного лодаря, вручил бумаги, добытые у француза и закатились мы с ним на три года в Азию. Скитались мы там по Бирме. Мой лорд все желтых собирал в союзную армию, попутно крамолу выводил, чтоб не воспользовались бирманцы войной и свою свободу не объявили. А как кончилась война, и уехал лорд Пальмерст, стали мы с французским генералом Мурреем оружие контрабандой в английскую Индию перебрасывать. С англичанами в союзе, а за спиной — индусов поднимаем. Так уж у них повелось, у цивилизованных. Все это время бежать никак нельзя было, и я продолжал состоять поручиком воздушного флота «великой французской республики» — Жаком Де-Лятюр-Бем. Только уже в двадцать пятом году послали меня на высшие летные курсы в Париж. Терпел я. Сердце в кулак зажал, ждал все. А от учебы не отлынивал. Зачем отлынивать? Учеба-матушка, она и у нас в СССР пригодиться может. Вот за день до вашего приезда

произвели меня в старшие пилоты. А полет этот через океан должен был я держать вроде экзамена. Да чёрта с два. Если бы не руль, были бы мы теперь в СССР...

Ребята так заслушались приключений Сидоренка, что и не заметили высоко поднявшегося и начавшего снова палить солнца.

Воды в поле уже не было. Только капельки сверкали бриллиантами в обсыхающей и подымающейся траве, да далекая радуга украшала синее, синее небо.

Первым очнулся Микола. Он горячо пожал руку Андрея Поликарповича и сказал:

— Хоть у нас никто не поверит... а я верю и буду за вас...

— И я, и я... — присоединились Нездймишапка и Антошка.

— Ребята, объясняться в любви успеем, а теперь надо нам выбраться из этой безлюдной, неизвестной земли и двинуться каким-нибудь способом к своим. Не забывайте: у нас нет бензина, нет пропитания, мы не знаем, где находимся, а наши нас не ждут, — сказал Сидоренко.

— Стойте! Стойте! — вскричал вдруг Микола. — Что там ревет?

Все насторожились. Откуда-то из зеленого степного простора доносилось низкое металлическое гудение и плыло настойчивыми рывками над степью.

— Завод! — крикнул Нездймишапка.

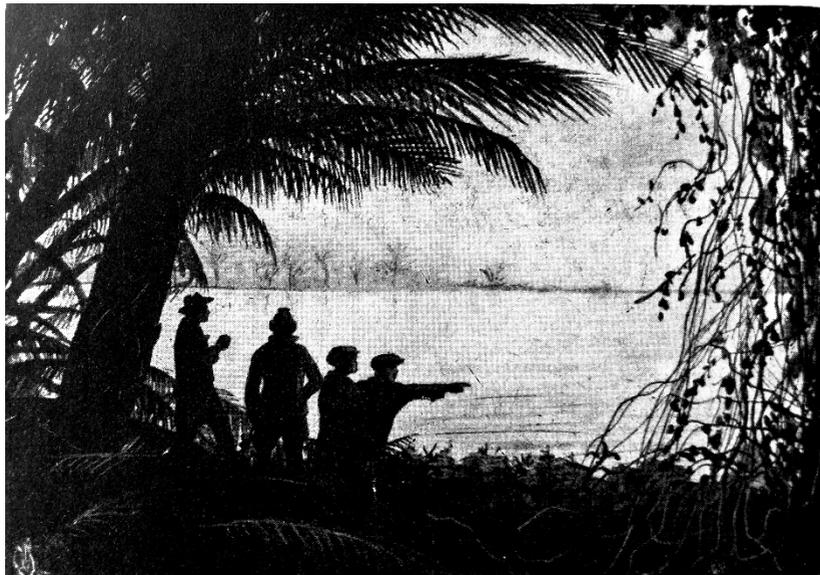
— Аэроплан! — перебил Микола.

— Ни то и ни другое, — спокойно сказал Сидоренко. — По-моему, где-то близко идет пароход. Если бы вы меньше возились, слышно было бы и вам. Только-что ревел, а сейчас пыхтит слышно.

— Пароход? Как пароход? — изумились ребята. — Что ж он, по-вашему, по песку, что ли, плывет?

— Зачем по песку? — невозмутимо сказал Сидоренко. — Вы не понимаете, друзья. Здесь, в этом необъятном поле, благодаря зелени, не видно отчетливо контуров. А я уверен, что долина не так ровна, и у берега реки есть холмы, закрывающие ее от наших глаз. Только холмы эти не видны из-за сплошного зеленого фона.

— Да ну? — изумился Микола, — я бы никогда этого не понял...

Перед ними была широкая водная равнина

Антошка не дожидаясь конца спора. Быстро сбросив куртку и ботинки, он начал взбираться на пальму. Ее шероховатая поверхность, несмотря на объем, позволяла легко карабкаться по стволу. Скоро Антошка скрылся в развесистой пальмовой кроне. Через минуту донесся его голос:

— Вижу! Вижу! Больша-а-я речища! Страсть... и верно — пароход на ней.

Подкрепившись скромными запасами летчика, друзья сговорились двигаться к реке. Порча руля оказалась настолько незначительной, что аэроплан был вполне пригоден к дальнейшему путешествию, оставалось только наполнить резервуар бензином. У реки ребята надеялись раздобыть горючее, справедливо полагая на берегу разыскать населенный пункт.

Машину решили временно оставить под пальмой. Около получаса ушло на маскировку аэроплана зеленью. Затем путешественники двинулись напрямик к реке.

Через два часа, когда солнце начало опускаться за далекие, невидимые горы, друзья достигли цели. Перед ними была широкая водная равнина, около пяти километров шириной. Величественно катились массивные волны. Вода была мутна, но это не уменьшало силы и красоты ее плавного движения.

— Ура! — крикнул Сидоренко. — Теперь ясно... Я знаю точно, где мы.

— И я знаю, где мы, потому что знаю, какая это река! — крикнул Микола.

— Какая? Какая? — в один голос закричали Нездыймишапка и Антошка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В ТРОПИЧЕСКОМ ЛЕСУ

Наши герои стояли на берегу, разинув рты. Один только Сидоренко был спокоен.

— Если я не ошибаюсь, — сказал он, — осталось пройти километров десять, и будет город. Его не видно за тем холмом.

— Больно тихо для города, — усомнился Микола.

— Это ничего, что тихо, а вот погляди на небо!

— Что ж глядеть? На нем ничего не написано, — удивленно поднял голову Микола.

— Серьезно? Не написано?

Легчик явно подсмеивался над мальчиком.

Микола с недоумением указывал:

— Ну, что там? Смотри: вон птицы, вон облака, вон серый туман.

— И этого мало?

— Говори толком! — озлился Микола. — Нечего загадки загадывать!

— В самом деле, — вмешался Нездймишапка, — чего парня зря мучить?

— Да я не мучаю! А только надо было больше читать. Я и сам здесь не бывал, а могу спорить, что за тем бугром будет большой город и называется он Пара.

— Как же ты узнал?

— Очень просто. Вон поглядите, ребята — птицы. Это ястребы, и Пара ими славится. Читал я много про Южную Америку. Они вместо голубей здесь. Серый туман, о котором говорил Микола, это дым от пароходов. Пара — морской порт, и в

нем всегда много пароходов со всех концов света. А что шума нет, так это очень просто: город выше нас за бугром, шум и не доходит. Вот и все. К тому же тут и шуметь особенно нечему: заводов нету.

В это время тишину прервал низкий вибрирующий звук, постепенно вытягивавшийся над степью. Он плыл, казалось, издалека, был слаб, но настойчив, и в тишине прекрасного вечера

Густой лес надвинулся
сплошной стеной

являлся единственным цельным стройным шумом.

— Вот вам и порт шумит, — продолжал Сидоренко. — Это, должно, или пароход пришел, или уходить собрался. Одно из двух.

— Айда в город! — прервал разговоры Микола.

Бодро двинулись берегом вдоль реки, по течению. Золотой закат багровел, прижимая голубые остатки дня к изумрудной земле.

Идти было трудно. То и дело приходилось обходить ручейки, ручьи, речушки. Густой лес неожиданно надвинулся сплошной стеной. Лавировать между деревьев было почти невозможно, так как лианы сплошь оплетали стволы, спускались с деревьев, переплетались между собой, образуя крепкие сетчатые стены.

В лесу стало совсем темно. Путешественники не видели друг друга. Сидоренко, как более опытный, подал совет:

— Ребята! Давай переключаться. Я буду говорить: «есть»! А вы — один за другим — отвечайте по имени.

Микола слышал, как кто-то сопит вблизи. Иногда тьма неожиданно сгущалась и принимала очертания человеческих контуров, но он не мог разглядеть, чей это силуэт. Потом тень исчезала, сопение прекращалось, и мальчику на минуту казалось, что он один, затерянный в неведомо диком и фантастическом лесу. Тогда, не дожидаясь Сидоренка, Микола кричал:

— Я, я — есть — Микола! Здесь!..

И из темноты доносилось глухое:

— Я — Антон Жуков!.. Здесь!..

— Я-а-а!.. Нездйми-и-ша-а-пка-а-а!..

— Не робей, ребята! — орал Сидоренко, — я с вами. Покуда я жив, вы обеспечены.

Так они пробивались с полчаса. Сидоренко, очевидно, был где-то впереди. Вдруг раздался его голос:

— Стоп, ребята! Вали сюда, только потише...

Антошка двинулся наугад и столкнулся с Миколой.

У корней огромной пальмы они нашли Сидоренка и Нездймишапку.

— Погляди туда, ребята! — сказал Сидоренко, указывая рукой.

Мальчики увидели робкий, мигающий огонек. Он то появлялся, то исчезал.

Посоветовавшись, друзья решили двигаться на огонь. Это тоже было не легко. Тем более, что у путешественников не было топоров, тесаков или другого оружия, которым можно было бы прорубить путь в стене лиан.

Скоро друзья наткнулись на извилистую тропинку, идти стало легче, и движение ускорилось. Неожиданно на повороте блеснул потерянный было огонь, и тропинка уткнулась в мрачное небольшое здание, от которого падал свет на притоптанную траву.

Ни пристроек, ни служб вокруг не было. Здание представлялось необитаемым. И если бы не привлекавший внимание огонек, пожалуй, можно было думать, что дом покинут.

Мальчики придвинулись к Сидоренку. Тот приложил палец к губам и сделал знак:

— Тс...

Затем он осторожно обошел вокруг домика, подобрался к окну, из которого падал свет, и пригнувшись, поглядел внутрь.

Неожиданно, близко, над самым ухом Миколы, раздался резкий гортанный крик. Мальчики испуганно обернулись. Но сзади никого не оказалось. Сидоренко быстро выхватил «кольт» и приготовился к обороне.

Крик повторился. На этот раз ясно было: кто-то гневно выкрикивает на незнакомом языке.

Сидоренко тихо сказал:

— Здесь живут индейцы — сборщики каучука. Их, должно быть, двое. Один там сидит, в домике, и коптит сок, а другой, видно, возвращался, увидел незнакомых и кричит что-то по-своему. Привычные они. Ночью, как кошки видят. Стоит, наверное, где-нибудь за деревом и орет. Хорошо, если без оружия, а то как бы со страху беды не наделал...

И, повернувшись к мрачной гуще подступившего леса, Сидоренко заорал:

— Свой, камрад, камрад...

Гортанный крик повторился.

— Стой, скажу-ка я по-английски... Здесь многие говорят по-английски. — Он принялся выкрикивать непонятные товарищам

слова. Но индеец не показывался. Крики его становились все более гневными. Антошка вдруг завопил:

— Чего не понимаешь? Русские мы, советские — вот кто мы!..

И едва он это сказал, как от стволов отделилась высокая, стройная фигура, и перед друзьями вырос полуодетый человек, внимательно вглядывавшийся в их лица.

— Русь? Ррруссь? Совет? Ох, совет... — говорил он, и в голосе его не было больше гневных ноток.

Из окна падал свет

При свете, падавшем из окна хижины, его резко очерченное и в то же время полное мягкой мечтательности лицо выражало радостное удивление. Он не переставал повторять:

— Ох, рруссс, совет, ох...

При этом он подводил то одного, то другого путешественника к окну, ставил под свет, гладил лицо, руки, одежду и повторял:

— Совет!.. совет...

Потом, подняв руку, он торжественно произнес несколько слов. Друзья ничего не поняли, только последнее слово удалось уловить:

— Ле-нин... Ленин...

Тогда они потянулись к нему и начали наперерыв пожимать его сухую мозолистую руку.

Вместо «здравствуйте», все говорили:

— Ленин! Ленин!

И индеец утвердительно и важно кивал головой, вежливо повторяя:

— Ленин! Ох, Ленин!

Затем торжественным жестом он пригласил всех в хижину. Здесь не было никакой мебели. Единственный заменявший стул ящик занят был вторым сборщиком каучука, тоже индейцем. Когда друзья вошли, он вскочил и что-то быстро заговорил, вопросительно поглядывая на своего товарища. Тот ему ответил на своем языке, но друзья расслышали знакомые слова:

— Ррррус, совет... Ленин...

Тогда и второй начал жать им руки, кланяться и приглашать остаться. При этом он прикладывал руку к сердцу, затем подводил глаза вверх, показывая двумя пальцами на потолок, широким жестом обводил гостей и затем показывал на пол.

Сидоренко подошел к нему, похлопал по плечу и сказал:

— Ладно! Ладно! Остаемся.

Индеец показал на угол и еще раз произнес:

— Совет... Ленин!

В углу висела запыленная старая фотография Ильича, по-видимому, вырезанная из американской газеты.

Хозяева предложили сваренный в кошелке кофе. Поужинав, все завалились спать на пальмовые листья.

Несмотря на то, что ни хозяева, ни гости не знали общего языка, они быстро научились понимать друг друга. С помощью жестов путешественники объяснили утром, как они попали в Бразилию. Правда, никто не знал, поняли ли индейцы рассказ Сидоренка, дополненный объяснениями Миколы, но как бы там ни было, все остались довольны.

Завтрак составляли кофе и лепешки с кокосовыми орехами. После завтрака, вместо того, чтобы идти к городу, друзья решили сходить с индейцами «их дорогой», — так называют в Бразилии путь, лежащий в лесу между каучуковыми деревьями.

Индейцы взяли свои острые топоры и взвалили на спины мешки с жестяными чашками. Первое дерево оказалось единственным каучуковым деревом среди множества пальм, огромных, невиданных до того перистых растений: все это перепутано было всевозможными воздушными и ползучими растениями.

Когда путешественники проходили под огромным деревом, вершина которого терялась где-то над аркадой зелени, индеец вдруг схватил зазевавшегося Антошку и потянул в сторону. Как раз на то место, где только-что стоял Антошка, шлепнулся тяжелый, твердый орех. Он был величиной с голову ребенка. От падения кожа его лопнула. Внутри оказалось около двадцати вкусных трехгранных орехов, каждый величиной с среднее яблоко.

Несмотря на кажущуюся непроходимость первобытного бразильского леса, индейцы шли вперед уверенно, сразу находя нужное им каучуковое дерево в массе разнообразных стволов. Точно от дерева к дереву в этой непролазной глуши шла проложенная человеком тропинка.

Ствол каучукового дерева — толщиной с туловище человека. Он покрыт гладкой беловато-серой корой. На высоте двух сажен от земли этот блестит, как серебро. Внизу ствол покрыт

Индейцы производили топориком надрезы

рубцами, наростами, а у самой земли цвет его переходит в черный. Кое-где кора покрыта полосами желтого цвета. Микола надрезал ножиком эту полосу и хотел отодрать кусочек «клея», как делал он дома с вишневыми деревьями. Но это оказалось далеко нелегким делом: сок потянулся за ним, вытянулся длинной ниткой почти на сажень от дерева и, наконец, оторвался.

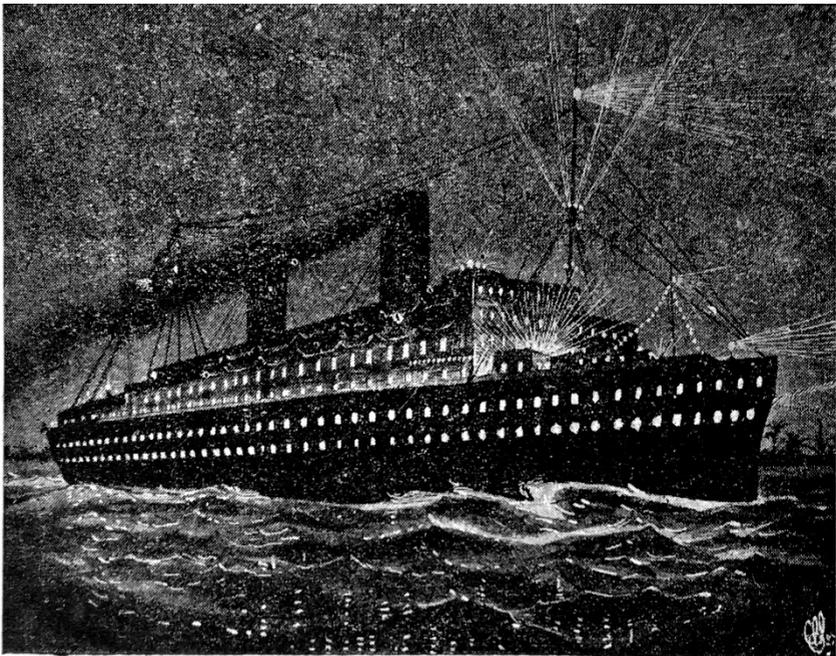
Индейцы производили топориком глубокие надрезы на коре, стараясь не задеть ствола. Тотчас после удара начинал капать из раны белый, похожий на густое молоко, сок. Сборщики прикрепляли к стволам под надрезом чашки и уходили к следующему дереву. На некоторых деревьях, стволы которых были толще других, индейцы делали по несколько надрезов и к каждому прикрепляли чашку.

Так путешественники прошли по лесу много километров, наблюдая за работой индейцев. Те, видимо, были довольны вниманием. Уже высоко поднялось солнце, когда индейцы закончили свой обход. Теперь они начинали его сначала, чтобы собрать чашки. Микола и Антошка пошли с ними, чтобы помочь, а Нездыймишапка и Сидоренко возвратились в хижину и прилегли на пальмовые листья.

Возвратившись, индейцы не стали отдыхать. По их жестам друзья поняли, что медлить нельзя, ибо может испортиться каучуковый сок. Индейцы слили из всех чашек сок в большую миску, развели возле хижины костер из ореховой скорлупы. Антошка думал, что они поставят миску с каучуком на костер и станут варить, но они этого не сделали. Старший индеец достал длинную деревянную лопатку и опустил ее в миску с соком. Потом мокрую лопатку, с которой свешивались нити каучука, он стал поворачивать над костром в дыму. От копоти каучук стал сгущаться, желтеть. Скоро на конце лопатки образовался кусок каучука, напоминающий окорок. Тогда другой индеец сделал на куске надрез, снял его и отнес в сени, где в углу прикрытые пальмовыми листьями лежали десятки подобных кусков. В это время старший индеец снова опустил лопатку в миску и повторил маневр. Так они работали, пока в миске ничего не осталось.

Было уже темно, когда индейцы, наконец, покончили со своей работой. Наши путешественники не напрасно ждали. Индейцы дали им понять, что довезут их до города.

Скоро двинулись по невидимой в темноте, но хорошо знакомой индейцам тропинке и очутились на берегу реки, на каких-то досках, отдаленно напоминавших маленькую пристань. Здесь была привязана большая лодка. Все разместились, один из индейцев поставил парус, другой стал на руль.

Разноцветные огни поплыли над водой.

Стоявший у паруса индеец извлек из-под сидения несколько гамаков и указал друзьям, как их закрепить к мачте и штокам.

Течение несло лодку к цели медленно, но верно. Спешить было некуда, в гамаках было прохладно. Приятно покачивало, от ночной воды тянуло густым запахом прибрежных трав.

Вдруг заревел пароход, и из-за поворота реки показался огонь, потом другой. Разноцветные огни поплыли над водой.

Один из индейцев торопливо сел на весла. Рулевой усиленно заработал своим направляющим веслом. И сделал это как-раз вовремя: лодка еле успела увернуться от парохода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОПЯТЬ В ВОЗДУХЕ. АЭРОПЛАН НА ЛОДКАХ

Утром, с видом скучающих бездельников, бродили наши приятели по улицам города. У Сидоренка были английские доллары, и здесь их охотно принимали. Базар был завален грудями ананасов, кокосовых орехов, апельсинов, черного табаку, лепешек, цветов. Разносчики предлагали купить обезьян, попугаев. Ястребы сидели на каждой крыше, на каждом шесте. Никто их не преследовал, и они вполне доверяли человеку. Ястреб здесь исполняет работу чистильщика улиц. Не успеет упасть что-нибудь с лотка, как сверху падает ястреб, и кусок исчезает.

Путешественники на трамвае пересекли весь город. Масса магазинов, зеленых садов, парков... Торгуют, торгуют, торгуют. И... рядом — истомленные непосильной работой на затопленных водой лихорадочных каучуковых плантациях индейцы, голодные, нищие крестьяне, просящие подаяния среди этой богатейшей природы.

Гавань была полна самых разнообразных пароходов, кораблей, лодок. Здесь были островитяне с устья Амазонки, загорелые, рослые жители Боливии, англичане, французы,

немцы... Пароходы выгружали какао, перегружали каучук, рис, маниок, керосин, доски, треску. Все это продавалось, перепродавалось — тем дороже, чем обильней было полито человеческим потом.

Вечером на веслах плыли к пристани индейцев. До конца те оставались верными друзьями. И если хотели выразить почтение по какому-нибудь поводу, прикладывали руки к груди, низко склоняли головы и торжественно произносили:

— Ленин!

В ту же ночь друзья не без труда разыскали свой аэроплан, исправили при свете полной луны руль и взнеслись высоко над

Разносчики предлагали купить обезьян

Амазонской долиной к Великому океану, до которого было около трех тысяч километров.

Недаром французское правительство рассчитывало на эту машину. После перелета через Атлантический океан она теперь

легко неслась над материком Южной Америки с востока на запад со скоростью двухсот сорока километров в час. Но этот перелет был значительно трудней и опасней первого, так как предстояло лететь над высокими Кордильерами, — горами, покрытыми вечным снегом, в большинстве непроходимыми, о которых очень мало известно южноамериканским летчикам и ничего не известно европейским.

Но эти трудности были впереди. Пока же внизу узкой стальной лентой извивалась Амазонка с ее величественными притоками и зеленым бассейном.

Один за другим мелькали пересекаемые притоки. С юга промелькнули: Токантин, Аннапу, разветвленный Хингу, Такайос, огромный Рио-Мадейра, со своей широкой дельтой в месте слияния. Здесь Амазонка разлилась настолько широко, что даже с той высоты, на которой летели наши путешественники, видно было, что река превращается в огромное озеро с бурлящей водой. Здесь начиналась полоса обильных дождей. Европейцы не имеют представления о силе ливней в Южной Америке. Достаточно сказать, что средней силы ливень способен в каких-нибудь двадцать минут затопить равнину площадью в несколько тысяч квадратных километров.

Огромная, многоводная Амазонка и большинство ее притоков питаются, главным образом, водой, собирающейся в низменностях после ливней.

К счастью, Сидоренко знал свойства местности и, добавив газа, поднялся на тысячу триста метров. На этой высоте тучи были под машиной. Но возникла другая неприятность. Приближалась ночь. Никто, конечно, в Южной Америке не позаботился расставить воздушные маяки, и лететь на такой высоте, имея впереди таинственные и страшные Кордильеры, было крайне рискованно. И спускаться было опасно, так как в вечерних лучах

тропического солнца контуры и рельефы местности всегда обманчивы.

Сидоренко повернулся к ребятам, показал на землю, покачал головой и нажал рычаг высоты. Машина начала писать зигзаги, затем пошла спиралями, широкими кольцами; скоро вышли из облаков и увидели в темно-зеленых тенях необъятную равнину, на вид покрытую мелкой травкой. Но путешественники знали, что представляет из себя эта травка. Внизу был сплошной непроходимый лес, и спуститься на эту невинную травку значило повиснуть на каком-нибудь стапятидесятифутовом великане, чтобы через секунду лететь с этой высоты на землю, предварительно изодрав тела о крепкие, острые сучья.

Между тем, быстро темнело. Думать перелететь в темноте горы мог только сумасшедший. Спуститься в лес тоже нельзя было. Сидоренко быстро принял решение и направил машину к серевшей вдаль, снова превратившейся в реку, воде.

Река приближалась со страшной быстротой. С каждой секундой она становилась шире, все больше выступали очертания берегов.

Стараясь держаться ближе к берегу, Сидоренко круто посадил машину в воду. Машина накренилась, врезалась правым крылом в ил и остановилась. Вода начала заполнять кабину.

— Выходи! — крикнул Сидоренко.

— Не выходи, а выплывай! — поправил Микола.

И действительно, к берегу пришлось пробираться вброд. Но Сидоренко заметил, что машину начинает сносить течением, и заорал:

— Куда? Назад? Машина пропадет!

Все кинулись обратно и по пояс в воде стали оттягивать машину ближе к берегу.

Стало совсем тепло. Луны не было. Работать приходилось в крошечной тьме.

Микола и Нездймишапка нажали на одну сторону. Раздался треск. Микола шлепнулся в воду.

— Тише, черти! Крыло сломали, — удрученно сказал Сидоренко.

Фыркая и отплевываясь, поднялся Микола. Сидоренко хлопал в воде, щупая машину и бормотал что-то невнятное.

— Ну, ладно, — сказал он, — утро вечера мудренее. Айда на берег. Надо спать, а утром дела хватит...

Стали оттягивать машину ближе к берегу

Привязав машину и убедившись, что ей не грозит быть унесенной течением, ребята начали переносить провизию и палатку на берег. Ощупью растянули полотно, собрали валежник. Нездймишапка развел огонь. Скоро на берегу запылал большой костер.

— Вали! Вали! — говорил Сидоренко — здесь лес не загорится, хоть и горючий, но мокрый всегда...

Спали в гамаках, прикрепленных к стволам деревьев. Утром, чуть свет, Сидоренко уже возился у машины.

— В таком виде через горы не полетишь, — решил он. — Надо что-нибудь делать. Хоть до города бы добраться, а там можно машину в два счета починить.

К счастью, на реке оказались две большие лодки. Хозяев поблизости не было. Но условия, в каких находились путешественники, не позволяли особенно заботиться о принципах законности. С большим трудом, общими усилиями, подтянули лодки под аэроплан, привязали машину к лодкам так, что колеса остались под водой, между лодками, а корпус очутился на лодках, над водой, и разместились в кабине, словно собрались снова лететь.

— Вот теперь махнем по воде! — заявил Сидоренко и дал полный газ.

По счастью, запасов бензина было достаточно, и лодки понеслись против течения с огромной быстротой. Иногда они вздымались носами настолько, что, казалось, собираются подняться на воздух. Но опытная рука Сидоренка вовремя нажимала соответствующий рычаг, и движение продолжалось.

Вдруг Сидоренко застопорил машину.

— Нет, так не годится. Так мы год будем плыть против течения. Есть другой путь. Заводи весла, поворачивай обратно.

Ребята не спрашивали, а принялись проделывать сложный в данных условиях маневр.

Скоро лодки неслись вниз по течению с быстротой около ста двадцати километров в час. Навстречу попался пароход. Он начал давать тревожные сигналы, но друзья не останавливались и

промчались мимо парохода так, словно их вовсе не касались сигналы.

В девять часов утра импровизированный гидроплан прибыл к устью Рио-Негро, впадающей в этом месте в Амазонку. Обогнув селения в устье, не обращая внимания на испуганных жителей, друзья помчались на север, вверх по Рио-Негро. Машина неслась по неширокой, но полноводной реке, скорость упала до восьмидесяти километров в час. Через пять часов, однако, достигли Касиквиара — естественного канала, соединяющего Рио-Негро с большой рекой Ориноко. Канал был покрыт в полчаса. Затем снова, с быстротой в сто двадцать километров, друзья помчались по Ориноко.

К вечеру сказочный пробег был закончен, и путешественники очутились снова на берегу Атлантического океана, несколько северней пункта своей первой посадки, в жалкой венецуэльской деревне, населенной дикими индейцами.

Последнюю часть пути пришлось проделать по ничем не защищенной реке, так как долина Ориноко далеко не так лесиста, как долина Амазонки. Большая часть течения приходилась на дикие степи, покрытые невысокой травой. Эти степи назывались «ल्याносами».

Усталость давала себя чувствовать. Рассчитывать на помощь людей не приходилось. Культуры — никакой. Оказалось, что и полет и фантастическое плавание не привели ни к чему. Друзья топтались на месте, не взирая на огромную быстроту своего движения.

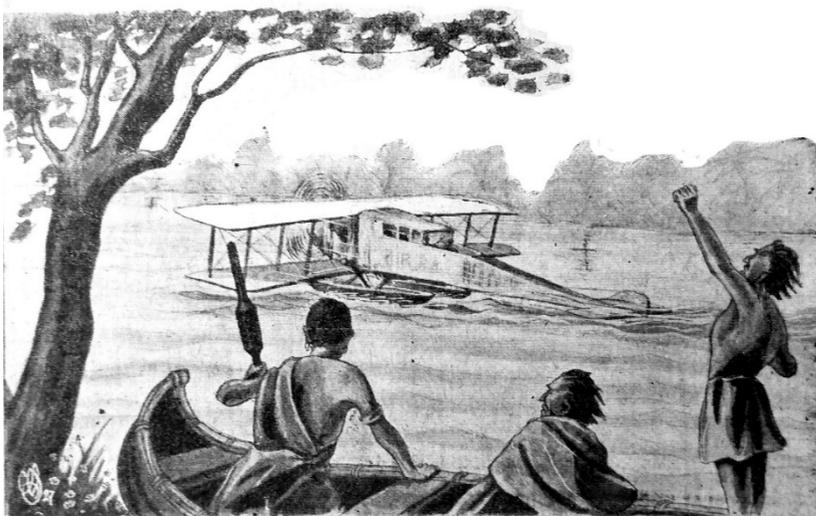
— Надо как-нибудь чинить машину, — решил Сидоренко, — и пробираться через Караибское море, Панамский канал к Великому океану. Если лететь, утром будем там. А вдоль берега лететь можно и ночью. Огней хватит...

— А я бы посоветовал, если чинить машину, так уж идти прямо над материками в Нью-Йорк и там ждать наших, — сказал Микола.

— А я бы посоветовал... — начал Нездыймишапка.

— А я бы посоветовал, — передразнил Сидоренко— я бы посоветовал раньше всего закрепить крыло, потом уж и лететь.

Между тем, с ближайшего острова стали доноситься смутные

Он дал ход мотору

крики, вскоре превратившиеся в рев и вой. Приглядевшись, друзья увидели на берегу толпу голых людей, вооруженных луками и стрелами, изредка винтовками. Они размахивали над головами оружием и приближались к машине.

— Караибы! — сказал Сидоренко. — Эти много опасней гор. Надо скорей ладить машину, а то никогда отсюда не выберемся.

Индейцы приближались, окружая со всех сторон аэроплан. Когда они были совсем близко, и передние начали осторожно опускаться в воду, Сидоренко закричал:

— Вали, ребята, в кабину! Я знаю, что делать!

Команда была мгновенно выполнена. Забравшись в кабину, друзья начали в окна следить за движением индейцев.

Скоро вся река была полна людьми. Они кричали, били себя в грудь и наступали с явным озлоблением.

— Ну, как им дать понять, что мы не враги, что мы из СССР? — сокрушенно сказал Микола. — Ведь те были культурные, поняли нас, а эти не поймут...

— Разве попробовать? — предложил Нездыймишапка.

Но Сидоренко сказал:

— Напрасно! Запуганы они, забиты. Здешние помещики держат их в черном теле специально, чтоб выжимать было легче.

Карайбы все приближались. Теперь они уже окружили аэроплан тесным кольцом.

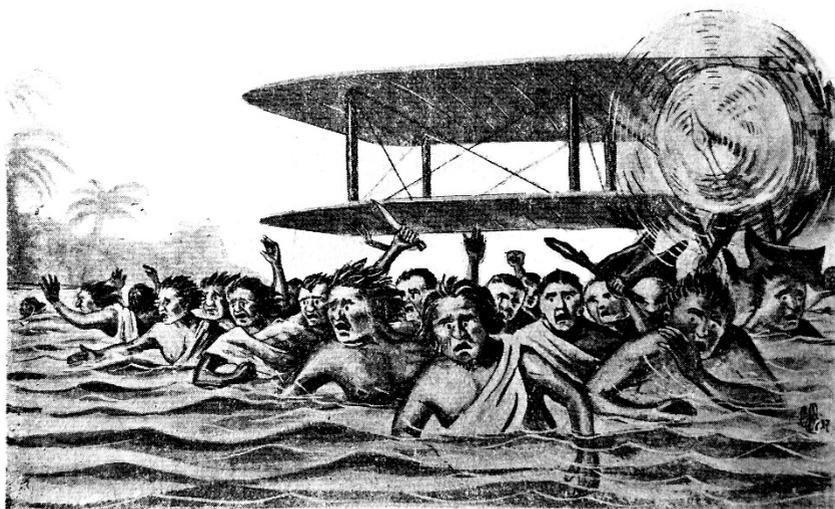
— Ну, ладно... — сказал Сидоренко, — начнем, что ли?

С этими словами он дал ход мотору. Едва разнесся рев машины, как карайбы остановились и начали пятиться. Но когда Сидоренко дал полный газ и направил машину в самую гущу толпы, началась невообразимая паника. Индейцы кидали оружие и стремительно, давя один другого, бросились к берегам. А машина, вырвавшись из круга, помчалась дальше в открытое море.

— Даешь север! — сказал Микола.

— Правильно! — подтвердил Сидоренко. — Сначала на север, потом на запад.

Приблизительно через час после бегства от индейцев из полумрака океанских сумерек неожиданно вырос зеленый массив неизвестного, густо заросшего острова.

Индейцы бросились к берегам

Усталость брала свое, и друзья знаками сговорились пристать к острову, чтобы сварить пищу и отдохнуть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА ЯМАЙКЕ

Несмотря на душную синюю мглу тропического вечера, Сидоренко с удивлением увидел, что остров почти от самой воды представлял собою тщательно возделанные плантации табаку и кофе. Чувствовалось близкое присутствие крепко налаженного человеческого жилья, но эта близость не сулила ничего утешительного.

— Ну, хлопцы, держи ухо востро, — опасливо произнес он.
— Чего доброго, к лешему в зубы не попасть бы...

— К какому лешему? — не понял Антошка.

— К двуногому, — загадочно понизил голос летчик.

— А что такое? — насторожился Нездыймишапка.

— Очень просто. Куда мы попали? Чьи это плантации?

— Кто же может сказать?.. — развел руками Микола. — Плыли наугад, море неведомое, дорог никаких не знаем... Тут до веку не сообразишь, куда втюрились.

Летчик по-заговорщицки оглянулся и торопливо заговорил вполголоса:

— Судя по карте, какую мне удалось купить вчера в городе, это остров Ямайка... или остров Куба. Скорее всего Ямайка: Куба должна быть больше. А раз так, значит мы, как кур во щи, в лапы англичан попадемся. Ямайка ведь Англии принадлежит...

— Что же делать? — спросил Нездыймишапка.

Летчик на мгновение задумался. Потом твердо и решительно заявил:

— Один путь у нас: в Мексику пробираться. Тут везде враги хуже тигров, а в Мексике наше полпредство есть. Доберемся до него — спасены.

— Эх, не догадались вчера полпреду телеграмму двинуть, — горестно вздохнул Нездыймишапка.

— Что не догадались, то пропало.

— Как бы все-таки здесь не вляпаться?..

— По-моему, так: главная цель — крыло починить. Ведь на чем мы едем? Пароход — не пароход, лодка — не лодка, плот — не плот, — одним словом, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. На таком изобретении далеко не ускачешь. А починим аэроплан, тогда мы сами себе хозяева, — попробуй, поймай нас тогда!

— Кто же чинить-то будет? Не англичане же! — с недоумением вытянул шею Микола.

— Англичане? Они тебе так починят, забудешь потом, каким местом сидеть надо!

— Молчи, Микола, — остановил Нездыймишапка.

— Сам почию! — горячо и непреклонно, готовый на отчаянную попытку, произнес летчик. — Паяльник у меня есть, щипцы, плоскогубцы, стальная проволока, — все в

Летчик разостлал плащ и лег.

инструментальном ящичке в порядке. Пока ночь и ничего не видно, стойте по очереди на карауле, а я немножко посплю. Огня не разводите, варить ничего нельзя. Поешьте орехов, бананов, и будете сыты.

Сидоренко разостлал на сухом, еще не остывшем от дневного зноя песке свой плащ и лег.

— Ну, кому сначала дежурить? — спросил Нездймишапка Миколу и Антошку.

Вечер с обычной под тропиками быстротой перешел в ночь, и лиц юных спутников почти не было видно.

— Могу я заступить, — сказал Микола.

В это время где-то далеко во мраке послышались человеческие голоса. Все чутко насторожились. Голоса были смутны и непонятны. Они звучали приглушенно, будто сквозь сон, не приближаясь и не удаляясь.

— Должно быть, жильё в той стороне, — прошептал Антошка. — Давайте лучше втроем сторожить: одному-то страшно, и, пожалуй, проворонишь момент в случае опасности.

— Верно, одному не управиться, — согласился Нездймишапка. — А сонный — что мертвый.

— Только бы выбраться отсюда благополучно. Выспаться всегда успеем, — отозвался Микола.

Ночь была душная и жаркая. Земля дышала распаренной влажностью неизвестных цветов и трав, головокружительные, необыкновенно сильные пряные запахи слепыми блуждающими волнами шли с острова, точно там были пролиты целые ведра духов. Голоса в отдалении скоро погасли. Настала глубокая тишина. Только изредка было слышно, как в океане всплескивали ночные играющие рыбы.

После полуночи на острове вдруг раздался рипящий звук, похожий на скрип отворяемых деревенских ворот, и сейчас же четко донесся топот лошадиных копыт по мягкой пыльной дороге.

— Что такое? — проснулся летчик.

— Тш... — зашептал Антошка. — Кто-то, должно быть, верхом на лошади поскакал.

Летчик прислушался: топот уходил вдаль, в глубину острова.

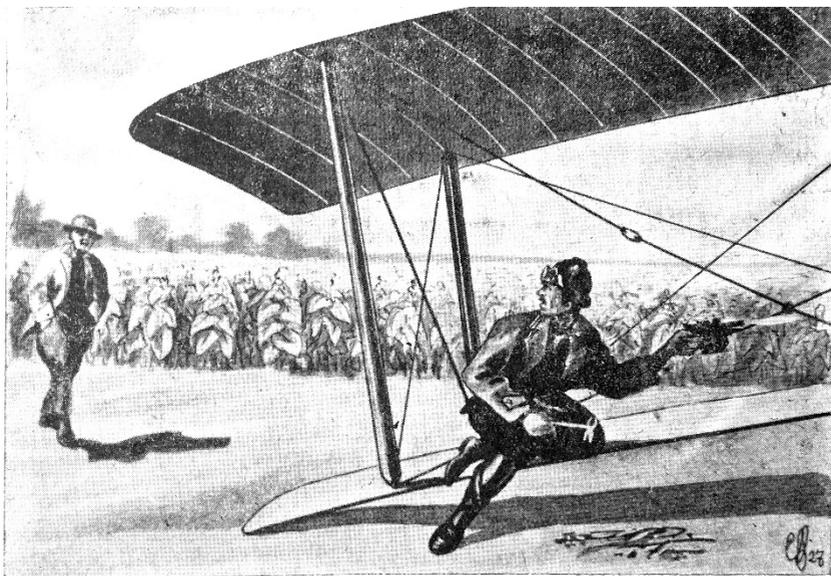
— Черти!.. — проворчал он. — Отдохнуть не дадут.

Поворочался несколько минут и заснул снова.

А Микола дернул за рукав Нездймишапку:

— Ловко спит? А? Чуть что, уже сам проснулся, будто и глаз не закрывал.

— Одним ухом спит, другим слышит, — улыбнулся невидимой в темноте улыбкой Нездймишапка. — Тертый калач, бывал в переделках. С таким не пропадешь!

Человек с предосторожностями приблизился к аэроплану

Едва только забрезжила, заря, как летчик уже был на ногах. Он лихорадочно втащил аэроплан с лодок на берег, развел паяльник и с необыкновенной быстротой стал скреплять сломанные части крыла. Работа у него под руками кипела. Тонкой стальной проволокой, как перевязочным бинтом, он стягивал

расползшиеся соединения. Самым страшным и рискованным в его работе был ничем не заглушаемый шум паяльника. Синее пламя гудело с густым остервенением, и шум его в прозрачном утреннем воздухе разносился, вероятно, очень далеко. И, действительно, скоро из-за прибрежных кустов кофейной плантации показался очень подозрительный человек, с легким желтовато-белым шлемом на голове, сделанным из какой-то узловатой мелкой соломы. Точно такие же шлемы ребята видели третьего дня в городе на английских полицейских. Человек с большими предосторожностями приблизился к аэроплану, несколько мгновений молчал, потом строго спросил по-английски:

— Откуда?

Летчик сердито взглянул на подошедшего и неопределенно покрутил рукой на юг, в сторону океана.

— А кто вы такой? — снова задал вопрос незнакомец.

Летчик смерил его с головы до ног и, не прекращая работы, коротко бросил:

— Энглиш. Англичанин.

— Эн-глиш? — изумился подошедший.

— Да, сэръ.

— А это? — указал полисмен на Миколу.

— Тоже энглиш.

— А это? — с явным недоверием ткнул островитянин на Нездыймишапку и Антошку.

— Тоже энглиш. Мы все энглиш.

Шлем насмешливо скривил губы и потянулся рукой к оттопыренному карману, в котором, судя по выпуклостям материи, находился револьвер. Но летчик вовремя заметил это движение и, мгновенно выхватив свой кольт, предостерегающе поднял его перед лицом слишком наянливого незнакомца. Тот сейчас же опустил руку. А Сидоренко, веско потрясая кольцом,

указательным пальцем левой руки тыкал в заводское клеймо на револьвере и пояснительно повторял:

— Это тоже англиш.

— А-а... — растерянно раскрыл рот островитянин и боязливо попятился. Он хотел сейчас же броситься бежать в селение, чтобы поднять тревогу, но Сидоренко резко погрозил ему и закричал Нездймишапке:

— Бери у меня револьвер! Скорей! Не давай этому гусю с места сойти. Держи его на мушке, пусть стоит столбом, пока я починку не кончу.

И, обратясь к ретивому англичанину, с едкой любезностью сказал по-французски:

— Будьте любезны, сэръ, подождать немного. Мне осталось работы не больше, чем на полчаса.

Островитянин плотно сжал губы, лицо его залилось злобным багровым румянцем, глаза с осоловелой беспомощностью заматались из стороны в сторону. Нездймишапка с неподвижной уверенностью целился ему прямо в голову, и он стоял, как солдат на часах, не смея даже пошевелинуться.

Никогда не были так лихорадочно быстры, точны и ловки движения летчика, как в эти полчаса. Три юных жизни и его собственная находились в зависимости от того, сумеет он привести аппарат в состояние, годное для полета, или нет. Ум его работал с крайним напряжением, вся сила сметливости и находчивости сосредоточивалась на поврежденных частях. Нужно было предусмотреть каждую мелочь, потому что малейшая неправильность могла потом оказаться губельной и катастрофичной при полете. Пот крупными каплями стекал с взволнованного лица летчика. Микола и Антошка, исполняя разные поручения, ползали под крыльями аэроплана и помогали, чем только могли.

Между тем, огромное тропическое солнце поднялось из-за океана, и жара стала быстро увеличиваться, словно кто-то открыл в небе пламенный кран. Жизнь на острове давно уже пробудилась, это было ясно по множеству трудовых будничных звуков, доносившихся из ближайшего селения, расположенного за кофейными плантациями. В любой момент на берегу могли появиться люди, и тогда положение путешественников оказалось бы критическим, так как с одним единственным кольцом они не в состоянии были бы бороться против толпы, которая наверно сбежалась бы моментально, как только распространился бы малейший слух о неожиданном пленении полицейского неведомыми иностранцами. Стоя под дулом револьвера, островитянин с ожиданием и надеждой смотрел вбок, на уходящие вдаль плантации. Наконец, его угрюмо сдвинутые брови дрогнули, глаза вспыхнули дикой радостью, он невольно вытянулся. Нездыймишапка глянул на плантации, и у него захватило дух: из-за кофейных кустов приближалась странная длинная подвода, похожая на крымскую мажару, с двумя взрослыми мужчинами.

— Сидоренко! Люди! — пересохшим от волнения голосом крикнул Нездыймишапка.

Летчик выглянул из-за крыла и кинулся собирать инструменты. Через несколько мгновений он уже пустил в ход пропеллер. Аэроплан, сотрясаясь, загудел вольным ветровым ревом. Запряженные в мажару кони от испуга вскинулись на дыбы и бешено понеслись в сторону, по табачным и кофейным плантациям, как по горячей степи.

— Антошка, Микола! Лезьте в кабину! — крикнул летчик.

Потом метнулся к англичанину и, галантно приложил руку к козырьку.

— Извините, сэр, что задержал вас. До свидания. Кланяйтесь вашей бабушке.

Широким поспешным жестом Сидоренко показал, что англичанин должен немедленно убираться по добру, по здорову восвояси.

Полицейский, неуверенно моргая и озираясь, не поворачиваясь к летчику спиной, стал пятиться в кофейные кусты. Со стороны дальних плантаций подбегали люди.

— Скорей, скорей! — крикнул вдогонку полицейскому летчик. Затем легкими цепкими движениями занял свое место, и аэроплан плавно покатился по прибрежной полянке. Прокатившись сажен десять, аппарат мягко отделился от земли.

В этот момент внизу грянул выстрел. Пуля, как шмель, бжикнула около уха летчика.

— Ах, подлец, еще стрелять вздумал? — вскипел он. — Я ж тебе покажу!

Сидоренко круто повернул руль и через туго натянутые стальные тросы посмотрел на землю. Там, задрав вверх голову, стоял англичанин в шлеме и целился в аэроплан.

— А ну, Нездыймишапка, щелкани его как следует! — знаками указал летчик: за шумом пропеллера голоса уже не было слышно.

Нездыймишапка прищурил левый глаз и выстрелил.

Желтовато-белый шлем слетел с англичанина, точно его сдернула невидимая рука или сорвал внезапный порыв ветра.

Летчик оглянулся сияющим лицом на ребят.

Полицейский выронил револьвер, в страхе обхватил обеими руками голову и побежал, не разбирая дороги, напрямик по плантациям.

Сидоренко повернул руль и погнался за ним. Англичанин остановился и переменял направление. Подбегавшие люди кинулись врассыпную. Летчик сделал дугообразный вираж и снова погнался за полицейским. Тот, выбиваясь из сил, опять переменял

направление. Летчик свирепой стрекозой описал петлю и снова направился вслед за беглецом. Эта гонка продолжалась до тех пор, пока полицейский в изнеможении упал.

— Хватит с тебя! Еще, чего доброго, расстройство желудка получишь, — рассмеялся летчик и круто стал забирать высоту.

Скоро остров, как зеленый корабль, остался глубоко внизу. Кругом на необозримое пространство расстилалась синяя гладь океана, и прямо в глаза било ослепительно знойное сияние солнца. Микола посмотрел на компас: аэроплан, как пущенная из мощного лука стрела, шел на запад.

После бессонной ночи ребята испытывали утомление, но это утомление от сознания счастливо избегнутой опасности было светлым и легким необыкновенно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НОВЫЕ ОПАСНОСТИ

Уже больше двух часов стальной рев аэроплана разрезал синий воздух над океаном, уже покоем и утешительными надеждами наполнялись сердца Миколы и Антошки, когда на горизонте узкой грядой показалась земля. Земля, приближаясь, вырастала, как облако, и скоро в маленькой бухте, похожей на слегка разогнутую подкову, стал вырисовываться, точно белое широкое гнездо, какой-то город. Летчик пристально посмотрел на карту, оглянул, сравнивая, местность и на весь голос крикнул назад, в кабину:

— Гавань Вера-Круц!

Никто не разобрал этих слов, но по уверенному веселому лицу летчика каждый понял, что все в порядке: путь верен, план выхода

из тяжелого положения правилен, впереди, несомненно, должна быть помощь.

Сидоренко в уме подсчитывал расстояние, которое оставалось от Вера-Круц до города Мексико, столицы Мексиканской республики, где среди различных дипломатических посольств находилось и советское полпредство. Подсчеты показывали не больше часа полета, и Сидоренко спокойными руками держал ритмически вздрагивавший руль, отдаваясь безмятежным мыслям о том, как он вернется на родину, и какая удивительно счастливая жизнь начнется у него после долгих лет вынужденного скитания по чужбине. Внизу проносились горы, долины, леса, ручьи, дороги, селения, — земной ковер, поминутно меняясь, проплывал со сказочным разнообразием цветов и узоров.

И вдруг в бензинных баках послышалось резкое зловещее гудение, так хорошо знакомое летчикам, вселяющее в них панический страх и растерянность: гудение обозначало, что бензина нет, что стальное, жужжащее сердце аппарата скоро остановится, и аэроплан окажется тогда в воздушной стихии беспомощной щепкой, готовой в любой момент погибнуть. Сидоренко внезапно ощутил холод во всем своем теле. Он оглянулся назад, на ребят, и те изумились его необычайной бледности, лихорадочному блеску усталых глаз, вспыхнувших тревогой и смятением. Глубоко внизу была сплошная зелень густых горных лесов, среди которых лиловато-серыми пятнами виднелись голые скалы. Сидоренко лихорадочно метался глазами по этой зелени, ища хоть какого-нибудь места, где можно было бы опуститься. Но нигде ничего удобного не было. Внезапно мотор стал давать перебои, словно его кто-то душил, и он задыхался в конвульсиях и судорогах. Несколько минут мотор еще работал — дикими скачками, исступленными порывами, — но, наконец, задохнулся и замолк совершенно. Летчику оставалось одно:

спланировать вниз, по возможности, медленнее, на первое попавшееся свободное пространство, хотя бы самое ничтожное, чтобы не разбиться при посадке о деревья или о скалы. На мгновение Сидоренку показалось, что где-то справа мелькнула песчаная плешина, и он наугад повернул аппарат в ту сторону. Аэроплан, как коршун на распластанных крылах, безмолвно стал снижаться. И, действительно, меж лесами через секунду показалось узкое песчаное пятно. Нужна была совершенно исключительная ловкость и сноровка, чтобы дотянуть до открытого места, чтобы не посадить аэроплан на широко раскинувшиеся сучья деревьев. Пролетев над самыми верхушками леса, аппарат с плавным разбегом сел на песок.

— Вот счастливо, — не веря самому себе, проговорил Нездыймишапка. — Я думал — смерть.

— Да, — бледной улыбкой улыбнулся летчик, — мимо смерти не больше, как сажень на двадцать проскочили. Опустись аппарат на пять секунд раньше — крышка!

Микола и Антошка, разминая ноги, выскочили из кабины.

Но не успели путешественники опомниться, как из лесу, стреляя из револьверов в воздух, к ним поскакали три всадника, по-видимому, военные.

Кони летели карьером. Из-под копыт у них дымом клубилась пыль. За всадниками сейчас же показались пешие солдаты, с обнаженными шашками бегущие тоже к аэроплану.

Ни Сидоренко, ни ребята ничего не понимали. На мгновение им показалось, что это какой-то нелепый сон, кошмар, видение, результат тех страхов, которые они только-что пережили. Но кавалеристы уже подлетели к аэроплану и угрожающе соскочили с седел.

— Кто вы такие? Ваши документы! — накинулись они на Сидоренка, как на самого старшего.

Сидоренко, плохо понимавший по-английски, от неожиданности не мог произнести ни слова. Он с недоумением оглядывался на своих юных спутников. Ребята, измявшие и испачкавшие глиной и илом свои костюмы за последние дни, имели очень подозрительный вид полуоборванцев, полубродяг.

— Кто вам позволил летать над артиллерийским полигоном? — насканивал старший из кавалеристов, очевидно, офицер.

— Над полигоном? — пожал плечами Сидоренко.

К ним поскакали три всадника

И, с недоумением оглянув кавалеристов, сказал по-французски:

— Мы летели над океаном, над лесами и горами вашей страны. Но над полигоном...

— Что вы притворяетесь наивным простачком? — вскипел офицер. — Точно вы и в самом деле не знаете, что это полигон и что сегодня наш корпус производит учебную стрельбу. Шпионить прилетели?

— Что вы сказали?

— Я вас спрашиваю, кто вы такие?

Сидоренко быстрым взглядом обвел своих спутников и решил идти напрямик.

— Русские.

— Рус-ски-е? Большевики?.. — попятился офицер, точно стоявшие перед ним люди вдруг превратились в тигров или леопардов.

Микола неопределенно чмыкнул носом.

— Мы направляемся в советское полпредство, — объяснял Сидоренко, — чтобы ехать дальше к себе на родину.

— Взять их! — крикнул офицер подбежавшим солдатам.

— Позвольте... — запротестовал Сидоренко.

— Взять! — нетерпеливо топнул ногою офицер.

Солдаты с шашками наголо окружили путешественников.

— Это неслыханно! Понимаете, чудовищно!.. — возмущался Сидоренко. — Везде и всюду в мире летчикам, потерпевшим крушение или снизившимся из-за поломки, оказывается содействие, им помогают, а вы арестовываете! Прошу немедленно дать знать о ваших подвигах в советское полпредство.

Но офицер уже не обращал на арестованных никакого внимания.

— Сейчас же отправляйтесь в город и сдайте этих непрошенных летунов в штаб корпуса! — распорядился он солдатам.

— А аппарат? Кто за него будет отвечать? — запальчиво повысил голос Сидоренко.

— Не беспокойтесь. Общем и тоже отправим в штаб корпуса.

— Вот так Мексика! — тряхнул головой Нездыймишапка.

— Лешева сторонушка, что и говорить! — крикнул Антошка.

— Страна, как страна, — поправил Сидоренко. —
Офицерский наскок еще ничего не доказывает. Только бы до полпредства добраться. А этому ретивому молодчику за его дурацкую прыткость влетит.

Солдаты сначала были настроены очень сурово. Но, присмотревшись к неунывающим путешественникам, пробовавшим даже шутить с ними, они обмякли, стали добрее и проще.

До столицы оказалось совсем недалеко — около шести километров.

— Чуть-чуть не долетели... — вздохнул Микола.

— Всего каких-нибудь три фунта бензину, и были бы сейчас на аэродроме. Встретили бы нас с музыкой, торжественно... — улыбнулся Сидоренко.

— А теперь, пожалуй, в тюрьму отправят.

— Очень просто.

Скоро показался город. В штабе к арестованным отнеслись недоверчиво, но гораздо внимательнее и вежливее, чем на полигоне.

— Позвоните, пожалуйста, в советское полпредство, и вам все станет ясно, — предложил Сидоренко, когда увидел, что к его объяснениям относятся очень скептически.

По распоряжению начальника штаба, дежурный адъютант тут же позвонил. Из полпредства что-то коротко ответили, и на этот неизвестный ответ адъютант с легким, незаметным для самого себя поклоном ответил в трубку:

— Прекрасно. Мы вас ждем.

Через пятнадцать минут в штаб приехал секретарь полпредства. Сидоренко и ребята обрадовались ему, как родному брату. Один перед другим они наперебой стали рассказывать историю своих неожиданных скитаний. Антошка Жуков и Нездймишашка показали выданные Авиахимом документы, которые после памятного приключения с Антошкой в самом начале путешествия Шварц выдал им на руки.

Дежурный адъютант позвонил

Секретарь полпредства тщательно осмотрел документы, проверил печати и штампы и, улыбнувшись, похлопал Антошку по плечу:

— Ну и накуралесили же вы, судари мои!

Потом обратился к летчику и стал подробно расспрашивать его о всех превратностях жизни, выпавших ему на долю с девятьсот четырнадцатого года. Выслушав рассказ Сидоренка, секретарь повернулся к начальнику штаба и очень сурово и хмуро заговорил с ним. Тот изумленно вскидывал на летчика глаза и в недоумении разводил руками. Очевидно, грубость обращения на артиллерийском полигоне была ему крайне неприятна. В конце концов начальник штаба, галантно расшаркиваясь, вынужден был попросить извинения за происшедшее неприятное недоразумение и уверил секретаря, что виновные получают строжайший выговор, аэроплан же немедленно будет доставлен в советский гараж.

— Ну, товарищи, едем теперь в полпредство, — сказал секретарь.

И путешественники, еще час тому назад входившие в штаб, как арестованные, вышли теперь оттуда с независимым видом вольных людей, с достоинством и превосходством поглядывающих вокруг. Правда, их оборванные костюмы были жутковаты, но это не мешало испытывать чувство счастья и освобождения.

«Ловко отделались!» — подумал Микола.

В полпредстве путешественников встретили с теплотой и приветливостью. Сейчас же было дано распоряжение купить им новую одежду, необходимую для дальнейшего путешествия. Затем на коротком совещании было решено, что ребята вместе с летчиком Сидоренком отправятся на пароходе через Гватемалу, Гонконг и Шанхай во Владивосток, а оттуда экспрессом через Сибирь в Москву, — и таким образом, объехав вокруг света, вернуться на родину. Полпредство заказало билеты и выдало на дорогу соответствующую сумму денег.

На следующий день утром Нездыймишапка, Антошка и Микола во главе с летчиком поднялись на огромный, прибывший

в порт, английский океанский пароход «Джейгентик». На пароход долго грузились всевозможные товары, над палубой гремели цепи подъемных лебедок, у бортов суетились матросы, как муравьи сновали смугло-желтые косоглазые китайцы — полуголые, потные грузчики из трюма. Потом бархатной густой октавой трижды взревела в небо широчайшая труба, и пароход, содрогаясь крепким сердцем машины, плавно вышел в океан.

— Ну, наконец-то попали мы на настоящий путь! — облегченно вздохнул Нездыймишапка. — А то путались чёрт знает по каким дебрям.

— Зато теперь дело в шляпе. Дорога, как стрела, — уверенно вскинул голову Микола. — Плыви, посвистывай, и никаких гвоздей.

— Смотри, не просвистись.

— А чего?

— Да как свистуны просвистываются. Опять не вляпаться бы.

— Ну-у, теперь мы ученые! На аэроплане больше не полетим.

— Я думаю, — подмигнул Антошка.

— Налетались досыта.

На пароходе было много народу. Мексиканские купцы в белых, тщательно разглаженных костюмах, с золотыми перстнями на толстых пальцах, ехали в Гонконг и Шанхай, английские коммивояжеры, важные и высокомерные, как сановники — в Японию. Они помещались на верхней нарядной палубе, среди многочисленной публики. Некоторые из пассажиров гуляли вдоль бортов, некоторые сидели, развалившись в лонгшезах.

Вскоре по выходе в океан внимание ребят привлекла странная фигура в японском халате, с видом хозяина прошедшая по палубе. Оказалось, что это капитан. Лицо его было красно, глаза дымно возбуждены.

— Да он пьяный. Смотрите, смотрите... — зашептал Антошка.

— Назюзился, сердешный.

Надменно прищурившись, с кривой блуждающей усмешкой, капитан осмотрел публику и снова прошел к себе в каюту. Но вечером, когда он поднимался на капитанский мостик, на ночную вахту, его нельзя было узнать: одетый в белоснежные брюки и короткий двубортный синий мундир с ослепительным крахмальным воротничком и манжетами, он был похож на человека, отправляющегося на бал.

Однако, на следующий день утром Антошка видел капитана снова пьяным, снова в халате, около своей каюты. Он с кем-то разговаривал хриплым дурашливым баритоном. Сначала Антошка не понимал, к кому относились слова капитана. Но вот тот коротким гортанным голосом воскликнул наконец:

— Джон! Иси...

И из каюты легкими быстрыми прыжками выскочил большой породистый понтер, медно-красного цвета.

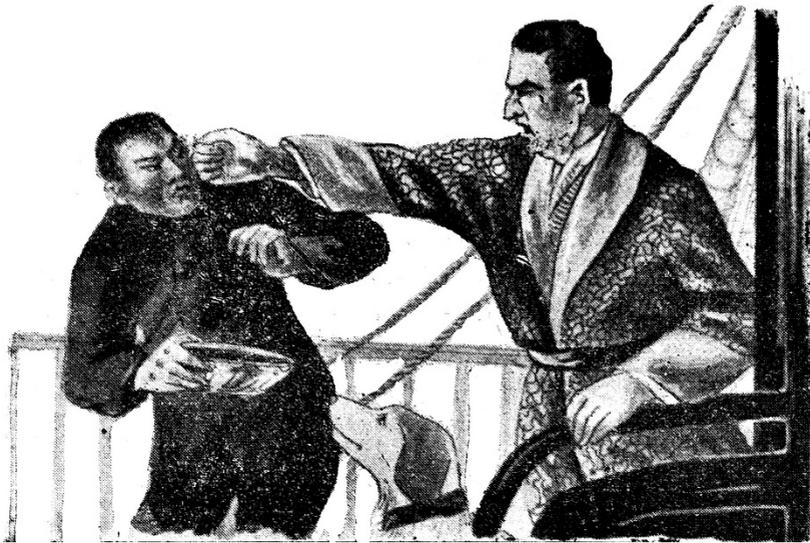
— Джон, Джон!.. — шагнул к нему капитан. Дальше шли непонятные, неуловимые английские слова, при чем после каждого из них понтер выделял какие-нибудь замысловатые фокусы.

Вдруг капитан резко, приказательно свистнул. И сейчас же, как из-под земли, вырос желтолицый бой, китаец-слуга.

Капитан кинул ему какое-то слово. Бой мгновенно метнулся и через минуту в дорогой фарфоровой тарелке принес собаке супу на завтрак. Ставя тарелку на пол, он слегка отстранил кинувшегося к нему понтера. Прикосновение боя к собаке привело капитана в непонятное бешенство. Он наотмашь ударил китайца кулаком по лицу. Тот дико мотнул головой, схватился за щеку и, как

неслышная тень, прынул в сторону. На губах у него показалась кровь.

Сердце Антошки переполнилось ненавистью к капитану и жгучей жалостью к бою. Он побежал к летчику и рассказал ему о случившемся. Летчик, припоминая английские слова, расспросил матросов. Те с улыбкой рассказали, что капитан питок, каких мало, водку хлещет целыми днями напролет, и не рюмками, а стаканами, как воду из ковша.

Он ударил китайца кулаком по лицу.

— Собаку по имени вызывает, если она ему нужна, а китайца — обязательно свистом. Это же специально собачий лакей. Кроме Джона он никому не прислуживает. А бьет его капитан каждый раз по пятнадцати. «Кого ж, говорит, и бить, если не этого желторожего? С китайцами самый лучший разговор — кулак!»

В темном трюме, куда спустились летчик и Антошка, они нашли измазанного кровью китайца. Щека его припухла, глаза

были красны от скупых, беспомощных слез. Бой знал немного по-английски. Ломаным языком он рассказал, что у него в Нанкине жена работница на японской шелковой фабрике и пять человек детей, что за свою службу в качестве собачьего лакея у капитана он получает всего три доллара в месяц и столько же, приблизительно, получает жена на фабрике.

Антошка быстро сунул руку в карман, достал кошелек и протянул несчастному бою несколько серебряных монет. Китаец с благодарностью закланялся, растроганно, кротко и очень мягко. Потом в течение целого дня Антошка горячими гневными глазами следил за капитаном, следил неотрывно и зло, как за своим личным врагом, которому решил отомстить во что бы то ни стало.

— Ты что задумал? — спросил Микола, увидев недобрый блеск во взглядах своего друга.

— Чёрта пьяного хочу укоротить.

— Капитана?

Антошка еле заметно кивнул головой, и тонкие брови его хмуро сдвинулись.

— Антоша... Друг!.. Не делай ничего.

— А как же?

— Пропадем ведь! Подумай: кругом вода, ни убежать, ни скрыться, — пучина во все стороны.

— Но если он человека из-за собаки по чем зря бьет? Собаке барская жизнь, а человечья доля хуже самой паршивой собачьей!

— Все равно мы одни ничего не изменим. С этим не так надо бороться.

Микола с подкупающей дружеской теплотой и убедительностью начал всячески отговаривать Антошку от необдуманного, рискованного поступка. Антошка постепенно затих и замолк.

Путь через океан был утомителен и долог. Первое время ребят очаровывали изумительные восходы и закаты солнца, когда и небо, и вода на необозримое пространство загорались тысячами непостижимых красок и огней. Но скоро эти пустынные, величественные огни уже не волновали, не вызывали того необыкновенного чувства восхищения, как вначале. Бесперывный плеск волн и неумолкающий шум моря о закованные в броню борта парохода порождали тягучее однообразие. Хотелось простой, твердой, неподвижной земли, людей, деревьев, растений, домов, спокойного земного уюта.

И когда однажды утром на восходе солнца показался город Гонконг, ликованию ребят не было пределов. После остановки парохода они сейчас же сошли на берег. Летчик, как знающий самые необходимые английские слова и хорошо владеющий французским языком, был проводником. Микола, Антошка и Нездыймишапка с любопытством смотрели на яркую пестроту восточного города, на бронзово-темных индусов, стройных и молчаливых, на богатых китайцев в желтых и синих шелковых костюмах, на переливающееся движение и цветистую многокрасочность шумных базаров. День в Гонконге — прошел, как ослепительно разнообразный сеанс в кинематографе.

Потом снова было море, снова плеск рассекаемых боками парохода волн — и крепкое, мощное гудение машин внизу, под палубами.

— Ну, завтра будем в Шанхае, хлопцы, — сказал за обедом летчик.

— В Шанхае? — вдруг встрепенулся Антошка и положил вилку. — Неужели в Шанхае?

— А ты чего обрадовался? — удивился летчик.

— Да у меня там...

— Что? Концессии, или фабрики? — рассмеялся Нездыймишапка. — Сознавайся, брат Антошка, не увиливай, — может, ты, чего доброго, капиталист? А?

— Нет, — серьезно ответил Антошка. — Там у меня знакомый китаец есть: Ли-Чан.

И рассказал о зимнем случае у себя, в селе Ярушине, где он заступился за Ли-Чана. Потом порылся в боковом кармане и вытащил оттуда бережно сложенный листок бумаги, на котором стояли какие-то непонятные китайские каракули.

Летчик покрутил листок в разные стороны и ничего не понял.

— Не при нас писано... — по-деревенски пошутил он.

— Неужели в самом деле по этим трем словам любой шанхайский рабочий может указать, где найти Ли-Чана? — заинтересовался Микола.

— А вот увидим.

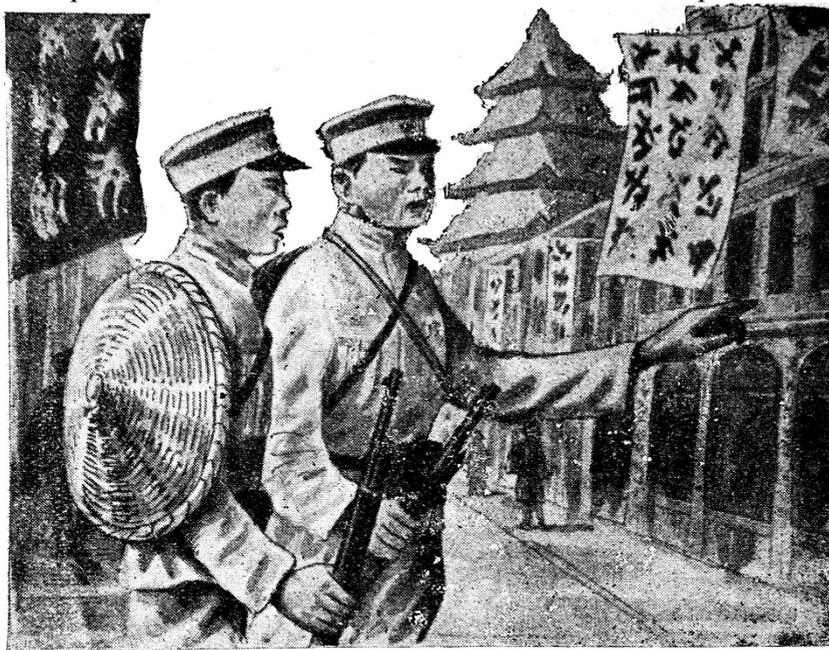
— Любопытно, — улыбнулся Нездыймишапка.

Когда на следующий день «Джейгентик» вошел в огромную гавань Шанхая, ребята удивились совершенно неожиданной величине этого города. Многоэтажные каменные дома тянулись по берегу на целые версты. Десятки всяческих пароходов стояли на рейде, между пароходами сновали сотни лодок. Некоторые из лодок были очень большого размера, со странными парусами, сделанными не из полотна, а из деревянных дощечек. Такие лодки, как узнал летчик, назывались сампанами.

По особому волнению в порту можно было понять, что в городе случилось что-то необычайное. Из отрывочных разговоров, которые удалось уловить на верхней палубе, стало ясно, что генерал Чан-Кай-Ши, один из видных военачальников национальной армии, произвел контрреволюционный переворот, и что на улицах произошли жесточайшие казни рабочих и коммунистов. Публика с «Джейгентика» воздерживалась сходить

на берег, но Антошка, Микола, Нездыймишапка и Сидоренко решили спуститься.

Город вблизи представлял собою вооруженный лагерь. Всюду стояли сторожевые пикеты. Не доходя до солдат, Антошка показал одному из портовых рабочих записку Ли-Чана. Рабочий взглянул, очевидно, сейчас же прочел — и вдруг нахмурился. Он с подозрительностью оглядел остановившихся перед ним иностранцев, потом попятился и побежал без оглядки прочь.

Всюду стояли сторожевые пикеты

— Что за чертовщина? — с недоумением пожал плечами Антошка.

— А ну дай другому, — загорячился Микола.

Через несколько минут дали записку молодому художавому китайцу, быстро шедшему по улице. Тот сверкнул из узкого косого разреза глухой чернотой своих глаз и переспросил по-английски:

— Комитет партии Гоминдан?

— Ты понимаешь!.. — дернул Антошку за плечо летчик, переведя по-русски эти слова.

— Ловко! Как это мы раньше не догадались?..

— Да, да, — закивал летчик китайцу. — Именно, Гоминдан. Нам нужен Ли-Чан, Ли-Чан.

Китаец отрицательно покачал головой, потом что-то затараторил на непонятном полуанглийском смешанном говоре, из которого летчик понял только одно: в городе тревожно, и комитет партии Гоминдан в опасности.

Антошка несмело взял китайца за рукав и, указывая на записку, просительно произнес:

— Ли-Чан... — Секунду помолчал, подумал и добавил с надеждой, что его поймут. — Нужно! Он мне друг. Очень нужно...

Китаец, не поворачивая головы, едва заметно скосил глаза сначала в одну сторону, потом в другую, наконец, быстро сделал бровями неувимый знак, многозначительно приподнял указательный палец правой руки, показывая этим, что необходимо соблюдать молчание и крайнюю осторожность, и решительно повернул в гущу города.

Идти было жутко. Всюду стояли группы вооруженных чанкайшистских солдат, которые задерживали тех, кто казался им подозрительным, и сейчас же отправляли куда-то под зловещим конвоем. Особенно стало страшно, когда вышли на главную улицу города — Нанкин-род. Там на углу солдаты держали двух связанных китайских рабочих. В нескольких шагах от них валялся обезглавленный труп, и вся мостовая вокруг него была забрызгана

свежей, еще не засохшей кровью: это палачи Чан-Кай-Ши казнили кого-то по подозрению в принадлежности к коммунизму.

Сердце Антошки упало, ему стало невыносимо душно и страшно, точно он попал в зверинец, где все клетки были открыты, и исполненные ярости звери хищно вырвались в проходы для посетителей.

— Ребята, назад! — пересекшимся от невыносимого смятения голосом остановил Сидоренко. Он побледнел и посерел, как полотно.

Но было уже поздно. Со середины улицы к ним быстро бежали четыре черных от загара солдата. Увидев это, китаец, который вел в Гоминдан, вильнул в сторону, как тень, как рыба в мутную глубину водяных просторов, — и мгновенно затерялся, исчез в толпе.

Солдаты подскочили и окружили летчика и Нездыймишапку. Они что-то кричали, свирепо скаля желтые крупные зубы, и тыкали пальцами в грудь задержанных.

Летчик пробовал показать им заграничные паспорта, но они на них почти и не взглянули, знаками приказали повернуться направо и повели с Нанкин-род в какую-то боковую улицу.

Летчик был ошеломлен и потрясен. Он сердито взглянул на Антошку:

— Дернула нас нелегкая самим влезть в пасть к этим контрреволюционерам!

Хуже всего было то, что солдаты вели куда-то далеко от центра города, на глухую окраину, по необычайно грязным и мрачным переулкам. Наконец, они остановились у низкого каменного дома и, посоветовавшись между собой, ввели путешественников во двор. Двор был узкий, тесный, заваленный мусором. В задней его стороне, примыкавшей к густо застроенным ветхим складам, тяжелыми кирпичными боками таращился какой-

то дикий сарай. Солдаты втолкнули туда арестованных, заложили дверь толстым засовом и заперли на замок.

Потом слышны были их удалявшиеся шаги и довольный, хвастливый разговор.

— Что же это? — растерянно заметался Микола, и в голосе его зазвенели слезы.

Летчик нервно кусал себе губы и волновался больше всех, потому что, как взрослый, острее всех понимал весь ужас грозившей опасности.

Антошка бессильно опустился на землю и окаменело застыл, чувствуя себя главным виновником нелепого происшествия.

Лишь Нездймишапка казался несколько спокойнее других.

— Ребята, — зашептал он, — там, на улице, когда нас загоняли во двор, я видел на противоположной стороне того китайчугу, который хотел проводить нас в Гоминдан.

— Ну?..

— И вот мне показалось, будто он...

— Что?..

— Сделал какой-то знак...

— Кому? Солдатам?

— Нет, нам.

— Какой знак?

— Нельзя объяснить: произошло это неуловимо быстро. Но я понял так: «Не робейте. Мы вам поможем...»

— Чёрта с два помогут, — безнадежно выдохнул летчик. — Чем они нам в этой крысоловке помогут?..

Никто ему не ответил. Мысли всех были спутаны и подавлены.

— А где у тебя эта злосчастная записка? — спросили Антошку.

— У китайца осталась...

Так в неизвестности и волнении прошло, вероятно, больше двух часов.

Вдруг в одном углу сарая, под старой трухлявой соломой, послышался шорох. Сначала робкий и нерешительный, шорох этот постепенно все увеличивался и возрастал.

— Мыши проклятые... — поежился брезгливо Микола.

— Не мыши, а крысы, — поправил Нездыймишапка. — Ишь, как орудуют. Их тут, наверно, сила.

— Дай-ка я их поленом каким-нибудь садану, — воинственно поднялся Микола, ища глазами, чем бы можно было швырнуть в сторону шума.

Но в этот момент совершенно неожиданно оттуда раздался торопливый, приглушенный шёпот:

— Дыруг!.. Жуков!.. Син моя дыруг...

Антошка вздрогнул, вскочил, будто его внезапно ударила молния. Он кинулся в угол и ахнул: там из-под соломы, из узкой подкопанной под стеной норы выглядывала голова Ли-Чана.

— Скоро, дыруг! Иди... Вида!..

Через несколько секунд летчик, Нездыймишапка и Микола с лихорадочной поспешностью скрылись в норе вслед за Антошкой и китайцем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Опасность была настолько велика и серьезна, страх перед произволом кровавого шанхайского генерала так глухо сжимал сердца, что беглецы ползли с ловкостью и быстротой изумительной. Они перестали чувствовать свои тела, боль царапин, ушибов, ссадин, — силы их были напряжены до

последней степени и влекли вперед. Целый ряд полуразрушенных складочных помещений скоро остался позади. Через огороды, канавы, заборы, крохотные сады и дворики Ли-Чан привел Антошку и его спутников к небольшой белой фанзе на самом краю города. К величайшему своему изумлению, ребята увидели в фанзе того молодого решительного китайца, который несколько часов тому назад согласился вести их в городской комитет Гоминдана. Он приветливо улыбнулся им своими черными горячими глазами. Ли-Чан исковерканными полурусскими словами рассказал, что человек этот нашел его в Гоминдане, передал записку и сообщил об опасности, грозящей молодым путешественникам, вздумавшим в незнакомом городе разыскивать Ли-Чана.

Оставаться в Шанхае после всего этого было невозможно. Почти по всему городу шли повальные обыски, и можно было в любой момент снова попасть в беспощадные лапы кровавых приспешников Чан-Кай-Ши.

Но как выбраться из города и куда?

Пароход, на котором путешественники утром прибыли в порт, конечно, ушел дальше. Не мог же он стоять и ждать их возвращения... Сесть на другой пароход нечего было и думать, так как после бегства из-под ареста показаться на улице или в порту было бы безумием.

Ли-Чан долго совещался с молодым китайцем. Наконец, они остановились на каком-то одном определенном решении.

— Ты будешь умирать, — с улыбкой сказал Ли-Чан Антошке.

— То-есть как умирать? — не понял Антошка. — Я жить хочу.

— Ни савсем. — Нимножка умирать. И ты умирать, и ты умирать, и ты, — сообщил он по очереди Миколу, Нездыймишапке и Сидоренку.

— А если я не согласен? — недоверчиво вскинул голову Микола?

— Ни сагласен плохо — пухао. Нада сагласен.

Он вышел из фанзы и торопливо направился куда-то в город.

К вечеру Ли-Чан вернулся в сопровождении носильщиков, которые внесли во двор и составили у дверей фанзы четыре деревянных гроба.

— Ну, деньга есть, гроб есть, сампана тоже есть. Идем, дыруг, Владивосток.

Никто ничего не понял.

Тогда Ли-Чан, волнуясь, стал объяснять свой проект, единственно возможный, по его мнению, в создавшихся условиях. Проект заключался в следующем. Ни в одной стране так не почитается культ предков и вообще умерших, как в Китае. Несмотря на многолетние революционные войны и кровопролитную внутреннюю борьбу, трупы считаются священными, хоронить умерших разрешается всеми властями беспрепятственно. А так как умершие, по верованиям китайцев, должны быть похоронены по месту жительства своей семьи, то перевозка трупов в самых различных направлениях является обыденным делом, не возбуждающим никаких подозрений. Поэтому сейчас путешественникам лучше всего лечь в гробы и притвориться мертвыми. Носильщики донесут их до рейда, где уже готова сампана. А на сампане вполне свободно можно доплыть до Владивостока.

— Что ж, ребята, правильно. Выбора нет, — сказал летчик.

Ли-Чан и молодой китаец внесли гробы в фанзу. Путешественники улеглись в них. Сверху гробы накрыли неплотными крышками с отверстиями для воздуха. Потом вошли носильщики, и похоронная процессия тронулась в порт. Носильщики двигались с зажженными в руках разноцветными бумажными фонариками, народ на улицах почтительно

расступался, вооруженные пикеты с равнодушным любопытством поворачивались к процессии, как к печальному мирному зрелищу.

Покачиваясь в гробу, во тьме и в жаркой духоте тесной деревянной коробки, слыша вокруг, за стенками гроба, негромкий гул говора на чуждом, непостижимом языке, Антошка чувствовал себя, как в жуткой сказочной фантазмагории, которая неизвестно чем кончится. Шли очень долго, вероятно, не меньше часа. Когда к говору идущих стал примешиваться широкий плеск воды, мнимые покойники поняли, что их доставили в порт.

Погрузка гробов на сампану произошла очень быстро. Гробы составили в ряд и на протянутых веревках развесили около них разноцветные огни маленьких бумажных фонариков. Послышался скрип уключин, мерная работа весел, и сампана выплыла в океан.

Минут через пятнадцать, когда миновали все суда и лодки, стоявшие на рейде, Ли-Чан снял с гробов крышки.

— Ну, дыруг, кончал умирал. Живи опять, пожалуйста, — говорил он каждому, освобождая его из узкой смертной клетки.

На лице Ли-Чана, смутно освещенном фонариками, светилась счастливая добрая улыбка.

«Покойники» вылезли, осмотрелись. Кругом стояла черная жаркая ночь, точно весь мир представлял собою одну сплошную тьму. Подобно распростертым твердым крыльям неведомой птицы, вверху смутно виднелись высоко поставленные деревянные паруса сампаны. Огни фонариков вокруг гробов, уже снова заботливо закрытых крышками, были таинственно и загадочно прекрасны, точно сияние фантастических самоцветов.

Путешествие на сампане продолжалось пять дней. Когда на горизонте показывались встречные или обгоняющие пароходы, ребята снова залезали в гробы, чтобы на случай сторожевых и проверочных опросов Ли-Чан мог указать, что он везет мертвецов для погребения на родине.

Перерезав Желтое море в наиболее узкой его части, обогнув Корейский полуостров, на шестые сутки утром сампана плавно вошла во владивостокский порт.

Симпана выплыла в океан

— Спасибо, дорогой Ли-Чан, спасибо, — крепко жал руки китайцу Сидоренко. — Спас ты нас от беды неминуемой.

Антошка, Микола и Нездыймишапка на прощанье горячо обнимали своего друга.

— Никогда не забудем твоей помощи. Никогда! Ты нам, как брат теперь, — говорили они.

Ли-Чан был растроган и с мужественной теплотой похлопывал по плечу то одного, то другого.

Необыкновенно радостно было после множества всяческих испытаний снова почувствовать под ногами Советскую землю. Путешественники сейчас же отправились на вокзал и купили билеты в экспресс, отходивший вечером на Москву.

Сидя в вагоне, среди покоя, уюта и яркого электрического света, они чувствовали себя самыми счастливыми людьми в мире. Поезд, нес их в родные места, домой, к чудесному радостному труду, который все народы на земле должны сделать братьями.

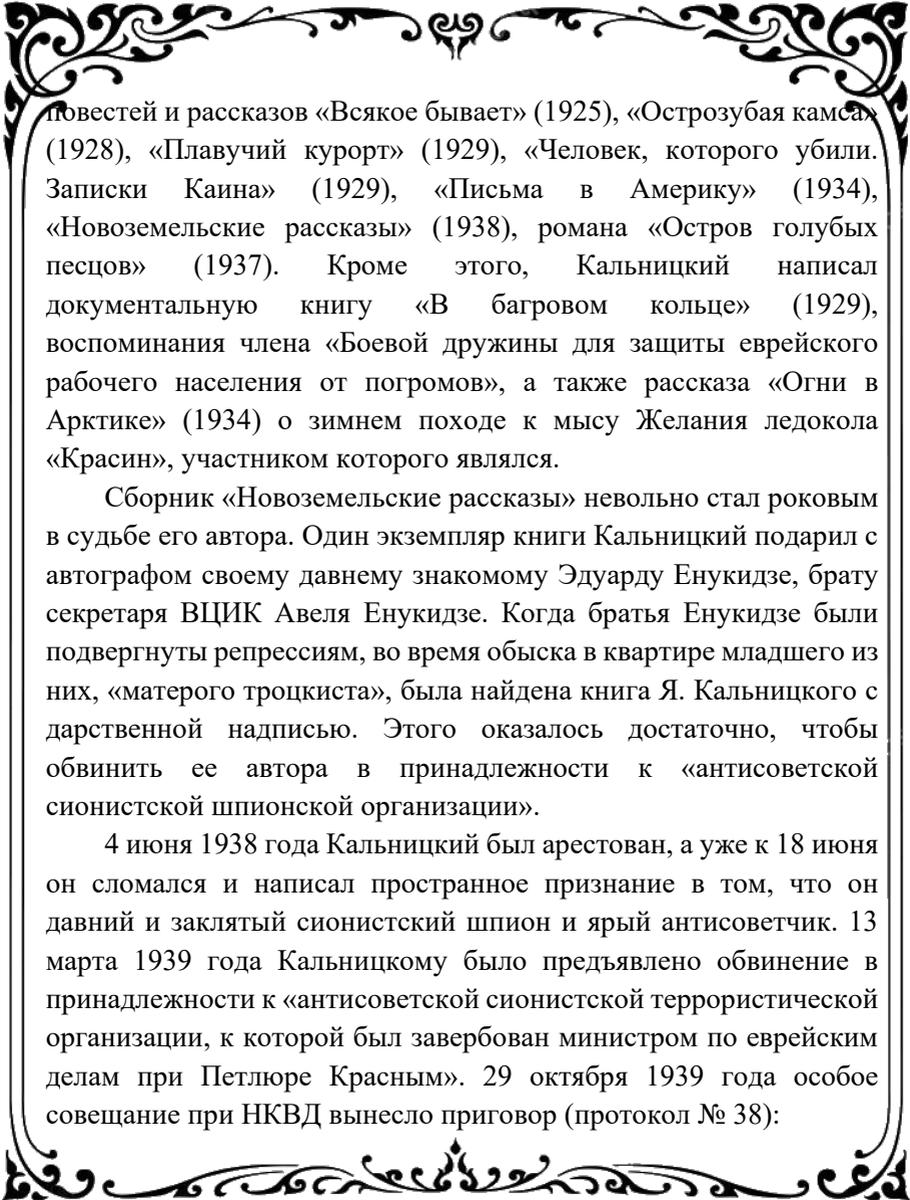

КАЛЬНИЦКИЙ
ЯКОВ ИСААКОВИЧ
(1895—1949)

Русско-украинский двуязычный советский прозаик.

Родился 10 октября (23 октября по новому стилю) 1895 года в семье мелкого торговца в городе Екатеринославе (ныне — Днепропетровск, Украина). Начал работать в 10 лет, окончил техническое училище. С началом Первой Мировой войны был призван в армию. Состоял рядовым 86-го пехотного запасного полка 35-й дивизии, затем — 138-го Волховского полка. Был полным Георгиевским кавалером. После февральского переворота 1917 года и в соответствии с опубликованным вслед за этим известным «Приказом № 1», был избран председателем солдатского комитета. В июне того же года участвовал в наступлении в Карпатах, а после этого был послан на усмирение беспорядков в Петрограде, где и примкнул к революционному движению. Формировал отряды Красной гвардии в Екатеринославе. В годы Гражданской войны — командир полка, затем начальник штаба бригады. После войны некоторое время служил в ГПУ, затем поступил на обучение в Днепропетровский металлургический институт. Много путешествовал по стране, участвовал в полярных экспедициях. Печататься начал с 1924 года. Писал на украинском и русском языках.

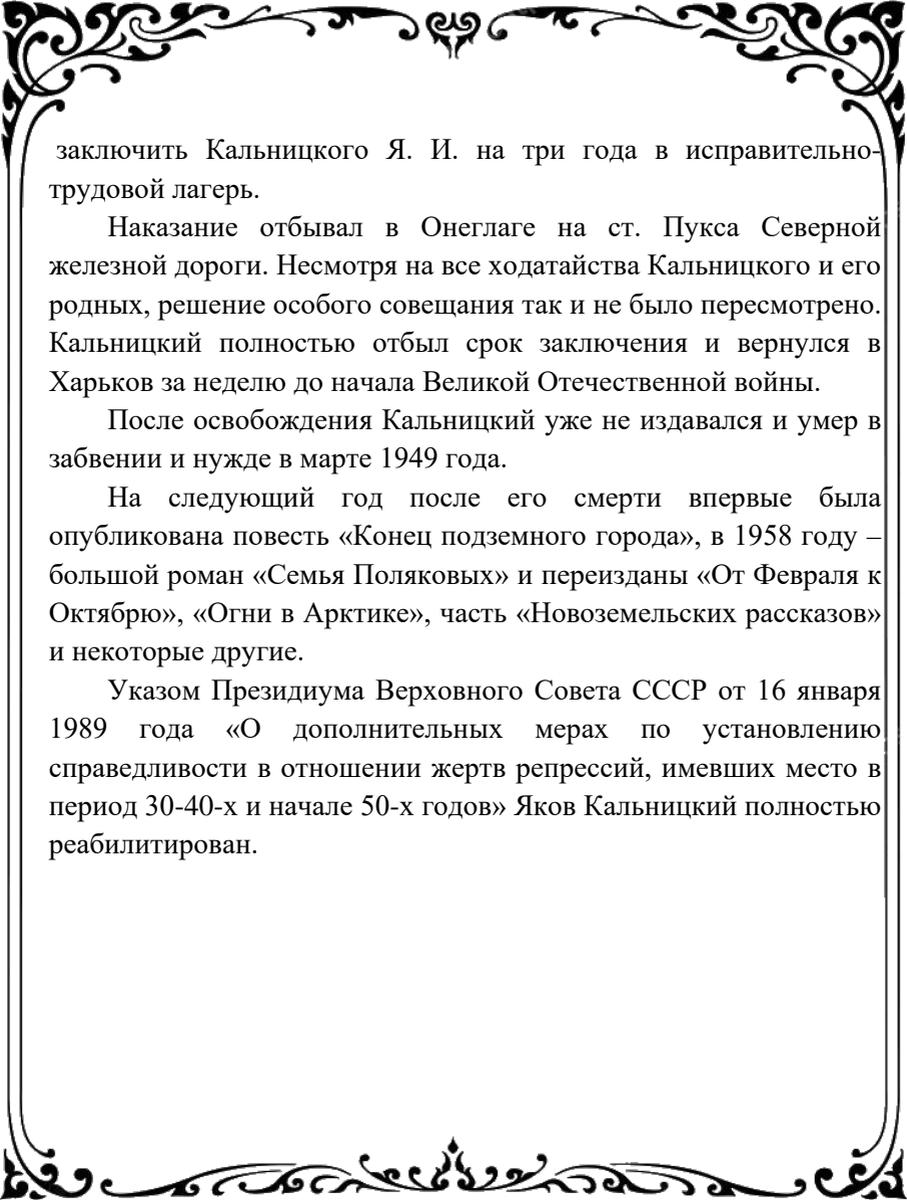
В 1924 году опубликовал книгу автобиографических очерков «От февраля до Октября», имевшую значительный успех и неоднократно переиздававшуюся (1925, 1964 годы). Окрыленный успехом, оставил учебу, переехал в Харьков и полностью отдался литературной работе. Перу Кальницкого принадлежат книги

повестей и рассказов «Всякое бывает» (1925), «Острозубая камса» (1928), «Плавучий курорт» (1929), «Человек, которого убили. Записки Каина» (1929), «Письма в Америку» (1934), «Новоземельские рассказы» (1938), романа «Остров голубых песцов» (1937). Кроме этого, Кальницкий написал документальную книгу «В багровом кольце» (1929), воспоминания члена «Боевой дружины для защиты еврейского рабочего населения от погромов», а также рассказа «Огни в Арктике» (1934) о зимнем походе к мысу Желания ледокола «Красин», участником которого являлся.

Сборник «Новоземельские рассказы» невольно стал роковым в судьбе его автора. Один экземпляр книги Кальницкий подарил с автографом своему давнему знакомому Эдуарду Енукидзе, брату секретаря ВЦИК Авеля Енукидзе. Когда братья Енукидзе были подвергнуты репрессиям, во время обыска в квартире младшего из них, «матерого троцкиста», была найдена книга Я. Кальницкого с дарственной надписью. Этого оказалось достаточно, чтобы обвинить ее автора в принадлежности к «антисоветской сионистской шпионской организации».

4 июня 1938 года Кальницкий был арестован, а уже к 18 июня он сломался и написал пространное признание в том, что он давний и заклятый сионистский шпион и ярый антисоветчик. 13 марта 1939 года Кальницкому было предъявлено обвинение в принадлежности к «антисоветской сионистской террористической организации, к которой был завербован министром по еврейским делам при Петлюре Красным». 29 октября 1939 года особое совещание при НКВД вынесло приговор (протокол № 38):

заклучить Кальницкого Я. И. на три года в исправительно-трудовой лагерь.

Наказание отбывал в Онеглаге на ст. Пукса Северной железной дороги. Несмотря на все ходатайства Кальницкого и его родных, решение особого совещания так и не было пересмотрено. Кальницкий полностью отбыл срок заключения и вернулся в Харьков за неделю до начала Великой Отечественной войны.

После освобождения Кальницкий уже не издавался и умер в забвении и нужде в марте 1949 года.

На следующий год после его смерти впервые была опубликована повесть «Конец подземного города», в 1958 году – большой роман «Семья Поляковых» и переизданы «От Февраля к Октябрю», «Огни в Арктике», часть «Новоземельских рассказов» и некоторые другие.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по установлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начале 50-х годов» Яков Кальницкий полностью реабилитирован.

ИСТОЧНИКОВАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ипсилон : роман. Кальницкий Я./ «Экран»
1930 г.

Острозубая комса: Повесть с
иллюстрациями. - [Харьков] :
... "Пролетарий", юн. сектор, 2-ая тип. изд-ва
"Пролетарий", [1927].

Вокруг света в 50 дней: Я. Кальницкий, В. Юрезанский. Харьков: Пролетарий, 1928 г.

Иллюстрации: М.Храпковского

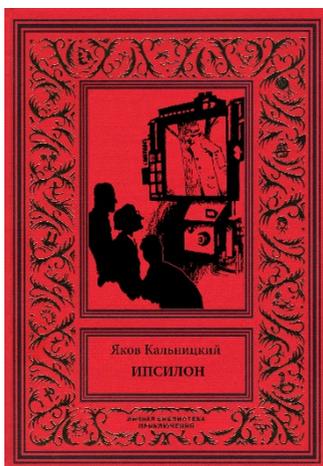
СОДЕРЖАНИЕ

Ипсилон	4
Острозубая комса	108
Вокруг света в 50 дней	168
Биография	283
Библиография	287

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO